

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

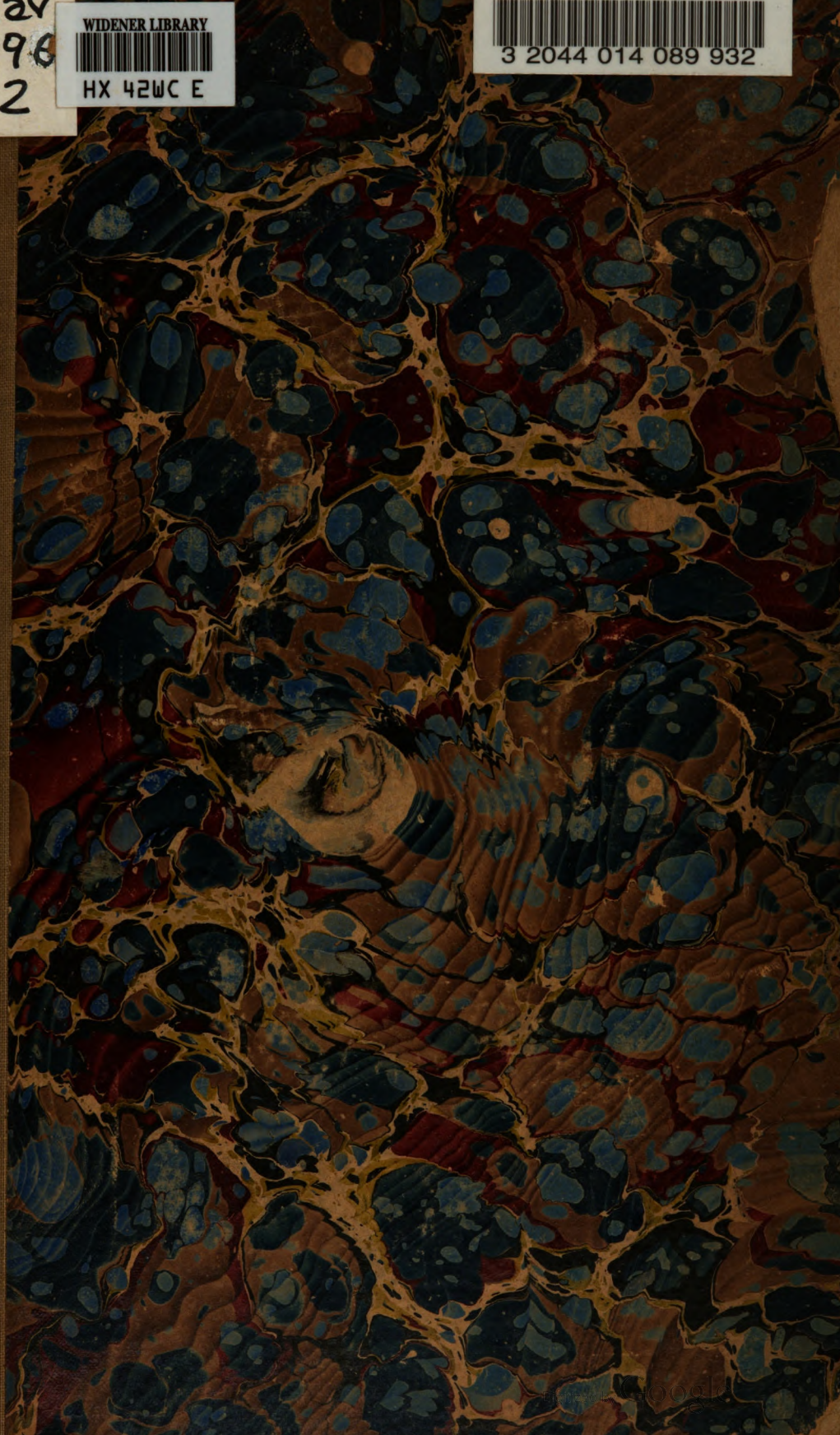
512v
996
2

WIDENER LIBRARY

HX 42WC E

3 2044 014 089 932

Slav 996.2

THE SLAVIC COLLECTION

Harvard College Library

GIFT OF

Archibald Cary Coolidge, Ph.D.

(Class of 1887.)

Received 1 July, 1895.

Slav. 996.2

Ekaterina II
i Gustav III.

Ja. K. Grot
Sankt Petersburg 1877

Catherine II
and Gustav III.

J. K. Grot
St. Petersburg 1877

(Ex being vol XVIII, No 1 of the
Sbornik of the div. of Russian
Language and Literature of the Imperial
Academy of Sciences)

(Russian)

0 St. Petersburg — Acad. imp. des sciences.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ XVIII, № 1.

©

ЕКАТЕРИНА II

И

ГУСТАВЪ III.

АКАДЕМИКА Я. К. ГРОТА.

Yakov Karlovitch Grot

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1877.

Slav 996.2

Harvard College Library
Gift of
Archibald Cary Coolidge, Ph. D.
July 1, 1895.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1877 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ЕКАТЕРИНА II и ГУСТАВЪ III¹.

АКАДЕМИКА Я. К. ГРОТА.

Во второй половинѣ 18-го столѣтія на европейскихъ престолахъ являются четыре замѣчательныя лица, которыя, съ разными оттѣнками ума и характера, выражаютъ собою въ болѣе или менѣе рѣзкихъ чертахъ одинъ тотъ же духъ времени, представляютъ весьма интересныя черты сходства и различія. Это были: Екатерина II, Фридрихъ Великій, Густавъ III и Іосифъ II.

Они находятся между собою въ сношеніяхъ, то дружественныхъ, то враждебныхъ, соперничаютъ, переписываются или посѣщаютъ другъ друга, заключаютъ союзы, воюютъ и мирятся. Они занимаются литературой, ведутъ свои записки, повѣряютъ бумагѣ тайныя мысли свои. По сходству ихъ взглядовъ и стремленій очень любопытно и поучительно было бы сопоставить извѣстія о ихъ воспитаніи и развитіи. Только при помощи такого сравненія мы могли бы совершенно вѣрно смотрѣть на образъ мыслей и дѣятельность Екатерины II.

Болѣе всего точекъ сближенія было между ею и ея двоюроднымъ братомъ Густавомъ, но въ то же время между ними

¹ Въ настоящемъ трудѣ слиты и значительно пополнены, особенно въ приложеніяхъ, двѣ статьи, прежде напечатанныя мною подъ этимъ же заглавіемъ въ сборникахъ *Древняя и Новая Россія* и *Русская Старина*.

Сборникъ II отд. II. А. Н.

являлось и болѣе всего элементовъ несогласія: они были естественные соперники и враги. Въ 18 вѣкѣ, на сосѣднихъ престолахъ сѣверной Европы два раза представляется намъ однородное созвѣздіе, подъ вліяніемъ котораго, при столкновеніи обѣихъ державъ, Россія неминуемо должна была выйти изъ борьбы побѣдительницею. Отношеніе Петра Великаго къ Карлу XII повторилось, къ концу столѣтія, хотя и въ совершенно другихъ формахъ и при другихъ условіяхъ, между Екатериною II и Густавомъ III¹. Въ самыхъ свойствахъ лицъ обоихъ разновременныхъ созвѣздій мы находимъ много сходнаго: съ одной стороны политическая мудрость, обдуманная сдержанность, спокойное самообладаніе, съ другой воинственный пылъ, не умѣряемый благоразуміемъ, безграничная самонадѣянность и тревожное тщеславіе: таковы были противоположности, при которыхъ исходъ борьбы въ обоихъ случаяхъ не могъ быть сомнителенъ. Довольно продолжительная, хотя и не всегда искренняя, дружба Екатерины и Густава смѣнилась наконецъ ожесточенною враждою, и война загорѣлась двоякая: къ военнымъ дѣйствіямъ на сушѣ и на морѣ присоединился литературный поединокъ между самими монархами, для которыхъ перо, въ этотъ вѣкъ вѣнценосныхъ писателей, было привычнымъ оружіемъ.

Шведская война нашла уже у насъ своего историка: профессоръ Брикнеръ посвятилъ ей обширную монографію, и онъ же особо разсмотрѣлъ два ея эпизода: заговоръ въ Аньялѣ и комическую оперу *Горе-богатырь*, гдѣ императрица, въ отмщеніе своему обидчику, воспользовалась его же хвастливыми выходками, чтобы выставить его на позоръ въ безпощадной карикатурѣ². По-

¹ Густавъ III род. 24 янв. 1746 г., вступилъ на престолъ 12 февр. 1771, возстановилъ монархическую власть смѣлымъ переворотомъ 19 авг. 1772; весною 1788 г. началъ наступательную войну съ Россіей, кончившуюся Верельскимъ миромъ, въ августѣ 1790 г., безъ измѣненія прежнихъ границъ; въ слѣдствіе составленнаго противъ него нѣсколькими дворянами заговора былъ смертельно раненъ на маскарадѣ въ построенномъ имъ же оперномъ театрѣ и умеръ 29 марта 1792 года.

² Статьи проф. Брикнера: «Война Россіи съ Швеціей», «Конфедерация въ

этому, не касаясь уже на этотъ разъ враждебнаго столкновѣнія между Екатериной и Густавомъ, я напротивъ намѣренъ представить очеркъ ихъ мирныхъ сношеній, до сихъ поръ весьма мало извѣстныхъ.

Отецъ Густава III, шведскій король Адольфъ - Фридрихъ, былъ родной братъ матери Екатерины II, Юанны Елисаветы¹, и это близкое родство двухъ сѣверныхъ монарховъ должно было еще скрѣпляться воспоминаніемъ дружбы, нѣкогда связывавшей ихъ родителей². Притомъ Адольфъ-Фридрихъ, бывшій голштинскій герцогъ и епископъ любскій, былъ обязанъ Россіи престоломъ: онъ сдѣлался королемъ въ слѣдствіе требованія Елисаветы Петровны, поставившей его избраніе условіемъ заключенія мира съ Швеціей. Адольфъ-Фридрихъ вступилъ въ супружество съ сестрою Фридриха II, Ловизой Ульрикой, и первенцемъ этого брака былъ Густавъ: онъ родился въ началѣ 1746 года, слѣдовательно тогда, когда почти семнадцатилѣтняя Екатерина уже была въ Россіи, и долженъ былъ съ дѣтства привыкнуть смотрѣть съ особеннымъ уваженіемъ на свою старшую, знаменитую умомъ и красотою, родственницу.

Воспитаніе Густава совершилось подъ вліяніемъ того же духа времени, который положилъ свою печать на развитіе Екатерины. Образцомъ для всей Европы служила тогда Франція, и наставниками принца принять былъ въ руководство планъ воспитанія дофина. Главный надзоръ порученъ одному изъ высшихъ сановниковъ, графу Тессину, котораго назидательныя письма къ царственному питомцу были впослѣдствіи изданы на многихъ европейскихъ языкахъ. Все для образованія принца было тщательно придумано по лучшимъ теоріямъ того времени, и при рѣд-

Ангелъ» и «Комическая опера Екатерины II *Горе-богатырь*» были напечатаны въ *Журн. Мин. Н. Просв.* 1868, 1869 и 1870 гг. Относительно значенія оперы *Горе-богатырь* см. приложение I къ настоящей статьѣ.

¹ См. о ней статью мою *Воспитаніе Екатерины II* въ журналѣ: *Древо* и *Новая Россія* 1875 г., февраль.

² Для уясненія родственныхъ отношеній между Екатериною и Густавомъ см. ниже Приложение II.

кихъ способностяхъ Густава такое воспитаніе могло бы принести самые вожделѣнные плоды, еслибъ тому не противодействовали обстоятельства: наставниковъ принца избирала господствовавшая партія помимо и даже противъ воли его матери, которая въ слѣдствіе того внушала сыну недовѣріе къ нимъ. Частая смѣна этихъ наставниковъ мѣшала правильному ходу дѣла, а бывшіе на глазахъ юноши примѣры были не такого свойства, чтобы могли утвердить его въ правилахъ нравственности и въ уваженіи къ людямъ. При всемъ томъ онъ рано приобрѣлъ множество свѣдѣній, особенно по исторіи, и необыкновенную начитанность; то и другое видно изъ сохранившихся дѣтскихъ его сочиненій разнаго рода, въ которыхъ онъ часто очень умно рассуждаетъ между прочимъ о знаменитыхъ дѣятеляхъ шведской исторіи, но въ то же время обнаруживаетъ совершенное пренебреженіе къ формѣ и незнаніе грамматики. Тѣмъ не менѣе авторскій талантъ получилъ въ будущемъ королѣ преждевременное развитіе, и воспитанію его недоставало только основательности. Едва выйдя изъ дѣтства, Густавъ началъ уже вести свои записки: понятно, что, при такомъ расположеніи къ литературной дѣятельности, написанное имъ въ теченіе жизни (хотя онъ кончилъ ее уже 46 лѣтъ) составило огромную массу бумагъ. Онъ завѣщалъ не раскрывать ихъ, пока не пройдетъ полстолѣтія послѣ его смерти: онѣ и хранились запечатанными въ библіотекѣ упсальскаго университета до 1842 года; тогда профессору исторіи Гейэру поручено было заняться ихъ разсмотрѣніемъ, и въ слѣдующіе же годы издано имъ въ четырехъ томикахъ сочиненіе: *Konung Gustaf III:s efterlemnade papper* ¹. Само собою разумѣется, что эти бумаги послужатъ намъ однимъ изъ главныхъ источниковъ для характеристики Густава и его отношеній къ могущественной сосѣдкѣ ².

На характеръ принца должно было сильно дѣйствовать и то

¹ Т. е. «Оставшіяся послѣ короля Густава III бумаги»; болѣе известна эта книга подъ названіемъ: «De Gustavianska papperen».

² Другія печатанныя пособія, которыми я при этомъ пользовался, были: *Geschichte Gustaf III, von Dr Posselt, Strassburg 1793*; — *Skrifter af blandadt innehåll, af Gustaf d'Albedyhll, Nyköping 1799*; — *Histoire de Catherine II, par*

обстоятельство, что между родителями его не было согласія: это не могло не способствовать къ развитію самостоятельности въ молодомъ человѣкѣ. Мать была женщина въ своемъ родѣ замѣчательная, съ красотою соединявшая много ума, живости и силы характера; но вмѣстѣ съ тѣмъ она была слишкомъ впечатлительна и представляла нѣкоторое сходство съ матерью Екатерины II: обѣ отличались властолюбіемъ, гордостью, были склонны къ интригѣ; Ловизѣ Ульрихѣ недоставало выдержки, она дѣйствовала вспышками и часто поражала своими странностями; подобно своему брату (Фридриху II) она любила заниматься философіей и литературой; большую часть времени проводила она въ уединеніи, заставляя читать себѣ вслухъ, и имѣла притязаніе слыть одною изъ образованнѣйшихъ женщинъ своего вѣка, что ей и удавалось.

Вольтеръ былъ въ это время истиннымъ царемъ умственного міра въ Европѣ; онъ далъ ходъ философіи 18 вѣка въ обществѣ и на тронахъ. Философія, говоритъ Гейеръ, сдѣлалась синонимомъ освобожденія отъ предразсудковъ, которыми стали хвалиться сильные міра, не сознавая, что оружіе, ими поддерживаемое, легко могло обратиться противъ нихъ же самихъ. То былъ, по словамъ того же писателя, монархическій или аристократическій періодъ этой философіи; позднѣе долженъ былъ наступить періодъ демократическій: Руссо началъ его и съ тѣхъ поръ прекратилась философія великихъ.

Мы знаемъ, какое значеніе приобрѣлъ Вольтеръ въ отношеніи къ Екатеринѣ; его господству не могъ не подчиняться и Густавъ. Руководителями принца въ новыхъ ученіяхъ, которыя счи-

J. Castera, Paris, an VIII;—Historisches Taschenbuch von Fr. v. Raumer, Leipzig 1857;—Gustave III, par le baron de Beskow, Stockh. 1868;—С.-Петербургскія Вѣдомости 1777 года;—Acta Academiae scientiarum petropolitanae, I. II. 1778 и 1780 г.;—Сборникъ Русскаго Истор. Общества, особенно т. XIII, Спб. 1874;—Гр. Никита и Петръ Панины, П. Лебедева, Спб. 1868;—Joseph II u. Katharina von Russland, Wien, 1869, и пр. Рукописные источники, дополнившіе эти матеріалы, были получены мною большею частью изъ Швеціи, благодаря обязательному содѣйствію нашего бывшаго посланника въ Стокгольмѣ Н. К. Гирса и генеральнаго консула А. Е. Моллеріуса.

тались средствомъ для пріобрѣтенія власти, были: мать его, филантропъ Карлъ Фридрихъ Шефферъ и поэтъ Крейцъ. Первый, членъ государственнаго совѣта, усердный послѣдователь школы экономистовъ, былъ одно время главнымъ наставникомъ Густава; послѣдній, также участвовавшій въ его воспитаніи, занималъ позднѣе дипломатическіе посты въ Мадридѣ и Парижѣ. Гейаръ называетъ обоихъ самыми гуманными, простодушными мечтателями. Въ одномъ письмѣ изъ Мадрида, Крейцъ пишетъ Густаву, что въ Парижѣ онъ познакомился съ знаменитымъ Юмомъ и внушилъ ему желаніе побывать въ Швеціи, взглянуть на королеву-философа и на молодого принца, который въ шестнадцать лѣтъ предпочитаетъ серіозныя книги легкому чтенію. «Была пора — говорить между прочимъ посланникъ — когда философія возводилась на костры, теперь она сидитъ на престолахъ: Берлинъ для нея священное убѣжище, въ Лондонѣ ей сооружаютъ алтари; ее чтутъ и любятъ на сѣверѣ, между тѣмъ какъ въ странахъ, болѣе ласкаемыхъ природою, она томится въ изгнаніи или безмолвствуетъ (Франція). Вольтеръ служитъ доказательствомъ, до какой степени вы, принцъ, возбуждаете участіе въ писателяхъ. Знаменитый старецъ прослезился, услышавъ, что ваше высочество знаете Генріаду наизусть. «Правда — сказалъ онъ — что я, сочиняя ее, имѣлъ въ виду доставить поученіе царямъ, но я не надѣялся, что она принесетъ плодъ на сѣверѣ. Я ошибался. Сѣверъ всегда производилъ героевъ и великихъ мужей.» Знаменитый писатель не переставалъ разспрашивать о мельчайшихъ подробностяхъ относительно вашего высочества. «Я старъ и слѣпъ — продолжалъ онъ — но если все, что вы мнѣ говорите, справедливо, то я умру спокойно: черезъ пятьдесятъ лѣтъ въ Европѣ уже не будетъ предрасудковъ. Общій разумъ когда-нибудь, конечно, будетъ довольно силенъ, чтобы произвести такой переворотъ.» Такъ заключаетъ Крейцъ. Любопытенъ и отвѣтъ молодого принца: «Ваше письмо доставило мнѣ безконечное удовольствіе. Отзывъ Вольтера несказанно для меня лестенъ. Желаю когда-нибудь заслужить его одобреніе, но боюсь, что теперь оно вызвано

вашимъ дружески преувеличеннымъ описаніемъ моихъ достоинствъ. Я въ восторгѣ, что вы продолжаете заниматься словесностью, и особенно поэзіей. Никогда наша литература не была въ такой опасности, какъ теперь. Далинъ умеръ, Ире скоро перестанетъ писать, Гюлленборгъ женился, и отъ него пойдутъ дѣти вмѣсто сатиръ. Такимъ талантамъ надо бы запретить жениться. Съ отрадой, но и съ грустью, вспоминаю наши ужины въ Дротнинггольмѣ¹ и бесѣды, которыя такъ много способствовали къ моему образованію».

Изъ Парижа, по переводѣ своемъ туда въ 1766 году, графъ Крейцъ сообщалъ Густаву всѣ текущія литературныя новости и устроилъ переписку между нимъ и Мармонтелемъ, который послалъ ему своего «Велисарія» и посвятилъ *Les Incas*. Между прочимъ, Крейцъ исправно доставлялъ кронпринцу романы Вольтера и новые томы Энциклопедіи. Въ сентябрѣ 1769 г. онъ пишетъ: «Посылаю осьмую часть Энциклопедіи, но прошу ваше высочество хранить ее, какъ и прочія части, про себя. Забавно, что самыя смѣлыя вещи похоронены въ *грамматическихкихъ* статьяхъ». Въ 1770 г., Густавъ самъ, вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ своимъ, предпринялъ заграничное путешествіе. Разумѣется, что оно прежде всего было направлено въ Парижъ, обѣтованный край всѣхъ тогдашнихъ путешественниковъ высшаго круга. Развратъ французскаго двора, гдѣ тогда господствовала Дюбарри, достигъ въ эту пору своего апогея; все, что здѣсь видѣлъ и слышалъ будущій король, дѣйствовало на его воспримчивую душу не какъ предостереженіе, а какъ соблазнительный примѣръ. Здѣсь онъ сблизился съ дофиномъ (впослѣдствіи Людовикомъ XVI), закрѣпилъ свой союзъ съ Франціей и пріобрѣлъ ея поддержку для рѣшительной внутренней борьбы, которую готовился вести въ своемъ отечествѣ. Мечту свою побывать у Вольтера въ Фернеѣ онъ не успѣлъ осуществить, получивъ въ началѣ 1771 года неожжи-

¹ Королевскій дворецъ близъ Стокгольма (Drottning zn. королева, holm—островъ).

данное извѣстіе о смерти своего отца, которое заставило его поспѣшно воротиться въ Швецію¹. Еще бывши кронпринцемъ, онъ не могъ безъ негодованія видѣть совершенный упадокъ королевской власти и непрерывную борьбу партій, раздиравшую государство въ слѣдствіе дерокаратической олигархіи, установленной тамъ актомъ 1720 года: съ тѣхъ поръ продолжался извѣстный въ шведской исторіи подъ именемъ времени вольности (frihetstiden) періодъ внутреннихъ смуть. Положить конецъ этому невыносимому положенію дѣлъ было первою заботой 26-лѣтняго короля. Рѣшимость, твердость и благоразуміе, съ какими онъ въ 1772 году совершилъ задуманный переворотъ, поставили его высоко въ глазахъ всей Европы, и можно было повидимому ожидать еще много великихъ дѣлъ отъ монарха, который такъ блистательно начиналъ свое царствованіе. Но нравственное существо его было исполнено самыхъ рѣзкихъ противорѣчій: страсть къ пышности, къ внѣшнему блеску, къ драматическимъ эффектамъ, славолюбіе и тщеславіе безпрестанно одерживали въ немъ побѣду надъ лучшими побужденіями и вѣрнымъ по большей части пониманіемъ вещей. Весьма мѣтко онъ самъ себя охарактеризовалъ въ слѣдующихъ строкахъ изъ одного письма къ Шефферу, писаннаго въ 1773 году: «Что бы ни говорили, людьми управляетъ воображеніе. Когда оно живо и сильно, то побуждаетъ ихъ къ великимъ предпріятіямъ; когда вяло и лѣнливо, то производитъ только ничтожныхъ людей. Оно тѣмъ хорошо, что жизнь, возбужденная его дѣятельностью, тотчасъ сообщается. Это бываетъ особенно въ большихъ народныхъ собраніяхъ: головы воспаляются одна другую. Тогда-то является энтузіазмъ, порождающій великія дѣла, добрыя или злыя, смотря по тому, какое направленіе они получаютъ отъ сильныхъ характеровъ или обстоятельствъ. Послѣ такого похвального слова живымъ воображеніямъ мнѣ почти совѣстно сознаться вамъ, что у меня самого

¹ Густавъ открыто защищалъ Вольтера противъ враговъ его и послалъ ему некрологъ своего отца, который самъ написалъ. Когда потомъ совершился переворотъ 1772 года, то Вольтеръ сочинилъ въ честь его особую поэмѣ.

очень пылкая фантазія». Въ такихъ сужденіяхъ нельзя не видѣть отраженія мыслей, разсѣянныхъ въ трудахъ энциклопедистовъ. Ихъ вліяніемъ объясняется, что въ письмахъ и замѣткахъ всѣхъ четырехъ названныхъ нами монарховъ нерѣдко встрѣчаются одни и тѣ же размышленія. Такъ въ дневникѣ Густава мы между прочимъ находимъ фразу: «Роль начальника партіи не достойна государя», и это же самое замѣчаніе въ разныхъ формахъ не разъ высказывается въ письмахъ Екатерины II¹.

Нельзя сказать, чтобы между ею и Густавомъ вовсе не было сходства: напротивъ, по своему образованію и вкусамъ, по одинаковому во многомъ положенію и наконецъ по самому существу своему, они представляли нѣкоторыя общія черты; оба, на примѣръ, равно дорожили властью и славой, любили блескъ торжествъ и шумъ похвалъ, привыкли къ расточительности; но, какъ мѣтко выразился одинъ изъ приближенныхъ Густава (графъ Ульрихъ Шефферъ, министръ иностранныхъ дѣлъ), общія имъ слабости, по странной игрѣ природы, въ Екатеринѣ принимали мужской характеръ, а въ Густавѣ женскій. Густавъ хотѣлъ только блистать и блистать всѣмъ, чѣмъ могъ, даже драгоценными камнями; Екатерина, напротивъ, стремилась къ дѣйствительной силѣ, хотѣла посредствомъ ея господствовать и управлять.

По историческимъ и политическимъ причинамъ, отношенія между обоими монархами, не смотря на ихъ близкое кровное родство, были съ самаго воцаренія Густава весьма щекотливыя, и чѣмъ болѣе благопріятные слухи доходили о немъ до императрицы, тѣмъ недовѣрчивѣе она должна была смотрѣть на своего сосѣда. Вотъ почему уже 1 мая 1771 года, т. е. черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вступленія его на престолъ, она писала

¹ Такъ она писала 21 янв. 1771 г. къ г-жѣ Бьельке: «J'ai toujours eu pour principe que vis-à-vis de ses sujets un prince ne doit jamais être que juge, jamais chef, encore moins adhérent de parti». (Я всегда держалась того правила, что въ отношеніи къ своимъ подданнымъ государь долженъ быть судьей, а не начальникомъ, еще менѣе приверженцемъ партіи. Сборн. Р. Ист. Общ., т. XIII, стр. 63. Ср. тамъ же, стр. 208).

Никитѣ Панину: «Я не столь отзывалась утвердительно на добрыя диспозиціи короля шведскаго, чтобъ изъ того заключить можно, чтобъ не должно намъ бдѣннымъ окомъ смотрѣть на шведскіе обороты»¹. Такое недовѣріе не могло не усиливаться еще въ значительной мѣрѣ послѣ знаменитаго *coup d'état* 8/19 августа 1772 г., такъ успѣшно сокрушившаго олигархію въ Стокгольмѣ. Событіе это самымъ чувствительнымъ образомъ задѣвало петербургскій кабинетъ, такъ какъ по Ништадтскому миру Россія, вмѣстѣ съ Даніею и Пруссіей, гарантировала сохраненіе въ Швеціи образа правленія 1720 года. Согласно съ этимъ, въ трактатѣ, заключенномъ между Россіей и Пруссіей въ 1769 г., было опредѣлено секретной статьей, что въ случаѣ возстановленія королевской власти у Шведовъ, Фридрихъ II обязанъ, по требованію Екатерины, сдѣлать нападеніе на шведскую Померанію. Встревоженный переворотомъ, прусскій король въ письмѣ къ своему племяннику порицалъ его поступокъ и предсказывалъ Швеціи большія затрудненія. Если тѣмъ ограничились со стороны Пруссіи послѣдствія дня 19-го августа, то причиной тому были польскія дѣла, поглощавшія въ этомъ самомъ году все вниманіе сосѣднихъ державъ.

Что касается Россіи, то Густавъ конечно понималъ, что послѣ побѣды надъ партіей шапокъ, которую всячески поддерживалъ русскій посланникъ Остерманъ, шведскому королю могла предстоять другая, болѣе опасная борьба съ союзницей этой партіи—Россіей. Черезъ нѣсколько дней послѣ своего успѣха онъ извѣстилъ о немъ Екатерину II. Она приняла его письмо холодно, и въ отвѣтѣ своемъ, воздерживаясь отъ всякаго поздравленія, ограничилась выраженіемъ надежды, что миръ будетъ сохраненъ, не смотря на разныя дѣйствія, которыя клонятся къ его нарушенію. Въ то же время она приказала Остерману стараться возстановить прежнее правленіе. Въ частныхъ письмахъ ея къ дру-

¹ Сб. Ист. Общ. XIII, 82. Для поздравленія новаго короля съ восшествіемъ на престолъ, 29 сентября 1771 года посланъ былъ въ Стокгольмъ девятнадцатилѣтній сынъ Долгорукаго-Крымскаго.

гимъ лицамъ между тѣмъ выражалось неудовольствіе противъ Густава. «Я вижу» — говорила она г-жѣ Бьельке, съ которою вела самую откровенную переписку — «что молодой шведскій король не придаетъ никакого значенія самымъ торжественнымъ клятвамъ и увѣреніямъ своимъ. За день до революціи онъ обвинялъ въ бунтѣ христіанстадскій гарнизонъ, а на другой день принялъ его сторону. Никогда ни въ какой странѣ законы не были такъ попираемы, какъ въ Швеціи при этомъ случаѣ, и я вамъ ручаюсь, что этотъ король такой же деспотъ, какъ сосѣдъ мой, султанъ: онъ рѣшительно ничѣмъ не стѣсняется. Не знаю, это ли — средство долго пользоваться любовью націи, рожденной и воспитанной въ правилахъ свободы; но полагаю, что не у меня одной въ Европѣ рождаются такія мысли»¹. Почти то же самое Екатерина нѣсколько позднѣ писала Вольтеру, прибавляя еще слѣдующія замѣчанія: «Вотъ нація, которая менѣе чѣмъ въ четверть часа теряетъ свой образъ правленія и свою свободу. Государственные чины, окруженные войскомъ и пушками, въ двадцать минутъ обсудили 52 пункта, которые они принуждены были подписать... И все это черезъ два мѣсяца послѣ того, какъ государь и весь народъ взаимно поклялись строго сохранять обоюдныя права свои»².

Дальнѣйшіе поступки Густава, за которыми Екатерина зорко слѣдила, все болѣе раздражали ее. Въ головѣ его уже зародилась мечта о присоединеніи Норвегіи къ Швеціи, и онъ готовъ былъ тотчасъ же приступить къ дѣлу: по поводу слуховъ о враждебныхъ намѣреніяхъ Даніи, шведскіе полки явились у норвежскихъ границъ, и самъ король посреди зимы поѣхалъ туда, но Фридрихъ II заставилъ его отказаться отъ этого преждевременнаго предпріятія. Между тѣмъ Екатерина, уже провѣдавъ о пла-

¹ Сб. Р. Ист. Общ. XIII, стр. 265.

² Тамъ же, стр. 268. Есть извѣстіе, что императрица впоследствии сама нашла это мѣсто слишкомъ рѣзкимъ и потребовала черезъ Гримма, чтобы оно было исключено изъ ея переписки при изданіи полнаго собранія сочиненій Вольтера (1784—1789). (Gustav III, pag Beskow, стр. 95). Однакожъ въ письмахъ Екатерины къ Гримму ничего подобнаго не оказывается.

нахъ Густава, писала къ г-жѣ Бьельке: «Этотъ молодой шведскій король, котораго вы считаете благоразумнымъ, не таковъ по-моему: онъ велъ въ Норвегіи тайныя интриги, которыя открылись и даютъ мало вѣса его словамъ: я по всему вижу, что онъ не уважаетъ своихъ завѣреній, и если нужно сказать напрямикъ, — для него нѣтъ ничего святого: послѣ этого довѣряйтесь ему, если можете»¹. Вольтеръ давно поговаривалъ о своемъ желаніи посѣтить императрицу: «Шведскій король» — отвѣчала она фернейскому философу — «доставитъ вамъ возможность сократить путешествіе: война можетъ сдѣлаться общою изъ-за этой политической шалости»².

Неудивительно, что въ Европѣ ходили слухи о скоромъ разрывѣ между Россіей и Швеціей, тѣмъ болѣе, что перемѣна обстоятельствъ, происшедшая въ Даніи съ паденіемъ Струэнзе, вызвала новое сближеніе между этимъ государствомъ и петербургскимъ дворомъ. Хотя Англіи и Франціи и удалось предупредить войну, однакожъ предложеніе Густава отправить въ Россію посланника было отклоненно Екатериной, а съ Даніей велись переговоры объ уступкѣ ей притязаній на Голштинію за предоставленіе Ольденбурга и Дельменгорста младшей отрасли гольштейн-готторпскаго дома помимо той, которая занимала шведскій престолъ³. Толки о войнѣ возобновились. Говорили, что великій князь, принадлежа къ старшей линіи голштинскаго дома, можетъ предъявить права на шведскую корону предпочтительно передъ младшею, царствующею въ Швеціи, что Ништадтскій миръ нарушенъ измѣненіемъ тамъ формы правленія, что Россія въ правѣ занять Финляндію, какъ занимала ее до этого мира, и проч. Прибавляли, что императрица, по совѣту графа Орлова, рѣшилась напасть на Швецію съ сорокатысячнымъ войскомъ, съ многочисленнымъ паруснымъ и галернымъ флотомъ. Между тѣмъ однакожъ ни Екатерина, ни Густавъ, при тогдашнихъ обстоя-

¹ Сб. Р. Ист. Об. XIII, стр. 286.

² Тамъ же.

³ О послѣдствіяхъ этихъ переговоровъ см. ниже.

тельстввахъ, не могли желать войны, и государыня въ письмѣ къ Вольтеру такъ опровергала передъ Европой подобныя слухи: «Они (т. е. французы) распустили молву, будто я просила у хана тридцать тысячъ татаръ для войны съ шведами и что онъ мнѣ въ томъ отказалъ. У меня и въ мысляхъ никогда не было такой глупости, и я очень сомнѣваюсь, чтобъ г. Сенъ-При (французскій посланникъ въ Константинополѣ), какъ увѣряютъ, доносилъ объ этомъ, потому что обыкновенно у посланниковъ предполагается по крайней мѣрѣ здравый смыслъ»¹.

Въ то же время Густава постоянно занимала мысль изгладить личнымъ свиданіемъ съ Екатериною неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на нее его первыми дѣйствіями. О поѣздкѣ въ Петербургъ онъ думалъ съ самаго воцаренія своего и нѣсколько разъ заявлялъ это намѣреніе. О томъ свидѣтельствуютъ между прочимъ слѣдующія строки изъ переписки императрицы съ г-жою Бьельке (отъ 18 мая 1771 г.): «Со всѣхъ сторонъ слышатся большія похвалы шведскому королю. Мнѣ очень досадно, что я не могла видѣть моихъ собратьевъ, Божіею милостію сѣверныхъ государей. Оба хотѣли быть сюда, но тому и другому встрѣтились препятствія, а я также не поѣду къ нимъ. Такимъ образомъ мы рискуемъ увидѣться только на томъ свѣтѣ; тамъ, если пожелаете, и вы можете присутствовать при нашемъ свиданіи, которое будетъ не безынтересно, и я вамъ обѣщаю, что разсмѣшу васъ, если это будетъ возможно, не смотря на требованія приличія»². Въ намѣреніи посѣтить Екатерину утверждала короля и мать его; находясь временно въ Берлинѣ, она писала сыну: «Братъ мой (Фридрихъ II) думаетъ, что ты далеко не уйдешь безъ Россіи, и совѣтуетъ тебѣ сѣздить въ Петербургъ». Какъ смотрѣла Екатерина на будущую встрѣчу съ своимъ безпокойнымъ сосѣдомъ, видно опять изъ ея переписки съ г-жою Бьельке. «Носятся слухи» — писала она 5 января 1774 года — «что онъ пріѣдетъ въ Финляндію; но вотъ уже третій разъ ходитъ подобная

¹ Сб. Ист. Общ. XIII, стр. 384.

² Тамъ же, стр. 95.

молва, а вмѣсто того, въ первый разъ, онъ произвелъ революцію, во второй, отправился въ Норвегію. Не знаю, что будетъ въ третій разъ; но если онъ пріѣдетъ ко мнѣ въ гости, то по неравенству нашихъ лѣтъ предвижу, что онъ будетъ страшно скучать со мною. Кромѣ того онъ французъ съ головы до ногъ: подражаетъ во всемъ французамъ и усвоилъ себѣ даже весьма скучный этикетъ французскаго двора; я же почти во всемъ составляю совершенную противоположность тому: съ роду я не могла терпѣть подражанія, и ужъ если выразиться прямо, то я такой же оригиналъ, какъ самый истый англичанинъ. Я не въ состояніи круглый годъ заниматься стихами и пѣснями, или щеголять остротами; у всякаго, какъ видите, своя фантазія; ни тотъ, ни другой изъ насъ не перемѣнится; но изъ всего этого слѣдуетъ, что навѣрное шведскій король соскучится со мною»¹.

Характеристика короля, набросанная здѣсь Екатериною II, и сравненіе, которое она проводитъ между имъ и собою, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Мы уже видѣли, что Густавъ былъ дѣйствительно воспитанъ въ слѣпой приверженности ко всему французскому; это основывалось не только на общемъ духѣ тогдашняго быта высшихъ классовъ въ цѣлой Европѣ, но и на особенныхъ отношеніяхъ стокгольмскаго двора къ версальскому; хотя Густавъ и старался поднять въ Швеціи національное чувство и между прочимъ завелъ драматическія представленія на родномъ языкѣ, но и въ жизни, и въ литературѣ онъ все-таки оставался вѣренъ нравамъ и вкусу французовъ. Говорилъ и писалъ онъ на языкѣ Вольтера съ большою развязностію, хотя, по общему обычаю эпохи, владѣлъ имъ только по навыку и писалъ безъ всякой орфографіи, впадая напр. въ такіе светизмы, какъ cholly вмѣсто joli, или chose вмѣсто j'ose. Что касается Екатерины, то она издавна хвалилась англоманіей, любила приписывать себѣ англійскія свойства и говорила, что давно бы предприняла поѣздку въ Англію, еслибъ эта страна была такъ же близка, какъ

¹ Сб. Р. Ист. Общ. XIII, 379.

Швеція¹. Впрочемъ вражда, которую императрица въ то же время показывала къ французамъ, презрительно называя ихъ, по примѣру Вольтера, влахами (*les velches*), была болѣе политическаго, нежели сердечнаго свойства и притомъ являлась собственно только отплатою за личную непріязнь, какую питалъ къ ней Шуазель. Въ сущности воспитаніе Екатерины, какъ мы уже знаемъ, было также въ полномъ смыслѣ французское; оно отразилось также на ея литературныхъ произведеніяхъ, и, не смотря на свое уваженіе ко всему англійскому, она однако въ своихъ подражаніяхъ Шекспиру являлась опять ученицею французовъ.

Какъ ненадеженъ былъ миръ между Екатериною и Густавомъ, видно между прочимъ изъ слѣдующаго случая. Въ 1775 году графъ Шуваловъ испыталъ въ Стокгольмѣ неожиданно-холодный пріемъ; императрица проводила этотъ годъ въ Москвѣ; пригласивъ всѣхъ иностранныхъ пословъ на обѣдъ въ Царицыно, она изъ этого приглашенія не исключила и шведскаго министра Нолькена, но просила вице-канцлера Остермана предупредить его, что хотя она и не желаетъ платить зломъ за зло, однакожъ, если шведскому королю придетъ охота пощипаться съ Россіей, то она, государыня, не останется у него въ долгу². Поэтому неудивительно, что осенью 1775 года Густавъ опасался войны съ Россіей. Есть его своеручная записка о томъ, писанная въ октябрѣ этого года, гдѣ говорится: «Глядя на вооруженія Россіи, не могу не считать ихъ направленными противъ моихъ владѣній съ цѣлю выполнить тѣ планы мести, которые занимали императрицу съ самой революціи (т. е. переворота 1772 года), но были оставлены турецкою войной и польскими дѣлами. Кажется, не миновать открытой войны этою осенью или въ будущемъ году, и не надо терять ни минуты, чтобы приготовиться къ отпору. Всего болѣе необходимѣе не затягивать этой войны и совершить смѣлое предпріятіе. Вотъ почему я собираюсь напасть всѣми силами на Петербургъ и принудить императрицу къ миру». Не было не-

¹ Сб. Ист. Общ. XIII, стр. 209.

² Сб. XV, 609.

достатка въ людяхъ, которые внушали ему, что при могуществѣ, которое онъ умѣлъ доставить Швеціи, ему ничего не будетъ стоить возвратить ей всѣ владѣнія, завоеванныя Россіей со времени Петра Великаго. Такъ думали и въ остальной Европѣ: вскорѣ послѣ стокгольмскаго переворота принцъ Генрихъ прусскій писалъ къ матери Густава: «При нынѣшнемъ образѣ правленія и десятилѣтнемъ мирѣ, Швеція можетъ сдѣлаться преобладающею державой».

Но воинственное расположеніе 1775 года было не продолжительно. Густавъ скоро возвратился къ мысли, что на первый случай всего важнѣе поѣздкою въ Петербургъ возстановить себя въ мнѣніи своей знаменитой родственницы. Посмотримъ между тѣмъ, каково ему жилось въ отечествѣ. Семейныя отношенія его были далеко не радостныя. Мать его, передъ своимъ замужствомъ, уже пріѣхала въ Швецію съ предубѣжденіемъ, котораго никогда не могла вполне побѣдить: не безъ нѣкотораго презрѣнія смотрѣла она на эту сравнительно бѣдную и малолюдную страну. Когда сынъ вступилъ на престолъ, она, по своему властолюбію и любви къ роскоши, не могла равнодушно перенести перемѣны, происшедшей въ ея положеніи. Начались неудовольствія; вдовствующая королева требовала, чтобы ей назначено было ежегодное содержаніе еще до опредѣленія сеймомъ королевскаго: на это сынъ никакъ не могъ согласиться. О раздраженіи противъ него матери свидѣлствуютъ письма, которыя она писала ему изъ Берлина во время 9-тимѣсячнаго тамъ пребыванія. По возвращеніи ея между ними произошелъ полный разрывъ по одному совершенно внѣшнему поводу. Прежде караулъ у королевы и сына ея отбывали тѣ же тѣлохранители; но въ отсутствіи ея, король, по ихъ просьбѣ, повелѣлъ, чтобы они служили только при его лицѣ; при королевѣ же ихъ замѣнила особая стража съ собственною ея ливреей. Это сильно оскорбило мать Густава, и она уже никогда не могла простить ему такого, какъ ей казалось, униженія своего достоинства. Женившись (въ 1766 г.) безъ всякой любви на датской принцессѣ Софіи Магдалинѣ, Гу-

ставъ не зналъ и домашняго счастья. Вознагражденіе онъ могъ находить только во внѣшнихъ благахъ и въ любви народа, которую дѣйствительно умѣлъ приобрести: всѣ согласны въ томъ, что первыя шесть лѣтъ его царствованія были изъ самыхъ счастливыхъ въ шведской исторіи. Послѣ переворота, при дворѣ воцарилось спокойствіе, какого давно не видали: партіи замолкли; король никому не мстилъ, и при раздатѣ должностей не руководствовался никакимъ пристрастіемъ; не было ни интригъ, ни тѣхъ шумныхъ проявленій соперничества и зависти, которыя прежде такъ часто нарушали миръ. Король, одержавъ побѣду надъ своими врагами, показалъ рѣдкую умѣренность и не только не злоупотреблялъ своею властью, но добровольно слѣдовалъ либеральнымъ началамъ, какихъ не видѣла на дѣлѣ еще и западная Европа: хотѣлъ быть, какъ самъ онъ говорилъ, «стражемъ свободы своего народа». Къ популярности его особенно способствовала свобода печати, введенная имъ даже вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ государственныхъ людей. Но эта популярность однакожъ вскорѣ сильно поколебалась, когда король, слѣдуя примѣру Пруссіи и Россіи, для увеличенія государственныхъ доходовъ отмѣнилъ право свободнаго винокурения и присвоилъ его коронѣ. Мѣра эта тяжело отозвалась на народномъ хозяйствѣ и повлекла за собой строгія взысканія и разнаго рода стѣсненія, между прочимъ домашніе обыски и систему шпіонства, для поддержанія которой доносчикамъ раздавались награды. Неудовольствіе, возбужденное въ народѣ этимъ нововведеніемъ, мало по малу подорвало его довѣріе и къ самому королю: Густава стали обвинять въ лицемеріи, осуждали его любовь къ театральнымъ представленіямъ, въ которыхъ самъ онъ при дворѣ своимъ принималъ участіе, вообще его страсть къ разорительнымъ увеселеніямъ, особенно къ турнирамъ или каруселямъ: въ подражаніе другимъ странамъ Европы, онъ устроилъ съ величайшею роскошью два подобныя торжества и тѣмъ далъ новую пищу начинавшемуся народному ропоту.

Таково было положеніе Густава, когда онъ въ 1777 году,

по совѣту своего министра иностранныхъ дѣлъ графа Ульриха Шеффера, рѣшился осуществить планъ поѣздки въ Петербургъ. Есть извѣстіе, что его намѣреніе было склонить Екатерину II къ союзу противъ Дани, но что планъ этотъ не удался. По поводу ожидаемаго пріѣзда короля, императрица назначила состоять при немъ находившагося въ Финляндіи съ своею дивизіею графа Брюса, которому и было приказано встрѣтить его, но не собирать при этомъ полковъ, такъ какъ они были плохи; король же ѣхалъ инкогнито и, слѣдовательно, прямой надобности въ томъ не было¹. Вотъ какъ Густавъ самъ описываетъ свои приготовленія къ путешествію и пріѣздъ въ Петербургъ²:

«Обстоятельства казались мнѣ благопріятными для исполненія моего давнишняго намѣренія лично переговорить съ императрицей и постараться изгладить неудовольствіе, какое оставилъ въ ея душѣ достопамятный день 19 августа 1772 года: итакъ я рѣшился въ этомъ (1777) году съѣздить въ Петербургъ. Но надо было хранить это въ тайнѣ до самаго путешествія. Съ адмираломъ Тролле, который ѣхалъ въ Финляндію, я отправилъ приказаніе приготовить въ Свеаборгѣ судно, подъ предлогомъ обученія морскихъ офицеровъ, и прибыть съ нимъ въ Стокгольмъ, такъ чтобъ мнѣ можно было пуститься въ путь 8 или 9 июня. Я былъ намѣренъ употребить это судно до Свеаборга, а оттуда въ Петербургъ итти на галерѣ, оснащенной въ Стокгольмѣ. Я далъ своему посланнику въ Парижѣ порученіе относительно подарковъ

¹ Изъ этихъ распоряженій видно, что въ Петербургѣ сначала думали, что король пріѣдетъ сухимъ путемъ. Густава ждали нѣсколько разъ, и между прочимъ 6 апрѣля 1772 г. государыня писала Елагину: «Въ краткую конфиденцію вамъ сообщаю, что король шведскій вознамѣрился сюда пріѣхать; точное время не знаю, а вѣроятно, что воспослѣдуетъ въ іюлѣ или августѣ. И для того: первое, старайтесь, чтобъ въ Ораніенбаумѣ въ саду домики были обитаемы къ тому времени; второе, чтобъ была опера новая» и пр. (Сб. Р. Ист. Общ. XIII, 231).

² См. подлинное описаніе на французскомъ языкѣ въ приложеніи III. Здѣсь оно сообщается въ извлеченіи по напечатаннымъ на шведскомъ языкѣ «Бумагамъ Густава III».

и назначилъ на путешествіе 20 т. риксдалеровъ¹. Я велѣлъ написать барону Нолькену, моему чрезвычайному послу въ Петербургъ, чтобы онъ предупредилъ о моемъ пріѣздѣ и далъ мнѣ знать, удобно ли императрицѣ выбранное мною время. Онъ долженъ былъ условиться съ графомъ Панинымъ обо всемъ, что касается салюта: впрочемъ по щекотливости этого дѣла я предпочиталъ сохранить полное инкогнито и вовсе не имѣть салюта. Моему посланнику было приказано сообщить конфиденціально о моемъ путешествіи французскому министерству. Отвѣтъ пришелъ 29 (18) мая. На слѣдующій день я извѣстилъ сенатъ о своемъ рѣшеніи и о томъ, что на время своего отсутствія главное начальство въ Стокгольмѣ передаю брату. Сопровождать себя я назначилъ графа Ульриха Шеффера и Морица Поссе².

«Въ субботу, 7-го іюня, я сѣлъ на корабль передъ дворцомъ, въ присутствіи двора, множества дворянъ и огромной толпы, при пушечной пальбѣ и кликахъ народа. Королева, братъ мой и невѣстка провожали меня до мыса Блокгуса... Въ понедѣльникъ, 16 (5) іюня въ два часа утра, показались вдали Кронштадтъ и Ораніенбаумъ. Явился русскій офицеръ и спросилъ, гдѣ графъ Готландскій—на яхтѣ или на галерѣ. Я самъ отвѣчалъ, что онъ на яхтѣ. Офицеръ подаль мнѣ письмо отъ императрицы. Въ $\frac{3}{4}$ 5-го мы бросили якорь передъ Кронштадтомъ. Было великолѣпное утро. Мы высадились въ Ораніенбаумѣ, въ 40 верстахъ или 4-хъ шведскихъ миляхъ отъ Петербурга. Мы проѣхали это пространство въ три часа, не перемѣняя лошадей. Русскіе кучера самые лучшіе въ мірѣ. Въ $\frac{3}{4}$ 10-го я остановился въ посольскомъ домѣ и сейчасъ же посѣтилъ неожиданно графа Панина. Русскіе офицеры, не зная кто я, съ удивленіемъ смотрѣли на мой синій мундиръ à la Charles XII и на бѣлый платокъ, повязанный вокругъ лѣвой руки³, когда я шелъ за Нолькеномъ черезъ всѣ комнаты въ

¹ На наши деньги тысячъ 5 руб. сер.

² Въ № 45 С. Петерб. Вѣдом. 1777 г. исчислены и другія, второстепенныя лица, бывшія въ свитѣ короля.

³ Во время переворота 1772 г. король приказалъ всѣмъ офицерамъ носить

кабинетъ Панина. Когда мы вошли туда, онъ одѣвался и натягивалъ свое нижнее платье. Поздоровавшись съ Нолькеномъ, онъ сказалъ: «Ахъ, баронъ, милости просимъ! что у васъ новаго?...» Въ эту минуту онъ увидѣлъ меня. Я подошелъ и по глазамъ его могъ замѣтить, какъ онъ былъ изумленъ, особенно когда Нолькенъ представилъ ему графа Готландскаго. Не могу описать его замѣшательства. Онъ хотѣлъ снять свой колпакъ, но не рѣшался выпустить панталоны, которыя держалъ одной рукой, привѣтствуя меня другою, и сказалъ Нолькену: «Ахъ, баронъ! какую шутку вы со мной сыграли!» Нолькенъ отвѣчалъ: «Я не удивляюсь смущенію вашего сіятельства, но есть пріѣзжіе, которымъ ни въ чемъ нельзя отказать». Я объяснилъ, что съ величайшимъ нетерпѣніемъ желаю увидѣть императрицу и что, имѣвъ удовольствіе двадцать лѣтъ тому назадъ свидѣться съ Панинымъ, могу считать себя его старымъ знакомымъ, хотя, конечно, я много съ тѣхъ поръ измѣнился¹. Графъ Панинъ говорилъ любезности и извинялся по-своему и на своемъ обычномъ языкѣ, безпрестанно повторяя одно и то же. Баронъ Нолькенъ сказалъ, что графъ Фалькенштейнъ (императоръ Іосифъ II) былъ еще хуже принять графомъ Морепѣ, который заставилъ его дожидаться въ гостиной». — (Послѣ описанія комнаты графа Панина этотъ дневникъ, къ сожалѣнію, прекращается).

О пребываніи короля въ Петербургѣ, продолжавшемся ровно мѣсяцъ, мы находимъ подробныя свѣдѣнія въ тогдашней академической газетѣ, которая въ этомъ случаѣ, конечно не безъ воли самой императрицы, отступила отъ своего обычнаго лаконизма; притомъ директоръ академіи наукъ Домашневъ, какъ мы скоро увидимъ, былъ лично заинтересованъ въ сообщеніи извѣстій о пріемѣ Густава. Эти свѣдѣнія любопытны, не только въ отно-

этотъ знакъ, который послѣ и остался принадлежностью военной формы. Это продолжалось до свѣденія съ престола Густава IV Адольфа въ 1809 году.

¹ См. С.-Петербург. Вѣдом. 1777 г., № 45 — 55. Мы слышали, что есть и на шведскомъ языкѣ рукописное описаніе пребыванія Густава III въ Петербургѣ, составленное полковникомъ Шинкелемъ. Услышавъ, что эта рукопись

шеніи собственно къ главному своему предмету, но и потому, что изъ нихъ намъ становится яснѣе, что въ то же время дѣлалось при дворѣ Екатерины II и какъ сама она проводила время. Вотъ почему здѣсь представляется въ извлеченіи вся хроника пребыванія шведскаго короля въ Петербургѣ.

Графъ Готландскій прибылъ въ нашу столицу 5-го іюня въ 8 часовъ утра. Такъ какъ слухъ о его пріѣздѣ уже нѣсколько дней ходилъ по городу, то передъ домомъ шведскаго посланника, гдѣ король остановился, собралась большая толпа народа. Уже въ 11 часовъ царственный путешественникъ вмѣстѣ съ барономъ Нолькеномъ отправился къ графу Панину и пробылъ у него съ часъ. При выходѣ изъ его кабинета, шведскій посланникъ пригласилъ Никиту Ивановича къ себѣ отобѣдать съ графомъ Готландскимъ. Послѣ обѣда въ 5 часовъ король поѣхалъ въ Царское Село, и былъ введенъ къ императрицѣ графомъ Панинымъ въ особый кабинетъ, гдѣ она ожидала его и куда вскорѣ вошелъ также великій князь Павелъ Петровичъ съ супругою (Маріей Федоровной). «Свиданіе ихъ», говоритъ газета, «происходило съ изъявленіемъ взаимныхъ горячихъ родственническихъ чувствованій». Тамъ Густавъ III и ужиналъ съ царственнымъ семействомъ, и только въ часъ ночи возвратился въ городъ. Между тѣмъ въ этотъ же день вечеромъ петербургскіе жители, надѣясь увидѣть короля въ Лѣтнемъ саду, собирались туда въ необыкновенномъ множествѣ: «не запомнить ницто» — сказано въ современномъ описаніи — «такой тѣсноты, какова была въ поне-дѣльникъ ввечеру въ придворномъ Лѣтнемъ саду»; но графъ Готландскій посѣтилъ его только на другой день въ ранніе часы, когда еще публики тамъ не бываетъ.

Въ тотъ самый день, 6 іюля, памятный сожженіемъ турецкаго флота при Чесмѣ, происходила закладка церкви на имперѣ

хранится въ библіотекѣ упсальскаго университета, мы сдѣлали попытку для полученія ея, но впоследствии оказалась что тамъ находится только подлинная записка короля объ этомъ путешествіи, которая и доставлена намъ въ копіи, печатаемой ниже въ приложенияхъ.

торской дачѣ, за нѣсколько лѣтъ до того построенной на 7-й верстѣ по паркосельской дорогѣ. Въ то время это мѣсто еще носило финское названіе «Кекерексинно»¹. Екатерина пожелала построить здѣсь церковь въ память славной побѣды; при закладкѣ присутствовалъ Густавъ и самъ положилъ камень въ основаніе храма Іоанна Предтечи². Здѣсь государынѣ были представлены графомъ Панинымъ главные лица королевской свиты, которые удостоились и обѣдать за ея столомъ во дворцѣ. Послѣ обѣда Густавъ III возвратился въ городъ, былъ въ придворномъ спектаклѣ и ужиналъ у графа Панина. Въ тотъ же день онъ посѣтилъ вице-канцлера графа И. А. Остермана.

9-го, король ѣздилъ въ Царское Село, а по возвращеніи былъ въ придворномъ французскомъ спектаклѣ и ужиналъ у президента адмиралтейской коллегіи графа Ив. Гр. Чернышева.

Въ слѣдующій день императрица изъ Царскаго Села перѣѣхала на лѣтнее пребываніе въ Петергофъ. На пути, въ полдень, она остановилась на дачѣ оберъ-шталмейстера Л. А. Нарышкина и тамъ кушала. Въ числѣ 35 гостей былъ и шведскій король. Послѣ прогулки въ паркѣ этой дачи государыня въ 5 часовъ отправилась далѣе и по дорогѣ еще разъ остановилась на дачѣ И. Г. Чернышева.

Въ воскресенье, 11 числа, послѣ обѣда, графъ Готландскій принималъ визиты, которые ему отдавали многія знатныя лица, въ томъ числѣ иностранные министры; въ 6 часу онъ поѣхалъ въ Лѣтній дворецъ (на мѣстѣ нынѣшняго Михайловскаго замка), а по осмотрѣ его прошелъ пѣшкомъ въ Лѣтній садъ, гдѣ былъ встрѣченъ необыкновенно многочисленной публикой: «любопытство видѣть сего знаменитѣйшаго гостя влекло всѣхъ туда, гдѣ только онъ являлся, и вездѣ, гдѣ останавливался, окружаемый тѣснящимся множествомъ».

¹ «Лягучешье болото», какъ тогда объясняли это имя.

² Освященіе этой церкви происходило 24 іюня 1780 года въ присутствіи бывшаго тогда въ Петербургѣ императора Іосифа II; въ этотъ же день мѣсто было переименовано Чесмою (*С.-Петербургскій Вѣстникъ*, ч. V, стр. 480).

12-го іюня, онъ посѣтилъ академію художествъ и ѣздилъ въ Петергофъ; 14-го ужиналъ съ царскимъ семействомъ въ Ораніенбаумѣ, 15-го обѣдалъ у Остермана, а ужиналъ у испанскаго министра графа Ласси. 16-го, послѣ обѣда, присутствовалъ въ Смольномъ монастырѣ при раздачѣ дѣвицамъ наградъ, вечеромъ же былъ въ придворномъ театрѣ на представленіи славившейся въ то время волшебной комической оперы Мармонтеля Земира и Азоръ. 17-го, въ субботу, послѣ обѣда, ѣздилъ съ визитами ко многимъ высокопоставленнымъ лицамъ; на воскресенье же поѣхалъ въ Петергофъ и былъ тамъ на придворномъ балѣ.

21-го числа, императрица пріѣхала въ городъ и угощала короля обѣденнымъ столомъ въ Эрмитажѣ. Поутру, въ этотъ день, онъ былъ въ Невскомъ монастырѣ у обѣдни и потомъ посѣтилъ тамъ митрополита Гавріила, а оттуда ѣздилъ на фарфоровый заводъ (по шлюссельбургской дорогѣ), гдѣ въ его присутствіи производились разныя работы и поднесены были ему нѣкоторыя издѣлія этой фабрики. Послѣ обѣда онъ смотрѣлъ «экзерциціи» преображенскаго полка.

22-го, п. о., король былъ въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ начальникъ этого заведенія И. И. Бепкій показалъ «разныя военныя и гимнастическія» упражненія кадетъ; король любовался ихъ ловкостью и проворствомъ, особливо въ перепрыгиваніи рвовъ, волтижированіи и плаваніи. Осматривая въ Петербургѣ все достойное вниманія, Густавъ около этого времени посѣтилъ между прочимъ императорскую шпалерную мануфактуру.

На слѣдующій день онъ былъ въ крѣпости, гдѣ въ сопровожденіи Потемкина, Румянцова Задунайскаго и множества другихъ лицъ, посѣтилъ между прочимъ монетный дворъ. Извѣстный А. А. Нартовъ показалъ ему всѣ производившіяся тутъ работы и поднесъ ему выбитыя въ его присутствіи золотыя и серебряныя медали. Оттуда король, во 2-мъ часу, поѣхалъ на шлюпкахъ въ Горное училище; тотъ же Нартовъ объяснилъ ему и здѣсь все достопримѣчательное и представилъ въ даръ отъ имени

училища рѣдкія русскія руды. Потомъ онъ былъ введенъ въ устроенную нарочно рудоконную гору, на поверхности и внутри которой исполнялись кадетами разныя горныя работы.

23-е число было назначено для посѣщенія академіи наукъ. Тамъ по этому случаю происходило публичное торжественное собраніе, на которое были приглашены между прочимъ почетные члены академіи, иностранные министры и многія лица высшаго петербургскаго общества. Уже въ 11 часовъ утра пріѣхалъ Густавъ и внизу лѣстницы былъ встрѣченъ директоромъ академіи. Въ актовомъ залѣ король не захотѣлъ воспользоваться приготовленнымъ ему почетнымъ мѣстомъ и занялъ одинъ изъ стульевъ, поставленныхъ для его свиты¹. Сперва прочитанъ былъ протоколъ предыдущаго собранія, а за нимъ разсужденіе академика Палласа о составѣ горъ и о перемѣнахъ, происшедшихъ на земномъ шарѣ въ примѣненіи къ Россіи. Потомъ директоръ академіи произнесъ рѣчь о справедливости наименованія 18 вѣка философскимъ, въ которой нашелъ случай изложить, какъ много науки и искусства уже обязаны шведскому королю. Въ заключеніе академикъ Штелинъ прочелъ полученное имъ изъ Китая письмо миссіонера Сиббъ, при которомъ прислано было сочиненіе этого лица о неизвѣстномъ дотолѣ видѣ грибовъ. Затѣмъ директоръ спросилъ членовъ, не имѣетъ ли еще кто предложить чего-нибудь, и по отрицательномъ отвѣтѣ объявилъ засѣданіе конченнымъ. Тогда графу Готландскому были представлены всѣ академики, изъ коихъ нѣкоторые были также членами стокгольмской академіи наукъ. Изъ залы собранія онъ, по предложенію Домашнева и въ сопровожденіи всѣхъ академиковъ, отправился въ кунсткамеру, гдѣ съ особеннымъ вниманіемъ разсматривалъ восковое изображеніе Петра Великаго и аллегорическую картину, представлявшую подвиги этого государя въ связи съ побѣдами, прославившими Екатерину II въ послѣднюю турецкую войну. Изъ кунсткамеры Густавъ по крутой и узкой лѣстницѣ всходилъ на крышу

¹ Acta academiae sc. Petrop. I, стр. 6.

обсерваторіи, далѣе посѣтилъ монетный и минералогическій кабинеты; въ первомъ ему поднесены были золотая медаль и жетонъ, выбитые по случаю отпразднованнаго за годъ передъ тѣмъ 50 лѣтняго юбилея академіи наукъ, а во второмъ кусокъ самороднаго желѣза, найденнаго въ Сибири путешествовавшими тамъ академиками; отломокъ положенъ былъ въ большой серебряный ковчегъ съ готландскимъ гербомъ. Въ библіотекѣ король прочелъ нѣсколько страницъ писаннаго рукой Екатерины Наказа и принялъ печатный экземпляръ его на четырехъ языкахъ; кромѣ того ему были поднесены еще нѣкоторыя другія книги, печатанныя въ академической типографіи, планъ Петербурга и портфель съ рисунками восточныхъ рѣдкостей.

Послѣ всего этого, король пожелалъ видѣть знаменитый готторпскій глобусъ, внутренность котораго, какъ извѣстно, составляла цѣлую комнату со столомъ вокругъ оси, для 12 человѣкъ. Этотъ глобусъ внезапно распахнулся передъ Густавомъ и въ немъ, посреди цвѣтовъ и зелени, подъ гербомъ графа Готландскаго, сплетеннаго изъ розъ, приготовленъ былъ завтракъ. Здѣсь Домашневъ опять поднесъ ему карту Россіи, атласъ и т. п. Въ академической типографіи, куда король затѣмъ отправился, онъ взялъ листокъ печатавшагося тамъ эстампа и съ удивленіемъ увидѣлъ — свой портретъ. И тутъ вновь были поднесены ему портфели съ видами Петербурга, съ портретами русскихъ царей и особъ императорскаго дома, стихи въ честь его на разныхъ языкахъ, при немъ же отпечатанные, и т. п. При отъѣздѣ Густавъ III пригласилъ Домашнева къ своему столу, но узналъ, что самъ онъ позвалъ къ себѣ на обѣдъ въ этотъ день королевскую свиту со всѣми академиками, и потому король взялъ назадъ свое приглашеніе, настоявъ чтобы директоръ академіи остался у себя съ своими гостями. Въ тотъ же день послѣ обѣда Густавъ въ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ присутствовалъ на экзаменѣ кадетъ, а вечеромъ былъ во французскомъ спектаклѣ.

24-го, послѣ обѣда, онъ съѣхался съ императрицею въ Смольномъ монастырѣ, гдѣ праздновались въ этотъ день именины на-

чальника его И. И. Бецкаго, и были приготовлены разнаго рода театральныя зрѣлища, игранныя дѣвицами то въ комнатахъ, то въ саду, при чемъ дѣвица Хрущова, представляя безобразнаго Азора въ сценѣ изъ извѣстной оперы и принявъ свой настоящій видъ при магическомъ дѣйствіи имени Екатерины, невольно заплакала при произнесеніи стиховъ въ честь своей благодѣтельницы. За ужиномъ графъ Готландскій сѣлъ между дѣвицами. День кончили царственныя особы въ домѣ Л. А. Нарышкина, дававшаго ужинъ на 35 человѣкъ. «На хорахъ въ большой галерей играла роговая музыка съ кларинетами и волторнами». Государыня въ этотъ вечеръ пожаловала малолѣтняго Дмитрія Львовича прапорщикомъ преображенскаго полка и уѣхала въ Петергофъ около часа по полуночи, а графъ Готландскій пробылъ на вечерѣ почти до 2-хъ часовъ. На другой день онъ присутствовалъ въ петергофскомъ дворцѣ на куртагѣ.

27-го былъ день Полтавской битвы. Императрица сочла приличнымъ отмѣнить обычное празднество. Замѣтимъ, что почти ровно черезъ сто лѣтъ послѣ того, именно въ 1875 году, нынѣ царствующій шведскій король въ этотъ самый день пріѣхалъ въ Москву, какъ бы въ ознаменованіе, что всѣ старыя распри Швеціи съ Россіей забыты, всѣ счеты между ними покончены. Что же дѣлалъ Густавъ III въ этотъ день? Поутру онъ принималъ трехъ академиковъ, пріѣхавшихъ къ нему для принесенія благодарности за полученныя наканунѣ шведскія золотыя медали. Это были Эйлеръ, Палласъ и астрономъ Лексель, родомъ финляндецъ; съ ними явился и Домашневъ для представленія ихъ королю. Вниманіемъ къ этимъ ученымъ Густавъ хотѣлъ выразить свою признательность за пріемъ, оказанный ему академіей; въслѣдствіи его связь съ этимъ учрежденіемъ еще болѣе была скрѣплена избраніемъ его въ члены нашей академіи. Въ тотъ же день позднѣе онъ ѣздилъ смотрѣть адмиралтейство, присутствовалъ при заложеніи новаго корабля и обѣдалъ у Ив. Гр. Чернышева. Послѣ обѣда онъ былъ на Васильевскомъ острову въ лагерѣ псковскаго полка.

Въ слѣдующіе два дня были царскіе праздники, и король уже наканунѣ вечеромъ отправился въ Петергофъ.

28-е число, день восшествія Екатерины на престолъ, было ознаменовано разными милостями, «въ коихъ получилъ участіе и народъ знатною сбавкою податей». 29-го, въ день тезоименитства великаго князя, былъ при дворѣ публичный маскарадъ, и изъ города съѣхалось такое множество лицъ обоого пола, что собраніе не могло бы помѣститься, если бъ не петергофскій садъ, «гдѣ большая часть масокъ находили себѣ убѣжище»: этотъ садъ и всѣ находящіяся въ немъ зданія, аллеи, фонтаны и проч. были иллюминированы съ особеннымъ великолѣпіемъ.

30-го императрица ѣздила съ королемъ въ Ораніенбаумъ, гдѣ опять была играна опера Земира и Азоръ. 1 іюля графъ Готландскій, уже сбиравшійся въ обратный путь, смотрѣлъ въ Петербургъ ученіе разныхъ соединенныхъ командъ, а позже расположенные по петергофской дорогѣ лагери. Въ этотъ день императрица кушала на Красной мызѣ оберъ-шенка Ал. Ал. Нарышкина, приморской дачѣ, находившейся въ той же мѣстности ¹⁾. Гости, въ числѣ 28 человекъ, сидѣли за двумя столами; въ продолженіе обѣда играла музыка, а при возглашеніи тоста за здоровье государыни раздалась пушечная пальба. Такъ какъ погода въ тотъ день стояла ненастная и прогуливаться по прекраснымъ островамъ Красной мызы было невозможно, то время до 6 часовъ Екатерина провела за карточной игрой. Между тѣмъ пріѣхалъ и графъ Готландскій, чтобы, какъ-бы по дорогѣ, поклониться императрицѣ и сдѣлать визитъ хозяевамъ. Передъ отъѣз-

¹⁾ Ал. Ал. Нарышкинъ, старшій братъ Льва Александровича, былъ женатъ на любимой императрицею Аннѣ Никитичнѣ, рожденной Румянцевой (двоюр. сестрѣ фельдмаршала). Красная мыза была на 4-й верстѣ отъ Петербурга; по лѣвую сторону дороги былъ деревянный домъ съ деревнею въ голландскомъ вкусѣ; по правую же тянулся почти на версту, до самаго взморья, англійскій паркъ съ островами, бесѣдками, круглымъ храмомъ, качелями, кеглями и т. п. Здѣсь по воскресеньямъ было публичное гулянье съ музыкой. Эта дача была также известна подъ оригинальнымъ названіемъ Ба, ба! какъ лежавшая въ 2-хъ верстахъ далѣе мыза Л. А. Нарышкина называлась Га, га.

домъ Екатерина смотрѣла проходившій мимо дачи недавно приведенный въ Петербургъ карасирскій полкъ, и къ 7 ч. возвратилась въ Петергофъ.

2 іюля Густавъ III былъ въ придворномъ городскомъ театрѣ на представленіи итальянской оперы Нитетти, а 3-го поѣхалъ въ Гатчино, и потомъ въ Петергофъ, съ тѣмъ чтобы уже прямо отсюда отправиться въ Швецію. Отъѣздъ его послѣдовалъ 5 іюля послѣ ужина. По словамъ петербургской газеты, графъ Готландскій «оставилъ здѣсь по себѣ пріятнѣйшее впечатлѣніе, произведенное его качествами, и знаки своего благоволенія къ тѣмъ, кои имѣли честь быть съ нимъ въ какомъ-либо сношеніи и оказать ему услуги».

По отъѣздѣ Густава III между нимъ и императрицей завязалась самая дружеская, интимная переписка. Чтобы разомъ показать, какое впечатлѣніе Екатерина II произвела на своего гостя, приведу сперва нѣсколько строкъ, писанныхъ имъ уже черезъ нѣсколько времени послѣ возвращенія изъ этого путешествія. Позднею осенью того же года, одинъ изъ приближенныхъ короля (Мункъ) ѣздилъ въ Петербургъ и возвратился обласканный Екатериною. Густавъ, изъяснивъ ей свою благодарность, такъ между прочимъ выражался: «Я помню время, когда я жаждалъ доказательствъ вашей дружбы, какъ лестныхъ знаковъ уваженія великой государыни, прославляющей свой вѣкъ. Тогда я еще не зналъ васъ лично: судите же, какъ должны были усилиться эти чувства съ тѣхъ поръ, какъ я въ величайшей монархинѣ узналъ и самую любезную женщину своего времени, наиболѣе способную овладѣть сердцемъ, которому еще ни одна не умѣла внушить особенно живого чувства, женщину, которая была бы слишкомъ опасна, если бъ она была частнымъ лицомъ... Что касается Мунка, то могу увѣдомить свою любезную сестру, что въ ея дворцѣ, или въ ея покояхъ, нѣтъ такого уголка, куда бы я по нѣскольку разъ не возвращался вмѣстѣ съ нимъ, и онъ цѣлыхъ три дня былъ у меня какъ будто въ застѣнкѣ на допросѣ. Мнѣ казалось, что я на минуту опять перенесся къ вамъ: я воображалъ,

что вижу васъ въ Эрмитажѣ, стоя передъ большимъ диваномъ, на которомъ сидитъ и бесѣдуетъ съ вами князь Репнинъ, однимъ словомъ, вы представлялись мнѣ такою, какъ были, когда я вошелъ къ вамъ съ княземъ Потемкинымъ». Относительно взаимнаго сочувствія со стороны императрицы одинъ современный свидѣтель говоритъ, что Густавъ вообще не производилъ особеннаго впечатлѣнія на женщинъ, а тѣмъ менѣе на Екатерину; вдобавокъ, гордость и тщеславіе обоихъ мѣшали тѣсному между ними сближенію. Дѣйствительно, графъ Крейцъ, въ сентябрѣ 1777 года, писалъ королю изъ Парижа: «Вержень увѣдомляетъ меня, что русская императрица послѣ отъѣзда вашего величества говорила вещи, которыя не подтверждаютъ, чтобы дружба, оказанная ею вашему величеству, была искренна; между прочимъ она выражала, что не вѣритъ въ прочность чувствъ, заявленныхъ ей вашимъ величествомъ». Однакожъ, самъ король былъ искренно доволенъ своимъ путешествіемъ. Онъ писалъ графу Крейцу изъ Дротнинггольма, 5 августа 1777 года: «Мое путешествіе удалось сверхъ моего ожиданія, и я изъ него уже извлекаю плоды. Старая партія шапокъ уничтожена и интригамъ аристократовъ также положенъ конецъ съ тѣхъ поръ, какъ у нихъ отнята всякая надежда тревожить мое царствованіе возбужденіемъ вражды императрицы. Дружба заступила мѣсто предубѣжденія, и г. Сиолину ¹⁾ положительно приказано совершенно измѣнить свое поведеніе».

Любопытно, что сопровождавшій Густава III графъ Шефферъ приписывалъ такой результатъ болѣе себѣ, нежели самому королю. По его словамъ, Густавъ, проживъ здѣсь уже болѣе половины срока, не только ни на шагъ не приблизился къ цѣли, но скорѣе удалился отъ нея. Съ прискорбіемъ видя это, Шефферъ рѣшился наконецъ переговорить откровенно съ графомъ Панинымъ, который и предупредилъ императрицу о желаніи шведскаго министра лично съ нею объясниться. Случай къ тому скоро пред-

¹⁾ Русскому посланнику въ Стокгольмѣ послѣ Остермана, съ 1774 года.

ставился. На первомъ же вечернемъ собраніи (какія бывали каждый день), Екатерина велѣла позвать Шеффера на партію пикета. Этимъ онъ такъ хорошо умѣлъ воспользоваться, что сразу расположилъ къ себѣ государыню и съ тѣхъ поръ ежедневно участвовалъ въ ея партіи, такъ что ему все легче становилось высказываться. Но какимъ же образомъ удалось ему такъ скоро овладѣть довѣріемъ Екатерины? Вотъ какъ самъ онъ объяснялъ это: «Императрицѣ понравилась моя простота въ обращеніи и разговорѣ; я забавлялъ ее своимъ тономъ и рѣчами стариннаго дворскаго покроя (*mes propos de la vieille cour*). Какъ теперь помню день и часъ, когда мнѣ позволено было разложить передъ нею весь мой товаръ. Счастье въ тотъ разъ особенно мнѣ благоприятствовало; я бралъ одну взятку за другой, ея величество отъ души смѣялась и наконецъ сказала: *Mais, M. de Scheffer, vous n'êtes pas de bonne guerre! Vous m'aviez dit qui vous n'étiez que mazette au jeu de piquet, et vous me gagnez tout mon argent!* Когда же я на это отвѣчалъ: *Ah! madame, c'est qu'une poule aveugle trouve aussi son grain*, то императрица пуще засмѣялась: *Ha, ha! poule, poule aveugle! Eh bien, comme je suis poule, et très aveugle parfois, mettons nos oeufs ensemble! Aussi bien M. de Panine m'a dit que vous aviez à me parler*»¹.

Графъ Ульрихъ Шефферъ (*Scheffer*, род. 1716, ум. 1799), происходилъ отъ знаменитаго Петра Шеффера, зятя Іоанна Фауста. Онъ былъ посланникомъ въ Парижѣ отъ 1761 по 1766 г., а послѣ переворота 1772 занялъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Въ біографической замѣткѣ о Шефферѣ (см. *Skrifter... af G. d'Albedyhll*) сказано, что когда послѣ паденія Струэнзе при датскомъ дворѣ опять возобладала система зависти и подозрѣній и для Швеціи исчезла всякая надежда на помощь Даніи, то графъ

¹ «Но, г. Шефферъ, вы нарушаете законы войны! Вы мнѣ сказали, что плохо играете въ пикетъ, а сами въ конецъ меня обыгрываете!—Ваше величество, и слѣпая курица умѣетъ найти себѣ зерно! — А, а! курица, слѣпая курица! Ну, такъ какъ и я курица, и притомъ по временамъ очень слѣпая, то сложимъ вмѣстѣ снесенныя нами яйца! Кстати графъ Панинъ сказывалъ мнѣ, что вы желаете о чемъ-то переговорить со мной!» (*D'Albedyhll*).

Шефферъ, заботясь о независимомъ положеніи своего отечества, рѣшился обезопасить его со стороны Россіи и для того добиться искренняго объясненія между Густавомъ и Екатериною. Шефферъ при этомъ разсчитывалъ съ одной стороны на умѣнье короля нравиться, а съ другой на воспріимчивость русской императрицы, но этотъ расчетъ, по мнѣнію автора замѣтки, былъ ошибоченъ, такъ какъ Густавъ вообще не производилъ впечатлѣнія на женщинъ, а тѣмъ менѣе могъ своимъ обращеніемъ подѣйствовать благоприятно на Екатерину. Приписавъ успѣхъ ихъ свиданія себѣ, Шефферъ полагалъ, что со стороны Россіи нечего уже опасаться во все время царствованія Екатерины II и министерства Панина, особенно пока самъ Шефферъ будетъ также сохранять свое значеніе. Необходимо было еще одно условіе: чтобы король не раздражалъ своей сосѣдки и не шелъ наперекоръ ея планамъ и видамъ. Но такого рода насильственный образъ дѣйствій король именно и позволилъ себѣ черезъ пять лѣтъ послѣ удаленія отъ дѣлъ Шеффера, — въ 1788 году, отъ чего и произошли тѣ самыя послѣдствія, какихъ надобно было ожидать отъ поспѣшности Густава. До этого однакожъ было еще далеко.

Свиданіе между Густавомъ и Екатериною разсѣяло всѣ слухи о войнѣ. Онъ самъ старался увѣрить императрицу въ своемъ миролюбіи. Между его бумагами есть собственноручная черновая записка, составленная, кажется, вскорѣ послѣ возвращенія его изъ Петербурга. Обращаясь въ ней къ государынѣ, онъ выражаетъ надежду, что миръ въ Европѣ не будетъ нарушенъ. Ручательствомъ въ томъ служатъ ему слова, слышанныя изъ устъ самой Екатерины: «Я люблю миръ, и не начну войны; но если на меня нападутъ, то буду защищаться». Марія Терезія также расположена къ миру; Франція, подъ правленіемъ своего молодого короля и его стараго министра, не болѣе думаетъ о войнѣ; Англія занята своими колоніями. «Швеція — говоритъ король — подобно больному, недавно вставшему отъ тяжкаго недуга, ищетъ только спокойствія. Ея король, по правиламъ или по склонности, поставляетъ свою славу въ поддержаніи мира. Онъ не можетъ

вести войны безъ согласія чиновъ, а такъ какъ онъ въ этомъ отношеніи самъ связалъ руки себѣ и своимъ преемникамъ, то это ручается за искренность его намѣреній.

Одинъ только государь, прибавляетъ Густавъ III, приковываетъ къ себѣ тревожное вниманіе мирной Европы. Его геній, его побѣды наполнили свѣтъ удивленіемъ: обширные планы распространенія занимаютъ его безпрестанно; создаваемая имъ монархія заставляетъ его и посреди мира содержать армию многочисленнѣе самой большой, какую Людовикъ XIV когда-либо снаряжалъ въ военное время: взоры его устремлены на Мекленбургъ, шведскую Померанію, Данцигъ, можетъ быть и на Курляндію». — Изъ этого видно, что Густавъ III желалъ разорвать тѣсный союзъ между Пруссіей и Россіей, которой конечно и составлялъ самое грозное явленіе на политическомъ горизонтѣ. «Вамъ подобаешь», такъ Густавъ наконецъ обращается къ Екатеринѣ, «сдѣлаться примирительницею Европы, и я почту себя счастливымъ, въ качествѣ вашего почитателя, друга и родственника, содѣйствовать такой спасительной для человѣчества цѣли».

Оставивъ Петербургъ 4 іюля, Густавъ уже изъ Ораніенбаума отправилъ къ императрицѣ письмо, наполненное самыми горячими изъявленіями благодарности. Изъ него между прочимъ видно, что король вручилъ было императрицѣ орденъ Меча для пожалованія его по собственному ея усмотрѣнію, но что при отъѣздѣ Густава, она черезъ своего адъютанта полковника Зорича возвратила ему этотъ орденъ. Въ слѣдствіе того король пишетъ, что никого не находитъ достойнѣе такой награды, какъ именно Зорича, «человѣка, который на военномъ поприщѣ въ службѣ вашей уже явилъ столько опытовъ храбрости и мужества, дающихъ провъ на этотъ орденъ, и котораго, какъ мнѣ казалось, вы удостоиваете своего уваженія и благосклонности»¹⁾.

¹⁾ Кратковременный случай Зорича начался 8-го іюня, т. е. почти одновременно съ пріѣздомъ шведскаго короля въ Петербургъ, и продолжался одиннадцать мѣсяцевъ. Подлинное письмо см. въ приложеніи IV.

Въ то же время Густавъ ходатайствуетъ о производствѣ Зорича въ генералы и благодарить за полученную передъ отъѣздомъ шубу. По пріѣздѣ въ Свеаборгъ, онъ дѣйствительно препроводилъ къ императрицѣ для Зорича орденъ Меча, но уже не 2-ю его степень, которую предлагалъ прежде, а большой крестъ. Такъ императрица и король обмѣнивались любезностями и подарками: король, по возвращеніи въ Стокгольмъ, прислалъ ей нѣсколько малорослыхъ эландскихъ лошадокъ, а чтобы и впредь снабжать подобными Екатерины, запретилъ продажу этой породы въ частныя руки. «Позвольте мнѣ сказать вашему величеству» — писалъ онъ однажды — «что ему (т. е. Густаву III) очень хотѣлось бы оставить съ вами этотъ церемонный тонъ и вмѣсто всѣхъ обычныхъ титуловъ называть васъ просто сестрой, прося трактовать и его братомъ (*pour ne la traiter que de Sestra, en vous priant de le traiter de votre Brat*). Это имя было дано ему вами въ первый день его пріѣзда, и тогдашнія минуты такъ ему дороги, что все ихъ напоминающее приводитъ его въ восторгъ». Послѣ извѣстнаго наводненія, бывшаго въ сентябрѣ того же года, Екатерина получила отъ короля письмо, такъ начинавшееся: «Я съ большимъ прискорбіемъ узналъ о бѣдствіи, причиненномъ въ Петербургѣ моремъ и бурей; радушіе, оказанное мнѣ народомъ, и ваша дружба во время моего тамъ пребыванія заставляютъ меня смотрѣть на Россію, какъ на второе отечество. Я жалѣлъ о несчастныхъ, которые пострадали, но еще болѣе жалѣлъ о васъ, страдавшей за нихъ и конечно (по извѣстному мнѣ характеру вашему) чувствовавшей ихъ бѣдствія сильнѣе ихъ самихъ. Я знаю, что вы бодрствовали всю ночь, чтобы подавать имъ помощь, и что благотворящая рука ваша доставляла вамъ новую отраду, осыпая несчастныхъ щедротами. Вы видите, государыня, какъ исправно меня извѣщаютъ обо всемъ, до васъ относящемся, и признаюсь вамъ, что въ моемъ положеніи такія свѣдѣнія необходимы: малѣйшій вашъ поступокъ — урокъ для нашей братьи».

Въ отвѣтахъ своихъ Екатерина съ непринужденною свободой и веселостью показывала Густаву такое же доброе расположеніе

и полное довѣріе. Въ бумагахъ его нашлась между прочимъ французская записка, ея рукою писанная незадолго передъ рожденіемъ кронпринца Густава Адольфа¹ въ видѣ наставленія о первоначальномъ его воспитаніи. Съ этою цѣлью императрица рассказываетъ, какъ сама она предписала обращаться съ своимъ новорожденнымъ внукомъ. «Александръ — такъ пишетъ Екатерина — родился 12 декабря (ст. ст.) 1777 года. Только что онъ появился на свѣтъ, я взяла его на руки и, когда онъ былъ выкупанъ, перенесла его въ другую комнату, гдѣ положила его на большую подушку; его завернули въ ночное покрывало и я позволила не иначе запеленать его, какъ по способу, который можно видѣть на прилагаемой куклѣ. Потомъ его положили въ корзину, гдѣ теперь лежитъ кукла, чтобы приставленнымъ къ нему женщинамъ не вздумалось качать его: эту корзину поставили на диванъ за экраномъ. Въ такомъ видѣ Александръ переданъ былъ генеральшѣ Бенкендорфъ. Въ кормилицы была ему назначена жена садоваго работника, и послѣ крестинъ его перенесли изъ покоевъ его матери въ отведенное для него помѣщеніе. Это большая комната, въ серединѣ которой на четырехъ колоннахъ придѣланъ къ потолку балдахинъ со стѣнкою сзади и занавѣсами кругомъ, опускающимися до полу; занавѣсы и балдахинъ, подъ которыми кроватка Александра, окружены перилами; кровать кормилицы за спинкой балдахина. Комната выбрана большая, съ тѣмъ чтобъ въ ней всегда былъ чистый воздухъ; балдахинъ въ самой серединѣ ея противъ оконъ для того, чтобы теченіе воздуха было свободное. Кроватка у него (онъ не знаетъ ни люльки, ни качанья) желѣзная, безъ занавѣсокъ; онъ лежитъ на кожаномъ тюфячкѣ, на которомъ постилаютъ простыню; у него подъ головкой подушка, а его англійское одѣяло очень легко. Въ комнатѣ его всегда говорятъ громко, даже и во время сна его. Шумѣть не

¹ Впослѣдствіи Густава IV Адольфа, который въ концѣ царствованія Екатерины II также пріѣзжалъ въ Петербургъ и былъ одно время женихомъ великой княжны Александры Павловны. Онъ родился 20 октября (1 ноября) 1778 г.

запрещается въ коридорахъ, надъ его комнатою, подъ нею, или кругомъ ея. Противъ его оконъ палятъ даже изъ пушекъ съ адмиралтейскихъ бастіоновъ, и оттого онъ никакого шума не боится. Строго наблюдаютъ, чтобы термометръ въ его комнатѣ не подымался выше 14 или 15 градусовъ тепла. Каждое утро, пока ее метутъ, зимой и лѣтомъ, его выносятъ въ другую комнату, а въ спальнѣ отворяютъ окна, чтобы освѣжать воздухъ; зимой, когда комната опять нагрѣется, его снова туда переносятъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ родился, его купаютъ ежедневно, когда онъ здоровъ. Вначалѣ вода была тепловатая, теперь наливаютъ холодную, только принесенную съ вечера: онъ такъ любитъ купаться, что какъ скоро увидитъ воду, просится въ нее. Когда онъ начнетъ кричать, его не унимаютъ грудью; онъ приученъ спать не въ опредѣленные часы, брать другую грудь и т. д. Какъ только установится весеннее тепло, съ головки Александра снимаютъ шапочку, и его выносятъ на свѣжій воздухъ; его мало по малу приучили сидѣть подъ открытымъ небомъ на травѣ или въ пескѣ и даже спать въ тѣни. Въ хорошую погоду его кладутъ на подушку и онъ прекрѣпко спитъ. Онъ не знаетъ и не хочетъ знать чулокъ на своихъ ножкахъ и не носитъ платья, которое бы хоть сколько-нибудь беспокоило его. Когда ему минуло четыре мѣсяца, то я желая, чтобы его менѣ носили на рукахъ, дала ему коверъ. Его кладутъ на животъ и ему очень весело пробовать свои силы. На немъ коротенькая рубашечка и маленькій вязаный камзолъ, очень просторный. Когда его выносятъ, то сверхъ всего этого надѣваютъ маленькую полотняную или тафтяную куртку. Онъ не знаетъ простуды, великъ ростомъ, крѣпокъ, здоровъ и очень веселъ, любитъ прыгать и почти никогда не плачетъ. Недавно у него, почти безъ всякой болѣзни, прорѣзался зубъ. Теперь ему девять мѣсяцевъ».

Нѣкоторые утверждаютъ, что извѣстная мѣра, принятая королемъ на другой годъ послѣ его путешествія въ Петербургъ, именно введеніе національной одежды, была слѣдствіемъ его бесѣдъ съ Екатериною II. Рассказываютъ, что императрица, за-

мѣтивъ тщеславіе Густава, захотѣла воспользоваться этою господствующею чертой его характера, чтобы вовлечь его въ какое-нибудь опасное предпріятіе. Однажды, при свиданіи съ нимъ, она будто бы заговорила о препятствіяхъ, встрѣчаемыхъ монархомъ, когда онъ задумаетъ просвѣтить свой народъ, измѣнить нравы, обычаи или одежду. Въ примѣръ она привела Петра Великаго и борьбу, которую онъ долженъ былъ выдержать, когда сталъ требовать, чтобы подданные его брили себѣ бороду. Густавъ возразилъ, что виною неудачъ въ такихъ случаяхъ бываютъ сами правители, что надобно только умѣть взяться за дѣло во-время и кстати, надо умѣть внушить къ себѣ любовь, и тогда легко провести какую угодно перемѣну, потому что люди дорожатъ гораздо болѣе жизнью и имуществомъ, нежели обычаями, но и жизнь и собственность они часто приносятъ въ жертву любимому монарху. Екатерина, продолжая споръ, наконецъ довела Густава до того, что онъ вызвался ввести въ Швецію новую національную одежду¹. Гейеръ, упоминая объ этомъ разсказѣ, и самъ находить его вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе что король въ составленной имъ запискѣ о національной одеждѣ часто говоритъ объ императрицѣ. Между тѣмъ однакожъ несомнѣнно, прибавляетъ шведскій историкъ, что это дѣло было задумано Густавомъ гораздо ранѣе. Оно занимало его уже въ 1773 году, и подало ему тогда поводъ предложить на соисканіе преміи задачу: написать сочиненіе о пользѣ національной одежды какъ для уменьшенія роскоши, такъ и для возбужденія патріотизма. Для присужденія преміи былъ назначенъ день рожденія короля. О судьбѣ доставленныхъ въ слѣдствіе того сочиненій ничего неизвѣстно, но они сохранились и напечатаны въ актахъ шведскаго Патріотическаго общества за 1774 годъ.

Не прежде, однакожъ, какъ въ февралѣ 1778, король прочиталъ въ совѣтѣ свои собственныя «размышленія о національной одеждѣ», которыя тогда же были напечатаны по-шведски и

¹ Castéra II, 269.

по-французски. На рѣшеніе его привести теперь въ исполненіе свой давнишній планъ могло особенно подѣйствовать то обстоятельство, что при дворѣ Екатерины II дамы уже носили національную одежду. Это-то вѣроятно и послужило поводомъ къ объясненію Густава съ императрицей объ этомъ предметѣ. Король сначала разсуждаетъ о необходимости противодѣйствовать роскоши, которую невозможно ограничить законами. Потомъ онъ распространяется о несообразности съ сѣвернымъ климатомъ одежды, заимствованной у южныхъ народовъ; къ тому же она чрезвычайно некрасива, непріятна для глазъ. «Что касается женщинъ — продолжаетъ Густавъ — то Россія представляетъ намъ свѣжій примѣръ того, что сопротивленіе ихъ такому нововведенію бываетъ непродолжительно: тамъ онѣ охотно приняли новую одежду, удостовѣрясь, что она и покойнѣе, и полезнѣе. Русская императрица, руководствуясь тѣми просвѣщенными понятіями, которыя возвышаютъ ее столько же надъ ея поломъ, какъ и надъ современниками вообще, и не желая долѣе подражать иноземнымъ обычаямъ, ужъ возвратила своимъ придворнымъ дамамъ національный костюмъ». Далѣе король доказываетъ, что нѣтъ никакого неудобства измѣнить одежду цѣлаго народа, если только сдѣлать это постепенно, безъ насилія, безъ особаго постановленія, если новая одежда будетъ покойнѣе, теплѣе, согласнѣе съ климатомъ и, главное, дешевле по своей прочности и постоянству покроя въ сравненіи съ прежней, подверженной безпрестаннымъ перемѣнамъ. «Какъ! скажутъ пожалуй (прибавляетъ король), въ концѣ 18-го столѣтія хотѣтъ отличиться одеждой, не похожей на одежду другихъ народовъ?.. На это позволяю себѣ отвѣчать: если они поймутъ разумныя причины, побудившія насъ къ такому измѣненію, то скоро и одобрятъ насъ. Но если въ массѣ найдутся легкомысленные люди, которые сочтутъ насъ варварами за то, что мы носимъ платье короче или длиннѣе, чѣмъ они, то я имъ отвѣчу: вы не принадлежите къ 18-му вѣку; васъ не коснулась здравая его философія, которая освѣтила заблужденія и разсѣяла предрассудки»...

Вскорѣ послѣ сообщенія королемъ этихъ мыслей совѣту, та же записка была прочитана по его порученію въ присутствіи стокгольмской ратуши и при этомъ объяснено, что его величество не желаетъ прямымъ закономъ или приказаніемъ принуждать своихъ подданныхъ къ измѣненію, которое могло бы ихъ затруднить, но полагаетъ, что въ этомъ случаѣ достаточно будетъ его примѣра и общаго убѣжденія въ пользѣ дѣла. Было прибавлено, что самъ король, его братья, государственный совѣтъ и дворъ, съ исхода апрѣля мѣсяца намѣрены носить новую одежду. Этотъ костюмъ, по увѣренію Густава, похожій на тотъ, который употребляли древніе шведы, но въ сущности напоминавшій театральныхъ героевъ, былъ дѣйствительно принятъ многими какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи; скоро однакожъ оказанное при этомъ усердіе начало охладѣвать и только при дворѣ нововведеніе пережило своего виновника. Густавъ конечно не предвидѣлъ этого, когда, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Вольтера въ 1778 году, писалъ графу Крейцу въ Парижъ: «Вы знаете мою смѣлую попытку ввести новую національную одежду. Но вамъ, можетъ быть, не вполнѣ извѣстны причины, меня къ тому побудившія. Вы найдете ихъ въ прилагаемыхъ «размышленіяхъ», прочитанныхъ въ сенатѣ, и я разошлю ихъ въ циркулярѣ моимъ губернаторамъ. Хотѣлъ бы я въ эту минуту быть въ Парижѣ, чтобы повидаться съ знаменитымъ мужемъ, къ которому я давно питаю восторженное почтеніе, хотя и увѣренъ, что мое появленіе не произвело бы въ немъ того впечатлѣнія, какое онъ производитъ, и это было бы совершенно справедливо. Много на свѣтѣ королей, но только одинъ Вольтеръ. Если вы посылаемую при семъ статью найдете достойною его вниманія, пожалуйста скажите ему, что его одобреніе послужитъ мнѣ щитомъ противъ всѣхъ предразсудковъ, какіе могутъ воспротивиться моему нововведенію».

На другой же годъ послѣ поѣздки Густава въ Петербургъ состоялся первый послѣ совершеннаго имъ переворота очередной сеймъ (1778). Это было, по словамъ Гейзера, «политическое зрѣ-

лице, которое король далъ міру и самому себѣ. Передъ его игривымъ воображеніемъ каждый актъ его политической жизни превращался въ зрѣлище. Бѣда его въ томъ и заключалась, что онъ не умѣлъ отличать дѣйствительности отъ иллюзіи; существенная между ними разница и была причиной гибели Густава». На этомъ сеймѣ должны были обнаружиться послѣдствія государственной реформы. Нѣтъ сомнѣнія, что сравненіе настоящаго съ прошлымъ было совершенно въ пользу перваго. Но между королемъ и его чинами не было полного пониманія и довѣрія; всѣ чувствовали, что подъ покровомъ его благодушія и либеральности таилось сильное стремленіе къ самовластію. Ни для кого не осталось тайною, что король, объявляя возстановленными древніе порядки, нарушенные во время господства аристократіи, принялъ однакожъ за правило допускать къ обсужденію только вопросы, имъ самимъ предложенные. Самымъ явнымъ доказательствомъ отсутствія взаимнаго довѣрія было то, что во время сейма ни съ той, ни съ другой стороны не было ни слова упомянуто о важномъ злѣ, которое произошло отъ показанной выше ошибки Густава, которое всюду возбуждало ропотъ въ народѣ и угрожало бѣдствіями въ будущемъ, именно о коронной монополіи винокурения. Король тщательно приготовился къ роли, которую долженъ былъ играть на этомъ сеймѣ, какъ видно изъ многихъ собственноручныхъ его статей и записокъ. При открытіи засѣданій онъ прочелъ длинную записку¹, гдѣ старался въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ выставить положеніе государства, какъ результатъ первыхъ лѣтъ своего царствованія. Между прочимъ, онъ произнесъ слѣдующія слова, любопытныя по отношенію къ Россіи: «Я встрѣчаю васъ въ мирѣ и тишинѣ, когда другія державы Европы либо уже ведутъ войну, либо готовятся къ борьбѣ. Я не упускалъ случаевъ поддерживать старые союзы, которые издавна соединяютъ государство съ самыми вѣрными и естественными его союзниками. И я личнымъ знакомствомъ укрѣпилъ узы крови,

¹ Отчетъ народу, по выраженію Шлецера.

связующія меня съ сильнѣйшимъ сосѣдомъ государства. Я имѣю друга въ лицѣ монархини, которая, состоя въ близкомъ родствѣ съ шведскимъ королевскимъ домомъ, возбуждаетъ удивленіе современниковъ и готовитъ себѣ благоговѣніе потомства». Замѣтимъ однакожь, что это заявленіе не совсѣмъ согласно съ тѣмъ, что король около того же времени писалъ Крейцу: «Война въ Германіи и та, которая, повидимому, скоро начнется съ турками, доставляютъ мнѣ большую безопасность со стороны внѣшней. Впрочемъ, мое путешествіе въ Россію разсѣяло въ насъ всякую надежду на поддержку оттуда, на которую старая партія еще разсчитывала».

Тѣмъ не менѣе однакожь между обоими государствами продолжались покуда дружескія отношенія, которыя еще укрѣпились въ 1780 году состоявшимся преимущественно по ихъ побужденію вооруженнымъ нейтралитетомъ. Первая мысль объ этомъ знаменитомъ актѣ была подана Даніей въ 1778 году и предложена Швеціей петербургскому кабинету. Екатерина сперва отвергла ее, но потомъ, по совѣту графа Панина, сама возобновила вопросъ при шведскомъ дворѣ, и 1 августа н. ст. 1780 г. былъ заключенъ въ Петербургѣ трактатъ, къ которому вскорѣ приступили и другія государства.

Между тѣмъ въ романически настроенной головѣ Густава болѣе и болѣе развивались воинственные планы, и онъ только выжидалъ удобнаго времени, чтобъ направить ихъ въ ту или другую сторону. Не покидая видовъ на отторженіе Норвегіи отъ Даніи, онъ вздумалъ воспользоваться для этого обстоятельствами, которыя повидимому начинали запутываться на югѣ Европы въ слѣдствіе политики Екатерины относительно турецкихъ дѣлъ. Союзъ ея съ Іосифомъ II не предвѣщалъ сохраненія мира, а внезапное присоединеніе Крыма къ ея державѣ придавало еще болѣе вѣроятія близости войны. Чтобы вѣрнѣе обезопасить исполненіе своихъ тайныхъ замысловъ, Густавъ считалъ полезнымъ показать, что онъ находится въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Екатериной, и потому рѣшился вторично свидѣться

съ нею. Съ другой стороны и Екатерина, готовясь къ новой борьбѣ съ турками, не могла быть въ это время равнодушна къ дружбѣ Швеціи.

Изъ переписки обоихъ монарховъ видно, впрочемъ, что они еще въ бытность короля въ Петербургѣ условились со временемъ съѣхаться въ Фридрихсгамъ. Уже съ дороги, возвращаясь въ Стокгольмъ, Густавъ III напоминалъ объ этомъ государынѣ; осенью же 1777 года онъ писалъ: «Если бъ вы не были императрицей, то можно бы надѣяться видѣть васъ въ Стокгольмѣ и видѣть васъ часто, а теперь надо искать случая и выжидать обстоятельствъ, чтобы насладиться этимъ счастьемъ, побѣхавъ въ маленькій финляндскій городишко провести съ вами два-три дня».

Фридрихсгамъ, крѣпость у Финскаго залива, былъ тогда крайнимъ русскимъ городомъ со стороны шведскихъ владѣній. Король, оставляя Швецію, держалъ въ тайнѣ свое намѣреніе и отправился изъ Стокгольма 9 іюня 1783 г. подъ предлогомъ посѣщенія Финляндіи, гдѣ близъ Тавастгуса собрано было 7,000 войска для смотра. Двѣ яхты перевезли Густава III и его довольно многочисленную свиту; въ ней былъ между прочимъ капитанъ гвардіи баронъ Густавъ Маврикій Армфельтъ, который съ этихъ поръ начинаетъ являться при королѣ и скоро дѣлается однимъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей. Изъ Або 11 іюня король написалъ совѣту, что онъ въ этомъ городѣ нашелъ письмо отъ императрицы, которая въ самыхъ дружескихъ выраженіяхъ изъясляетъ ему желаніе видѣться съ нимъ во время его пребыванія въ Финляндіи и намѣревается пріѣхать въ Фридрихсгамъ (60 верстъ отъ границы) въ надеждѣ, что король также будетъ туда для встрѣчи съ нею 23 (12) іюня. Это письмо было помѣчено 28 мая ст. ст. изъ Царскаго Села. Въ немъ было сказано, что такъ какъ король предоставилъ ей назначить мѣсто свиданія, то она избираетъ Фридрихсгамъ. «C'est là que je me flatte — прибавляла она — de vous entretenir deux ou trois jours; j'éviterai de vous parler de ce qui pourrait vous rappeler vos chagrins, et je vous prie de ne pas me rappeler les pertes que j'ai faites, parce

que je n'entends ni vous faire pleurer, ni pleurer à côté de vous, et naturellement je suis fort sensible. Adieu, mon cher frère, jusqu'à l'honneur de vous revoir»¹.

Передавъ содержаніе письма императрицы, король извѣщалъ, что онъ сейчасъ же отправляетъ отвѣтъ о своемъ согласіи пріѣхать въ Фридрихсгамъ въ назначенный день, подъ именемъ графа Готландскаго. Ему было бы желательно напередъ услышать мнѣніе гг. членовъ государственнаго совѣта, но время не терпитъ, и потому онъ надѣется, что они съ радостью примутъ вѣсть о доброй дружбѣ, устанавливающейся такимъ образомъ между обоими монархами. Такъ какъ, однакожъ, по конституціи король не можетъ выѣхать изъ государства, не истребовавъ напередъ мнѣнія членовъ совѣта, то онъ для соблюденія основного закона спѣшитъ сообщить имъ о своемъ намѣреніи. Ихъ превосходительства, занесено въ протоколъ совѣта, приняли съ благоговѣніемъ этотъ новый знакъ неусыпной заботливости его королевскаго величества о благѣ государства. На самомъ дѣлѣ предложеніе свидѣться именно теперь шло не отъ Екатерины, а отъ Густава. Императрица, въ отвѣтъ на его письмо назначивъ мѣстомъ съѣзда Фридрихсгамъ, писала о томъ Потемкину и при этомъ разоблачила для насъ отчасти тайну путешествія короля: взявъ отъ Франціи субсидію, онъ устроилъ лагерь въ Тавастгусѣ и ѣхалъ туда, чтобы подать видъ демонстраціи противъ Россіи, а въ то же время хотѣлъ успокоить Екатерину свиданіемъ. Сохранился небольшой дневникъ, веденный во время этого путешествія, какъ кажется, барономъ Таубе, другомъ короля.

¹ «Тамъ я надѣюсь два-три дня бесѣдовать съ вами; буду стараться не говорить о томъ, что могло бы напомнить вамъ ваши печали, и васъ прошу не напоминать мнѣ понесенныхъ мною потерь, потому что я не желаю ни заставлять васъ плакать, ни самой плакать возлѣ васъ; я же отъ природы очень чувствительна. Простите, дорогой братъ, до того дня, когда буду имѣть честь увидѣться съ вами» — Словами: ваши печали императрица намекаетъ на смерть королевы-матери, случившуюся въ 1782 году, а подъ своими потерями разумѣетъ кончину генерала Бауэра, Григорія Орлова и Никиты Панина, умершихъ въ первую половину 1783 года.

Вотъ что тутъ между прочимъ разсказано: «10-го іюня мы выѣхали (изъ Або) во Паролямальмъ, куда прибыли 11-го поутру, — день замѣчательный по случившемуся съ королемъ несчастію: вечеромъ, во время смотра лошадь, испугавшись пушечнаго выстрѣла, сбросила его на землю, и онъ переломилъ себѣ лѣвую руку, что произвело общее смятеніе. Въ полумили (5 верстахъ) оттуда лежитъ Тавастгусъ. Въ этотъ городъ и перенесли короля 200 лейб-драгуновъ, которые поочередно смѣнялись. Въ ту же ночь король отправилъ меня къ императрицѣ съ извѣстіемъ объ этомъ несчастіи. Я прибылъ въ Петербургъ 15-го утромъ и тотчасъ же поскакалъ въ Царское Село, гдѣ имѣлъ честь быть представленнымъ и удостоился приглашенія къ столу государыни. Вечеромъ я отправился назадъ и при возвращеніи въ Тавастгусъ 17-го нашелъ короля въ весьма удовлетворительномъ состояніи. 22-го онъ уже могъ, въ первый разъ, выйти изъ комнаты». Это приключеніе дало пищу толкамъ не только въ Швеціи, но и по всей Европѣ. Хитрость, которую замѣчали въ поступкахъ Густава III, заставляла въ малѣйшихъ случаяхъ его жизни подозрѣвать политическій расчетъ. Но на этотъ разъ ничего подобнаго не было: профессоръ Гейэръ слышалъ отъ знаменитаго въ свое время врача Аццеліуса, что онъ, по смерти короля, самъ видѣлъ на рукѣ его слѣды перелома. Что касается императрицы, то она, нисколько не усомнившись въ истинѣ извѣстія о несчастномъ случаѣ, удовольствовалась только колкимъ замѣчаніемъ въ письмѣ къ Потемкину: «Александръ Македонскій передъ войскомъ отъ своей оплошности не падалъ съ коня»¹.

Въ собственноручной запискѣ къ адмиралу Тролле король, разсказывая о своемъ паденіи, говоритъ, что по отзыву врачей переломъ — легкій и свиданіе его съ императрицей замедлится только недѣлей. «Это нисколько не измѣнитъ важныхъ дѣлъ, ко-

¹ Нѣсколько дней до того, Екатерина подробно разсказала Потемкину о случившемся съ Густавомъ событіи; это письмо ея отъ 3 іюля напечатано въ книгѣ Лебедева: Графы Никита и Петръ Панины, стр. 305.

торыми я занятъ: правая рука здорова и можетъ владѣть шнагой, а голова свободна и свѣжа. Прошу васъ изъ за этого событія ничего не упускать для исполненія нашего плана: все должно рѣшиться свиданіемъ въ Фридрихсгамѣ. Тавастгусъ, 13 іюня 1783».

Дѣло шло о приготовленіяхъ къ войнѣ съ Даніей, которыя уже дѣлались въ тишинѣ... Императрица, согласившись на отсрочку съѣзда, «послала камеръ-юнкера для освѣдомленія о здоровьѣ короля». Оно поправилось такъ скоро, что онъ уже 16 (27-го) могъ предпринять поѣздку въ Фридрихсгамъ, гдѣ Екатерина ждала его. Онъ прибылъ туда 18 (29-го) и они провели вмѣстѣ три дня. Императрица отправилась изъ Петербурга въ сопровожденіи графа Ивана Чернышева, гр. Безбородки, оберъ-шталмейстера Нарышкина, тогдашняго фаворита Ланского и нѣсколькихъ дамъ, въ томъ числѣ княгини Дашковой, которая въ запискахъ своихъ подробнѣе другихъ источниковъ говоритъ о тамошнемъ пребываніи обоихъ монарховъ. Были наняты два смежные дома, великолѣпно меблированные на этотъ случай, и между ними, для свободнаго сообщенія во всякое время, проведена галерея. Въ одномъ помѣстилась императрица, другой отведенъ былъ королю. Современный біографъ Густава III¹ рассказываетъ, что кромѣ того былъ устроенъ, или даже построенъ, (erichtet) особый театръ, на которомъ «итальянскіе пѣвцы и французскіе актеры наперерывъ старались украсить торжество дружбы обоихъ властительныхъ геніевъ сѣвера».

«Вечеромъ (17-го іюня)» — пишетъ княгиня Дашкова — «мы передъ дворцомъ сѣли на лодку и переправились на Выборгскую сторону, гдѣ насъ ожидали императорскіе дорожные экипажи. Мы остановились въ древней столицѣ Финляндіи, Выборгѣ, гдѣ въ разныхъ улицахъ намъ отведены были отдѣльныя помѣщенія. Мнѣ достался очень хорошій и, главное, опрятный домъ. На другой день судьи, сановники, дворяне и военные, были представлены

¹ Posselt, стр. 257.

императрицѣ, которая приняла ихъ съ свойственными ей благоволеніемъ и лаской, такъ что всѣ были очарованы ею. Свиту составляли А. Д. Ланской, графъ Иванъ Чернышевъ, графъ Строгановъ, Чертковъ и я, единственная дама; мы всѣ сидѣли въ одной каретѣ съ императрицей. За нами ѣхали оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ, первый секретарь Безбородко и г. Стрекаловъ, завѣдывавшій кабинетомъ¹. Впередъ были посланы два камергера, которые на шведской границѣ должны были встрѣтить его величество съ привѣтствіемъ отъ государыни и извѣщеніемъ о скоромъ ея прибытіи.

«На другой день вечеромъ мы приѣхали въ Фридрихсгамъ, гдѣ однакожь устроились не такъ хорошо, какъ въ Выборгѣ; а на другой день прибылъ и король². Его тотчасъ же проводили къ императрицѣ, между тѣмъ какъ свита, оставшаяся въ сосѣдней комнатѣ, была представлена мнѣ. Здѣсь мы познакомились другъ съ другомъ; когда же вышли монархи, то императрица представила меня королю.

«Обѣдъ прошелъ очень весело, а по окончаніи его ихъ величества продолжали бесѣду наединѣ. Такъ было все время, пока мы оставались въ Фридрихсгамѣ. Надо сознаться, что я не высокаго мнѣнія объ искренности сношеній между двумя коронованными главами въ такихъ обстоятельствахъ. Не смотря на доброе расположеніе, умъ и самую утонченную любезность, время должно наконецъ показаться долгимъ. Такая ежедневная бесѣда, при одной политикѣ, не можетъ не сдѣлаться скучной и утомительной.

«Король шведскій на третій день захотѣлъ посѣтить меня. Я велѣла сказать, что меня нѣтъ дома, и вечеромъ, войдя въ комнату императрицы, прежде чѣмъ успѣло собраться общество, рассказала ей это». Екатерина, не совсѣмъ довольная поступкомъ княгини Дашковой, просила ее на слѣдующій день непременно

¹ Этотъ составъ свиты не совсѣмъ согласенъ съ помѣщеннымъ выше, по свѣдѣніямъ Кастеры, спискомъ. Не полагаясь на точность княгини Дашковой, сохраняемъ и тотъ и другой.

² Показаніе опять не совсѣмъ сходное съ шведскимъ извѣстіемъ.

принять короля и продлить сколько можно доѣѣ визитъ его. Далѣе княгиня рассказываетъ, что король дѣйствительно повторилъ свое посѣщеніе, что разговоръ зашелъ о его пребываніи во Франціи и что онъ не могъ нахвалиться этой страной, но что княгиня, приписывая это дѣйствию лести, съ какою предъ нимъ преклонялись французы, противорѣчила ему, въ чемъ ее поддерживалъ и графъ Армфельтъ, присутствовавшій при этомъ разговорѣ.

На другой день оба монарха, каждый раздавъ подарки свитѣ другого, отправились въ одно время изъ Фридрихсгама. Императрица поѣхала прямо въ Царское Село, и прибыла туда вечеромъ наканунѣ годовщины вступленія своего на престолъ.

Содержаніе фридрихсгамскихъ бесѣдъ въ точности не извѣстно, но король, возвратясь 9 іюля въ Стокгольмъ, писалъ къ адмиралу Тролле: «Я чрезвычайно доволенъ своею поѣздкой. Пріязнь, предупредительность и гораздо болѣе довѣрія, чѣмъ въ первый разъ, все предвѣщаетъ прочное и полезное сближеніе. Болѣе не могу сказать на письмѣ. Война съ Турціей несомнѣнна, и съ часу на часъ ждутъ извѣстія, что Потемкинъ овладѣлъ Крымомъ. Я слышалъ это изъ устъ самой императрицы. Если турки съ этимъ примирятся, то войны не будетъ». Какія впечатлѣнія между тѣмъ вынесла Екатерина изъ свиданія съ Густавомъ, видно изъ письма ея къ Потемкину отъ 29 іюня (напечатаннаго Лебедевымъ въ книжкѣ о Паниныхъ): «Въ прошедшую субботу я воротилась изъ Фридрихсгама, гдѣ видѣлась съ королемъ шведскимъ, который много терпитъ отъ изломленной руки. Ты его знаешь: итакъ писать о немъ нечего; j'ai seulement trouvé qu'il était excessivement occupé de sa parure, se tenant fort volontiers devant le miroir, et ne permettant à aucun officier de se présenter autrement à la cour qu'en habit noir et ponceau, et point en uniforme; ceci m'a choquée, parce que selon moi il n'y a point d'habillement plus honorable et plus cher qu'un uniforme¹. Ви-

¹ «Я только нашла, что онъ чрезвычайно занятъ своимъ нарядомъ, лю-

дѣла я и Крейца, его новаго министра; сей прямо изъ Парижа въ Фридрихсгамъ приѣхалъ. *Il m'a paru que Scheffer avait plus d'esprit?*¹ Лучшимъ въ *suite* (свитѣ) королевской показался Таубе, что зимою былъ въ Петербургѣ, а прочіе всѣ люди весьма, весьма молодые». Этотъ любопытный отзывъ Екатерины II о Густавѣ дополняется тѣмъ, что она по тому же поводу сообщала своему союзнику Іосифу II въ письмѣ отъ 22 августа 1783 г.: «Пока в. и. в. объѣзжали свои южныя владѣнія, я ѣздила къ западной своей границѣ, но это путешествіе не было счастливо для шведскаго короля, потому что онъ переломилъ себѣ вкось лѣвую руку въ своемъ тавастгусскомъ лагерѣ, и кромѣ того увѣряють, что онъ получилъ отъ Франціи выговоръ за это свиданіе. Но вотъ что мнѣ показалось въ самомъ дѣлѣ страннымъ: въ этомъ Фридрихсгамскомъ шалашѣ (*cette bicoque de Frédriksham*), въ которомъ не болѣе двухсотъ сажень длины, весь шведскій дворъ былъ одѣтъ по-испански, и всѣмъ офицерамъ, приѣхавшимъ изъ тавастгусскаго лагеря, отъ короля запрещено являться передъ нимъ въ мундирѣ, я говорю: передъ нимъ, потому что я его нѣсколько разъ просила позволить имъ входить ко мнѣ, но онъ всякій разъ противился тому съ большою важностью, говоря, что они неприлично одѣты; а между тѣмъ всѣ меня окружавшіе были въ мундирахъ. Видя это, я стала дѣйствовать по-своему: я разговаривала изъ оконъ съ главными его офицерами, изъ которыхъ многіе сражались за Францію въ Америкѣ»².

Здѣсь кстати упомянуть еще о двухъ отзывахъ Екатерины II, относящихся къ ея финляндской поѣздкѣ. Изъ одного позднѣйшаго письма ея къ Гримму видно, что ее уже въ это время сильно занимали кое-какія филологическія соображенія о славянскомъ

бить стоять передъ зеркаломъ и не позволяетъ никому изъ своихъ офицеровъ являться ко двору иначе, какъ въ черномъ и пунцовомъ платьѣ, а не въ мундирѣ; это меня непріятно поразило, потому что по-моему нѣтъ одѣянья почетнѣе и дороже мундира».

¹ «Мнѣ показалось, что Шефферъ умнѣе».

² *Joseph und Katharina von Russland*, стр. 190.

происхожденіи разныхъ географическихъ имѣнь, и что она общала свои догадки шведскому королю. «Ces profondeurs», писала она Гримму 15 апрѣля 1785 года, «ont donné des vapeurs à Fredrikshamn à Gustave au bras cassé»¹. Любопытно также ея замѣчаніе о Финляндіи, которую она тогда въ первый разъ видѣла: «Bon Dieu! quel pays!» сказала она въ присутствіи Альбедилля: «Comment est-il possible qu'on ait voulu sacrifier du sang humain pour posséder un désert que les vautours même dédaignent d'habiter!»².

Въ первый годъ, послѣ Фридрихсгамскаго свиданія, монархи братья еще очень дружески продолжали переписываться. Густавъ прислалъ императрицѣ коллекцію роскошно переплетенныхъ шведскихъ книгъ съ писаннымъ его собственной рукой реестромъ ихъ и краткимъ объясненіемъ содержанія каждой книги. Екатерина, выражая ему свою благодарность, восхваляетъ его познанія въ шведской исторіи, которыми онъ будто бы перещеголялъ всѣхъ ученыхъ своей страны, и говоритъ, что съ этихъ поръ она смотритъ на него уже не какъ на короля, а «какъ на одного изъ достойнѣйшихъ академиковъ ея академіи» (Густавъ вскорѣ послѣ своего путешествія въ Россію избранъ былъ въ члены этого учрежденія). Книги эти нужны были императрицѣ для ея собственныхъ историческихъ занятій и присланы вслѣдствіе бесѣдъ съ Густавомъ объ этомъ предметѣ. Она намѣревалась дать перевести по-русски тѣ мѣста, въ которыхъ имѣла надобность, а потомъ, какъ сказано въ письмѣ, отдать всѣ эти книги, вмѣстѣ съ драгоценнымъ реестромъ, въ библіотеку академіи, для которой онѣ составятъ одно изъ лучшихъ ея украшеній³. Но всего любопытнѣе почерпаемое изъ этого письма свѣдѣніе, что король говорилъ Екате-

¹ «Эти бездны премудрости разстраивали въ Фридрихсгамѣ нервы Густаву съ переломанной рукой». См. въ апрѣльской книжкѣ *Русск. Архива* 1877 г. статью мою «Филологическія занятія Екатерины II».

² «Боже мой! Какая страна! Какъ можно было проливать человѣческую кровь для обладанія пустыней, въ которой даже коршуны не хотятъ жить!» (Albedyhl, Skrifter etc. I, 79).

³ Книги эти дѣйствительно хранятся въ академической библіотекѣ.

ринѣ II о рукописи Котошихина и они условились о перепискѣ ея. Императрица благодарить Густава за обѣщаніе допустить къ этому лицу, которое будетъ прислано ею въ Упсалу¹. «Я не замедлю — прибавляетъ она — воспользоваться этимъ и уже приказала отправить туда человека, который будетъ избранъ съ этою цѣлью. То, что вы мнѣ рассказываете, любезный братъ, объ этой хроникѣ, которой экземпляры были сожжены, подаетъ мнѣ поводъ думать, что это одна изъ тѣхъ рукописей, которыя хранились въ домахъ и служили источникомъ ябедъ и ссоръ между частными лицами, такъ что, для прекращенія такихъ тяжбъ, согласились всѣ эти книги сжечь въ одинъ день, а сохранившіяся считать недѣйствительными². Отъ этого пожара спаслись тысячи списковъ, но этимъ не уменьшается ихъ интересъ. Древность ихъ познается по извѣстнымъ буквамъ, которыхъ уже не употребляли послѣ 14-го столѣтія».

Поблагодаривъ потомъ за игрушки, присланныя кронпринцемъ царственнымъ ея внукамъ, императрица упоминаетъ, что король, какъ она слышала, желалъ имѣть русскаго квасу и кислыхъ щей, а такъ какъ этихъ напитковъ перевозить нельзя, то она посылаетъ въ Стокгольмъ особаго мастера для приготовленія ихъ. «Онъ можетъ научить поваренковъ при дворѣ грипсгольмскаго барина великому искусству изготовлять названные напитки; онъ снабженъ всѣми драгоценными веществами, входящими въ составъ ихъ, и въ одну недѣлю можно въ совершенствѣ и безъ большихъ расходовъ усвоить себѣ великое искусство дѣлать ихъ круглый годъ ежедневно, къ удовольствію охотниковъ». Назначенный

¹ Уже Екатерина II повелѣла послать въ Упсалу канцелярскаго служителя для переписки «слово отъ слова русскаго лѣтописца»; было ли это исполнено, или нѣтъ, мы не знаемъ; извѣстно, что рукопись Котошихина вновь была открыта около 1840 года профессоромъ Гельсингфорскаго университета М. Соловьевымъ и списана имъ для Археографической Комиссіи, которая и издала этотъ драгоценный историческій памятникъ.

² Очевидно, что императрица разумѣетъ тутъ Разрядныя книги, смѣшивая съ ними хронику, о которой ей сообщилъ Густавъ.

Сборникъ II Отд. II. А. Н.

для этого человекъ былъ отправленъ, вмѣстѣ съ дрожками и другими легкими экипажами, посланными королю въ подарокъ.

Ясно что похвалы, расточаемыя Екатериною учености и разуму Густава, не были искренни: она льстила его тщеславію, которое было хорошо ей извѣстно, какъ видно, напримѣръ, изъ приведеннаго ея отзыва о немъ во время Фридрихсгамскаго свиданія: «я замѣтила, что онъ чрезвычайно занятъ своимъ нарядомъ и очень любитъ стоять передъ зеркаломъ!» Вскорѣ возникли подозрѣнія и въ прямодушіи Густава, когда съ разныхъ сторонъ начали доходить до государыни слухи о его замыслахъ. Демонъ властолюбія не давалъ ему покоя, заставляя его мечтать о завоеваніяхъ, о двойственной славѣ законодателя и героя.

Причина, по которой Густавъ III, какъ мы видѣли, особенно интересовался крымскими дѣлами, заключалась въ его намѣреніи, при первомъ извѣстіи о войнѣ Россіи съ Турціей, напасть на Данію. Планы его уже не были тайною; въ дипломатическомъ мірѣ много толковали о его вооруженіяхъ противъ Даніи. Немногіе — писалъ ему баронъ Таубе — объясняютъ дѣло иначе и думаютъ, что ваше величество въ союзѣ съ Россіей снаряжаете войско и флотъ». При этомъ Таубе сообщаетъ свой разговоръ съ графомъ Шефферомъ, который разсказалъ ему, по слухамъ, всѣ подробности предположеній короля; Таубе старался увѣрить его, что, вѣроятно, Густавъ III готовитъ армию и корабли для подкрѣпленія императрицы. «Я очень вѣрю, — отвѣчалъ Шефферъ — что они въ Фридрихсгамѣ дружески обмѣнивались мыслями, но императрица была бы слишкомъ неискусна и неопытна въ политикѣ, если бы не показала вида, что входитъ во всѣ планы короля: для нея самой и для безопасности ея границъ всего желательнѣе, чтобы сосѣди подрались. Но вы увидите, что устроивъ свои дѣла съ турками, она тотчасъ же скажетъ: баста! и приметъ участіе въ посредничествѣ между нами и датчанами, къ которымъ болѣе расположена, чѣмъ къ Швеціи, не потому, чтобы ставила ихъ выше, а потому, что ихъ страна ей покорнѣе и находится въ со-

вершенной отъ нея зависимости». Онъ прибавилъ, что по его убѣжденію Франція и Англія никогда не позволятъ королю выполнить задуманное. Между тѣмъ онъ соглашался, что это (т. е. присоединеніе Норвегіи) было бы важнѣйшимъ для Швеціи приобретениемъ, но находилъ, что время къ тому еще не пришло, что для этого были бы нужны большіе перевороты въ Европѣ, чѣмъ тѣ, которые теперь ожидались. «Что до меня — заключалъ Таубе — то я думаю, что в. в. много потеряете, если дѣло не совершится теперь же: такъ какъ повидимому всѣ ваши планы разоблачены (говорятъ, что и Данія вооружается), то вся Европа подумаетъ, что тому воспротивилась императрица и что въ этомъ именно причина ихъ неисполненія. Это произведетъ дурное впечатлѣніе, особенно у насъ, потому что покажетъ подчиненіе господству Россіи, что, на мой взглядъ, было бы для насъ крайне невыгодно. Графу Шефферу сказалъ я, что в. в., какъ слышно, болѣе думаете о своемъ путешествіи въ Италію, чѣмъ о войнѣ».

Король однакожъ не рѣшился дѣйствовать теперь же, хотя и писалъ генералъ-адмиралу: «Письма изъ Россіи только и говорятъ объ удовольствіи, какое произвело въ Петербургѣ Фридрихсгамское свиданіе. Императрица отвергла посредничество Франціи. Война была уже начата: прямыхъ извѣстій отъ Потемкина еще нѣтъ». Слухъ о войнѣ оказался ошибочнымъ. Положеніе европейскихъ кабинетовъ было самое нерѣшительное; по мѣрѣ того, какъ выяснялись отношенія вѣнскаго кабинета къ петербургскому и связанные съ тѣмъ планы, разрывались союзы между Франціей и Австріей, между Пруссіей и Россіей. Вержень колебался и дѣло кончилось тѣмъ страннымъ результатомъ, что когда Екатерина устранила вмѣшательство Франціи, то эта держава сама склоняла Порту къ уступчивости. На этотъ разъ война была отвращена, но не надолго.

Всѣ эти шаткія отношенія и невѣрныя обстоятельства подстрекали короля взглянуть изблизи на положеніе дѣлъ въ Европѣ. Къ тому же и для здоровья ему показалось нужнымъ пожить въ болѣе умѣренномъ климатѣ. Врачи совѣтовали ему ѣхать въ Пизу

для теплых ваннъ. Наконецъ и давнишнее желаніе увидѣть Италію побудило Густава предпринять далекое путешествіе.

Между тѣмъ онъ находился въ затруднительномъ положеніи, особливо передъ Франціей. Фридрихсгамское свиданіе распространило въ Европѣ мысль о тѣсномъ сближеніи между Россіей и Швеціей, какого въ сущности не было. Франція была встревожена; парижскій дворъ подозрѣвалъ, что цѣлью свиданія было образовать на сѣверѣ семейный договоръ, противный интересамъ Франціи. «Это безпокойство — говоритъ Гейеръ — было причиною, что во время пребыванія Густава въ Италіи французскому посланнику въ Римѣ кардиналу Берни было поручено пригласить его отъ имени короля въ Парижъ. Густавъ не зналъ, какъ поступить. Что интересы Франціи на сѣверѣ были противоположны видамъ Россіи, это составляло самую несомнѣнную изъ традицій шведской политики и было поводомъ къ происхожденію франко-шведскаго союза. Но Густавъ III давно уже замѣчалъ, что на поддержку Франціи при Людовикѣ XVI нельзя было разсчитывать въ случаѣ какого-нибудь смѣлаго политическаго предпріятія. Онъ сближился въ Россіей въ надеждѣ извлечь пользу изъ турецкой войны для нападенія на Данію. Турецкая война не состоялась, и онъ остался ни при чемъ съ своими вооруженіями, которыя всѣмъ были извѣстны. Посѣщеніе Парижа было открытымъ отрицаніемъ мнимаго союза съ Россіей; а Густавъ III еще не былъ готовъ къ тому, чтобы передъ самимъ собой и свѣтомъ сознаться въ иллюзіяхъ фридрихсгамскаго съѣзда и стать въ непріязненное отношеніе къ Россіи. Поэтому онъ сначала и не показывалъ своимъ приближеннымъ удовольствія по поводу приглашенія въ Парижъ. «Дай Богъ, чтобъ эта чаша была не слишкомъ горька, радъ бы я былъ, если бъ она могла пройти мимо меня», писалъ онъ къ графу Крейцу изъ Рима 3-го апрѣля; изъ Венеціи же 5-го мая: «Чѣмъ болѣе приближается срокъ этого путешествія, тѣмъ яснѣе вижу сопряженные съ нимъ затрудненія, и не послѣднее между ними — безпокойство, которое почувствуетъ императрица. Но сдѣланнаго не переѣмнишь. Назадъ итти не могу, а думаю только

пробыть тамъ какъ можно менѣе, не долѣе двухъ недѣль, такъ чтобы въ концѣ іюля или 1-го августа быть уже дома».

Черезъ нѣсколько дней послѣ того какъ эти строки были написаны, Густавъ получилъ въ Венеціи письмо Екатерины II, которое должно было показать ему, что отъ проникательнаго взора геніальной сосѣдки не укрылись его колебанія въ отношеніи къ ней. Поводомъ къ этому послужило то, что король во Флоренціи видѣлся съ путешествовавшимъ въ то же время Іосифомъ II и, желая узнать, какое впечатлѣніе онъ произвелъ на императора, просилъ Екатерину сообщить, что этотъ послѣдній писалъ ей о своемъ свиданіи съ нимъ. Замѣтимъ, что самъ Густавъ нашелъ его личность столь же странною, какъ и его поступки. Объ этомъ онъ писалъ адмиралу Тролле отъ 27 января 1784 г. «Все повидимому предвѣщаетъ великій переворотъ, и проекты императора такъ обширны, что такой кризисъ кажется мнѣ неизбежнымъ. Я видѣлъ этого государя, и очень радъ, что познакомился съ нимъ: не могу однакожь скрыть, что во мнѣ онъ возбуждаетъ удивленіе, а не любовь и тихій энтузіазмъ, которые внушаетъ другъ человѣчества, какъ напримѣръ русская императрица своею ясною пріветливостію и всѣмъ своимъ обращеніемъ».

Вотъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ отвѣтъ Екатерины Густаву, который, получивъ это письмо, отмѣтилъ на французскомъ подлинникѣ его: «Прибыло въ Венецію 10 мая, съ курьеромъ русскаго посланника въ Тосканѣ Моцениго».

«С.-Петербургъ, 17 марта 1784. Monsieur mon Frère et Cousin. Я имѣла честь получить письмо, которое вапему величеству угодно было написать мнѣ изъ Неаполя и въ которомъ вы мнѣ сообщаете, какъ мало вамъ оставляли досуга въ вашихъ разъѣздахъ. Если мои посланники были вамъ сколько-нибудь полезны¹ я не жалѣю о данныхъ имъ приказаніяхъ, въ чемъ един-

¹ Рѣчь идетъ о графѣ Разумовскомъ, въ то время русскомъ посланникѣ въ Неаполѣ. Густавъ, очарованный имъ здѣсь, впоследствии просилъ императрицу назначить его въ Стокгольмъ, но имѣлъ позднѣе поводъ раскаяться въ этомъ ходатайствѣ.

ственной моею цѣлью было доставить в. в. доказательство дружбы моей и вниманія. Не получая отъ его величества императора писемъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ путешествуетъ по Италіи, я не могу удовлетворить любопытству в. в. относительно мнѣнія этого государя о графѣ Гага¹. Знаю только, что достоинство не ускользаетъ отъ прозорливости основательнаго ума, всегда занятаго тѣмъ-нибудь дѣльнымъ и обращающаго вниманіе на суетные предметы только какъ наблюдатель мыслящій и глубокій. Такъ какъ в. в. отправляетесь черезъ Римъ, Венецію, Парму, Миланъ и Туринъ во Францію, то прошу васъ быть увѣреннымъ, что мои пожеланія вездѣ сопровождаютъ васъ. Между тѣмъ, если бъ в. в. пожелали узнать, что дѣлается въ нашихъ краяхъ, то вы услышали бы, что здѣсь очень жалуются на скудость хлѣба, на рѣдкость денегъ, на трудности въ настоящемъ; старые люди хвалятъ прошлое, а молодые прыгаютъ и пляшутъ. Мы еще богаты проектами; рассказываютъ, будто в. в. тайно дѣлаете приготовленія, чтобы овладѣть Норвегіею. Я вовсе не вѣрю этому, какъ равно и слуху, который мнѣ угрожалъ вторженіемъ вашихъ войскъ въ Финляндію, гдѣ в. в., какъ утверждали, намѣревались вырѣзать мои слабые гарнизоны и идти прямо на Петербургъ, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы тамъ поужинать. Не придавая никакой важности толкамъ, въ которыхъ для украшенія рѣчи даютъ болѣе мѣста порывамъ воображенія, чѣмъ правдѣ и вѣроятію, я встрѣчному и поперечному говорю просто, что ручаюсь за невозможность и тѣхъ, и другихъ слуховъ. В. в. изволите видѣть, что хотя на сѣверѣ и нѣтъ развалинъ Помпей или другихъ подобныхъ предметовъ, чтобы подогревать воображеніе, однакожь и у насъ нѣтъ въ немъ недостатка. Не выдавъ холмистаго Везувія, в. в. развлекались бесѣдою съ маленькимъ вулканомъ Галиани², котораго я знаю только по наслышкѣ. У меня еще нѣтъ

¹ Густавъ путешествовалъ по Европѣ подъ именемъ comte de Haga.

² Galiani, неаполитанскій аббатъ, род. 1728, ум. 1786, авторъ нѣсколькихъ сочиненій политико-экономическаго содержанія, отличающихся оригинальностью и остроуміемъ; въ качествѣ секретаря посольства, онъ долго жилъ.

его книги о правахъ нейтральныхъ державъ, хотя мнѣ нѣсколько разъ общали ее; но я должна благодарить в. в. за отрекомендованіе меня аббату Галіани и за все, что вы говорили мнѣ пріятнаго по этому поводу. Съ удовольствіемъ слышу, какъ кронпринцъ ежедневно развивается и что мой внуки къ тому способствовали. Приношу вашему величеству мою признательность за участіе, которое вы, какъ другъ и добрый родственникъ, принимали въ прекращеніи моихъ несогласій съ Портою; прошу васъ быть увѣреннымъ, что и я не равнодушна ко всему, до васъ касающемуся, и всегда остаюсь съ высокими уваженіемъ и особливимъ дружелюбіемъ вашего величества добрая сестра кузина, другъ и сосѣдка
Екатерина».

Сквозь многія строки этого письма ясно просвѣчиваетъ іронія, съ которой императрица сочла умѣстнымъ отвѣчать на дружескія изъясненія, получаемыя ею отъ короля въ то время, когда до нея доходили слухи совсѣмъ другого рода о его истинныхъ намѣреніяхъ и тайныхъ распоряженіяхъ. Но король не могъ долго скрывать ихъ: скоро въ его сношеніяхъ съ императрицею уже обнаруживается желаніе найти предлогъ къ разрыву.

Самымъ несомнѣннымъ признакомъ такого настроенія было стараніе скорѣе возвратить себѣ то право на Голштинію, которое уже болѣе десяти лѣтъ передъ тѣмъ было уступлено русскимъ императорскимъ домомъ Даніи въ обмѣнъ за Ольденбургъ и Дельменгорстъ. Еще въ 1767 году, Екатерина II заключила о томъ, отъ имени несовершеннолѣтняго великаго князя, предварительный договоръ съ датскимъ правительствомъ, а вымѣненныя такимъ образомъ два владѣнія предоставила младшей линіи Голштинскаго дома. По достиженіи Павломъ Петровичемъ совершеннолѣтія въ 1773 году, этотъ договоръ былъ подтвер-

въ Парижѣ, гдѣ сблизился съ энциклопедистами, особенно съ Гриммомъ и Дидро, и пользовался большимъ успѣхомъ въ высшемъ обществѣ. Императрица разумѣетъ книгу, изданную имъ въ 1782 году въ Неаполѣ подъ заглавіемъ: «*Dei doveri dei principi neutrali verso i principi guerreggianti*».

жденъ и имъ самимъ. Рѣшившись измѣнить свои отношенія къ Россіи, король шведскій воспользовался первымъ поводомъ, чтобы протестовать противъ сдѣланныхъ такимъ образомъ уступокъ. Этимъ поводомъ была послѣдовавшая въ 1785 году смерть дяди обоихъ монарховъ, епископа любскаго Фридриха Августа¹, того самаго, которому достались, по рѣшенію Екатерины, вымѣненные земли, такъ что онъ сдѣлался родоначальникомъ великихъ герцоговъ Ольденбургскихъ. Кончина его подала Густаву мысль обратиться къ императрицѣ съ дружескимъ, повидимому, заявленіемъ своей претензіи². При этомъ онъ сослался на свою обязанность пецись объ интересахъ своего сына, своихъ потомковъ и о собственномъ своемъ достоинствѣ, напомнивъ, что еще при заключеніи договора онъ заявилъ о своихъ наслѣдственныхъ правахъ какъ римскому императору, такъ и императорскому сейму. Если онъ до сихъ поръ не старался воспользоваться этими правами, то это происходило, какъ онъ увѣрялъ, изъ личныхъ его отношеній къ покойному; притомъ у него, короля, тогда еще не было сына, и онъ будто бы думалъ, что тѣ владѣнія уступлены его дядѣ только въ пожизненное пользованіе. «Вижу теперь—говорилъ онъ—что эти владѣнія переходятъ, какъ наслѣдственные, къ линіямъ, которыя моложе моей, а мое семейство навсегда лишено наслѣдія моихъ предковъ, наслѣдія, гарантированнаго и утвержденнаго всѣми законами Германской имперіи и Вестфальскимъ миромъ, а также императоромъ Іосифомъ I въ Алтранштадтскомъ мирномъ договорѣ». Но такъ какъ, при восстановленіи правъ короля шведскаго, пострадали бы наслѣдники умершаго, то онъ проситъ Екатерину придумать средство вознаградить его, Густава III, и соединить на твердомъ основаніи сердца и интересы фамиліи, которую она можетъ назвать своею и, конечно, любить не менѣе, чѣмъ самъ онъ. «Ваше величество—заклучилъ онъ—перестали бы уважать меня, если бы я не сдѣлалъ этого шага: ваша великая душа слишкомъ хорошо знаетъ

¹ См. Родословную таблицу въ приложеніи II.

² Подлинное его письмо см. въ приложеніи IV.

обязанности и законы чести, чтобы не признавать, что всякій долженъ защищать свои права» и проч. Въ такомъ смыслѣ Густавъ одновременно написалъ и къ великому князю, взывая къ его строгимъ правиламъ справедливости, къ его просвѣщенному разуму и прямотѣ, которое, замѣчено въ скобкахъ, «составляетъ прекраснѣйшую основу вашей репутаціи».

Письмо Густава, конечно, не могло понравиться Екатеринѣ II; оно задѣло ее за живое, и она отвѣчала: «Государь мой братецъ. Откровенность, съ какою вашему величеству угодно было выразить мнѣ свои мысли, заставляетъ и меня отвѣчать вамъ съ такимъ же чистосердечіемъ. Прежде всего я искренно раздѣляю ваше справедливое сожалѣніе о кончинѣ герцога Голштейнъ-Ольденбургскаго, епископа любскаго, вашего и моего дяди. Я во всю свою жизнь принимала непритворное участіе во всемъ, что касалось этого истинно почтеннаго принца и его дома; это я доказала своими поступками, обеспечивъ судьбу отрасли покойнаго герцога, равно какъ и участь герцога Георга Людвига, меньшого брата его.

«Сынъ мой, усвоивъ себѣ мои виды, подкрѣпилъ своимъ согласіемъ распоряженія, предначертанныя мною, хотя, какъ глава нашего дома и истинный владѣтель (уступленной собственности), онъ сохраняетъ во всѣхъ случаяхъ свои права и можетъ передать ихъ своему потомству, которое, благодаря Бога, не уменьшается: двѣ младшія линіи Голштинскаго дома получили чрезъ то обеспеченное существованіе, котораго имъ не доставало. Не стану распространяться о мѣрахъ, которыя ваше величество сочли нужнымъ принять по этому поводу; но мнѣ сдается, что покойный король, вашъ родитель¹, при своемъ прибытіи въ Швецію и будучи еще кронпринцемъ, торжественно отказался, въ присутствіи государственныхъ чиновъ Швеціи, за себя и своихъ потомковъ, отъ дальнѣйшихъ притязаній или правъ дома, изъ котораго онъ происходилъ (т. е. Голштинскаго), — актъ тѣмъ

¹ Адольфъ Фридрихъ.

болѣе драгоцѣнный, что онъ послужилъ къ доставленію прочнаго существованія линіи вашего величества; прекращая, повидимому, всякое дальнѣйшее сомнѣніе по этому дѣлу, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожилъ всякій поводъ къ спорамъ между двумя линіями дома: такъ какъ каждая изъ нихъ получила весьма почетное существованіе, которымъ оставалось только пользоваться и довольствоваться. Справедливость этихъ размышленій не можетъ укрыться отъ мудрости и прозорливости вашего величества, а если присоединить къ нимъ живое участіе, оказываемое вами младшимъ линіямъ Голштинскаго дома, то несомнѣнно, что ваше величество не захотите подвергать пересмотру распоряженій, въ которыхъ ничего нельзя измѣнить безъ явнаго для нихъ ущерба».

Король отвѣчалъ въ обиженномъ тонѣ, и въ доказательство правоты своихъ притязаній приложилъ къ письму выписку изъ трактата, заключеннаго въ 1750 г. между отцомъ его и тестемъ, датскимъ королемъ Фридрихомъ V, — выписку, подтверждавшую будто бы, что первый, т. е. шведскій король, тогда еще кронпринцъ, никогда не отказывался отъ наслѣдственныхъ правъ своего дома, но что, мѣняя Ольденбургъ и Дельменгорстъ на Голштинію, онъ удерживалъ за собою всѣ права на первыя два владѣнія, которыя намѣревался принять въ обмѣнъ на Голштинію, какъ скоро ему представится случай наслѣдовать ихъ¹. «Ваше величество (прибавлялъ король), по основательности своего ума, конечно, понимаете, что большая разница — не довольствоваться владѣніями, предоставленными намъ Провидѣніемъ, или поддерживать твердо, но съ умѣренностію, законныя и неоспоримыя права, которыхъ хотятъ насъ лишить». Поэтому онъ въ заклю-

¹ Изъ этого видно, что обмѣнъ, сдѣланный отъ имени великаго князя Павла Петровича, какъ наслѣдника Голштиніи, былъ только подтвержденіемъ болѣе ранняго договора, и что новаго въ послѣующемъ актѣ была только уступка вымѣненныхъ владѣній младшей линіи Голштинскаго дома. При заключеніи трактата 1750 г., представитель старшей линіи Петръ III былъ уже въ Россіи, какъ наслѣдникъ русскаго престола. Не признавая этого договора, онъ собирался вооруженною рукою отнять у Данин отданную ей Голштинію.

ченіе заявлялъ намѣреніе возобновить мѣры, принятыя имъ въ 1775 г., т. е. протестовать противъ распоряженія Екатерины II.

Само собою разумѣется, что эти поступки короля могли быть приняты императрицею не иначе, какъ въ смыслѣ враждебной угрозы. Надобно знать, что сынъ умершаго Ольденбургскаго герцога, по слабоумію, не могъ быть его наслѣдникомъ, и потому управленіе краемъ тогда же перешло въ руки двоюроднаго брата его Петра; но такъ какъ этотъ принцъ также былъ слабъ здоровьемъ, то со стороны петербургскаго кабинета, въ противодѣйствіе замысламъ Густава III, была придумана такая комбинація: герцогъ, администраторъ Ольденбурга, имѣя малолѣтнихъ дѣтей, формальнымъ завѣщаніемъ поручить великому князю Павлу Петровичу опеку надъ этими дѣтьми, съ тѣмъ чтобы онъ вмѣстѣ съ ихъ матерью герцогинею вступилъ во все права наслѣдственнаго управленія до совершеннолѣтія сыновей герцога. Это распоряженіе предположено было довести до свѣдѣнія Римскаго императора. Было ли приступлено къ приведенію его въ дѣйствіе, мы не знаемъ: переписка между Екатериною и Густавомъ надолго прекращается... Между тѣмъ враждебные замыслы короля противъ Россіи принимаютъ болѣе рѣшительный характеръ и отвлекаютъ его вниманіе отъ сравнительно - маловажнаго вопроса объ Ольденбургѣ. Наконецъ, въ іюнѣ 1788 г., онъ, считая свои вооруженія достаточными и пользуясь благоприятною, повидимому, минутою, начинаетъ наступательную войну съ Россіей. Побужденія его при этомъ нападеніи были очень сложныя. Собственно говоря, оно было какъ бы прямымъ послѣдствіемъ перваго шага его по вступленіи на престолъ. Ограничивъ тогда власть дворянъ, онъ еще оставилъ имъ довольно простора для противодѣйствія на сеймахъ волѣ короля. Ему хотѣлось теперь нанести этому сословію второй, болѣе рѣшительный ударъ, и вмѣстѣ ослабить естественную союзницу своихъ внутреннихъ враговъ, Екатерину, которая, зная неискренность его миролюбія, поддерживала ихъ оппозицію. Съ другой стороны, и мечта о возвращеніи завоеванныхъ Россією областей, съ самаго воцаренія его, не давала по-

коя самонадѣянному потомку Карла XII. А къ этому присоеди-
нялась еще боязнь за отторженіе всей Финляндіи, о чемъ такъ
хлопоталъ переметчикъ Спренгтпортень. Русскія войска ушли въ
Турцію, Петербургъ былъ почти беззащитенъ. Нужно было мно-
го благоразумія, чтобы не поддаться искушенію напасть на со-
сѣда въ такую минуту; но этого-то благоразумія именно и недо-
ставало Густаву. На бѣду свою онъ, по своему высокомерію
пренебрегая слишкомъ легкой побѣдой, началъ военныя дѣйствія
прежде отплытія нашего флота изъ Финскаго залива. Это болѣе
всего рѣшило борьбу въ нашу пользу. Чтобы оправдать свое
поведеніе въ глазахъ всей Европы, шведскій король напечаталъ
въ берлинской газетѣ обширную декларацію съ объясненіемъ
всѣхъ нанесенныхъ ему оскорбленій. Екатерина отвѣчала: рядомъ
съ обыкновенными явленіями войны свѣту открылось небывалое
зрѣлище литературнаго единоборства двухъ монарховъ-писате-
лей. Возраженіе Екатерины, отдѣльно напечатанное по-француз-
ски и по-русски, вышло гораздо длиннѣе шведской деклараціи,
помѣщенной рядомъ въ той же брошюрѣ. Противъ своего обы-
чая, императрица написала свой отвѣтъ по-нѣмецки, т. е. на томъ
же языкѣ, на которомъ появилась статья Густава. Храповицкій
сохранилъ намъ подробности о самомъ ходѣ сочиненія, которыми
Екатерина занималась нѣсколько дней чрезвычайно усидчиво. Оно
переведено было по-французски чиновникомъ министерства ино-
странныхъ дѣлъ Кохомъ, а по-русски Вейдемейеромъ. Въ сло-
вахъ обоихъ воюющихъ монарховъ видна разыгравшаяся желчь,
съ обѣихъ сторонъ сыплются попреки, обвиненія; все прошлое
забыто или, лучше, прошлое берется въ помощь настоящему раз-
драженію, чтобы рѣзче выставить вины противника.

Густавъ, припоминая свою поѣздку въ Петербургъ, пишетъ ¹:
«Не довольствуясь столь миролюбивымъ поведеніемъ, король же-
лалъ ничего не упустить, чтобы изгладить всякую тѣнь недо-

¹ Сообщаю эти отрывки въ своемъ, а не въ современномъ переводѣ, что-
бы точнѣе передать смыслъ подлинныхъ выраженій.

вольствія, которое самые успѣхи его могли оставить въ душѣ императрицы, и въ то же время, чтобы утѣшить всѣ чувства національной вражды, пробужденныя многократными войнами; его величество хотѣлъ личнымъ знакомствомъ убѣдить императрицу въ своей дружбѣ и желаніи сохранить миръ и доброе согласіе между обѣими державами. Королю пріятно было бы остановиться на этомъ времени, о которомъ воспоминаніе, еще дорогое его сердцу, приводитъ на мысль отрадную, но обманчивую иллюзію, долго его ослѣплявшую, — времени, въ которое онъ считалъ императрицу своимъ личнымъ другомъ; но обстоятельства, съ тѣхъ поръ развившіяся, не позволяютъ ему возвращаться къ этимъ минутамъ своего царствованія».

Екатерина отвѣчаетъ:

«Здѣсь рѣчь идетъ, кажется, о путешествіи короля въ Петербургъ въ 1777 году и о послѣдовавшемъ за тѣмъ Фридрихсгамскомъ свиданіи: король объясняетъ, въ какихъ видахъ онъ принялъ эти поѣздки: по русскому же императорскому манифесту о войнѣ, его путешествія въ Россію имѣли ту же цѣль, какъ его посѣщенія королевско-датскаго двора, именно цѣль внушить обоимъ высокимъ союзникамъ недовѣріе другъ къ другу, ослабить по возможности или даже разорвать ихъ союзъ, и наконецъ, поближе всмотрѣться въ положеніе дѣлъ».

«Что такова дѣйствительно была цѣль и перваго путешествія короля, это частію выяснилось еще при второмъ свиданіи въ Фридрихсгамѣ. Тамъ онъ выразилъ императрицѣ положительное желаніе заключить съ Россіей союзъ; на что государыня отвѣчала ему, что министры съ обѣихъ сторонъ могли бы вступить въ переговоры по этому предмету; но какъ скоро ему было заявлено желаніе, чтобы и Данія, какъ государство уже союзное съ Россіей, была включена въ этотъ трактатъ, то у короля до такой степени прошла охота совѣщаться о томъ, что съ тѣхъ поръ онъ сталъ разсѣвать при иностранныхъ дворахъ гнусныя клеветы противъ Россіи и всячески старался лишить ее дружбы Даніи».

Въ такомъ духѣ написаны отъ начала до конца оба эти до-
стопамятные историческіе документы. Русскій современный текстъ
кончается слѣдующими строками: «Изъ всего вышеписаннаго яв-
ствууетъ, съ какимъ сосѣдомъ Россія имѣетъ дѣло, когда онъ по-
пираетъ установленный союзъ общенародный и благоустройства,
и когда довольно доказалъ своимъ самопроизвольнымъ поведе-
ніемъ, что онъ никакихъ другихъ правилъ не знаетъ, кромѣ соб-
ственной необузданной воли. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1788 года».

Изъ записокъ Храповицкаго мы знаемъ, съ какимъ лихора-
дочнымъ волненіемъ Екатерина, съ самаго того времени, какъ
выяснились враждебные замыслы Густава III, слѣдила за всѣми
подробностями его дѣйствій и движеніями его арміи. Никогда, мо-
жетъ-быть, война между двумя государствами не сопрождалась
такимъ личнымъ раздраженіемъ другъ противъ друга самихъ пра-
вителей. Неискренность прежнихъ дружескихъ сношеній въ яр-
комъ свѣтѣ обнаружилась въ безпощадныхъ взаимныхъ прере-
каніяхъ. Чѣмъ преувеличеніе были нѣкогда съ обѣихъ сторонъ
лстивыя заявленія, тѣмъ рѣзче и жестче сдѣлались теперь об-
личенія и укоризны. Но на политическомъ горизонтѣ ненастье и
вѣдро смѣняются иногда такъ же быстро, какъ въ природѣ. Послѣ
двухлѣтней борьбы, послѣ разныхъ колебаній и превратностей
военнаго счастья, посреди которыхъ побѣда была однакожь по-
чти постоянно на сторонѣ русскихъ, оба воюющіе монарха чув-
ствовали влеченіе къ миру. Густава располагали къ нему почти
постоянныя неудачи, но еще болѣе открывшійся въ его арміи за-
говоръ, отголосокъ опасной смуты внутри государства. Екате-
рину склоняли къ миролюбію болѣе и болѣе запутывавшіяся от-
ношенія и планы европейскихъ кабинетовъ, готовыхъ поддержи-
вать противъ нея Турцію и Польшу. Приближался Рейхенбахскій
конгрессъ, который долженъ быть явственно обозначить эти от-
ношенія, и едва онъ состоялся (27-го іюля 1790 г.), какъ заклю-
ченъ былъ и миръ между обѣими сѣверными державами (3-го
[14-го] августа того же года). Верельскимъ трактатомъ Швеція
ничего не приобрѣла; прежнія владѣнія и границы ея остались

безъ измѣненія. Единственнымъ успѣхомъ Густавъ могъ признать то, что въ новомъ договорѣ не было ничего упомянуто о трактатахъ Нейштадтскомъ и Абоскомъ, т. е. гарантія, которую некогда приняла Россія въ охраненіи существовавшаго образа правленія Швеціи, была какъ бы забыта, слѣдовательно отмѣнена,—Россія отказалась отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла сосѣдняго государства. Внезапность этого мира удивила Европу: недремлющій геній Екатерины все видѣлъ, все предусматривалъ и, что нужно—предупреждалъ. Было еще обстоятельство, располагавшее обоихъ сѣверныхъ монарховъ къ возобновленію между собою дружескихъ отношеній: французская революція, противъ которой они считали святымъ долгомъ ополчиться. Еще не затихъ громъ пушекъ въ Финскомъ заливѣ, когда Густавъ уже мечталъ о новомъ геройскомъ подвигѣ—спасеніи престола Бурбоновъ. Ему принадлежитъ починъ образовавшейся вскорѣ коалиціи монарховъ. Уже въ маѣ 1791 года онъ отправился въ Аахенъ, подъ предлогомъ намѣренія лѣчиться водами Спа, но въ сущности для того, чтобы по близости къ предѣламъ Франціи лучше наблюдать за теченіемъ тамошнихъ дѣлъ. Онъ тайнѣмъ задумывалъ приготовить средства къ тому, чтобы внезапно, во главѣ своей гвардіи и французскихъ эмигрантовъ, явиться въ Парижъ и вооруженною рукою доставить Людовику XVI побѣду надъ врагами. Къ этому относится замѣчаніе Екатерины въ Дневникѣ Храповицкаго: «Мы съ нимъ (т. е. Густавомъ) часто въ мысляхъ разъѣзжаемъ на Сенѣ на канонирскихъ лодкахъ» (27-го іюля 1791). Неудавшееся бѣгство и заключеніе несчастнаго короля внезапно разрушили этотъ планъ: надобно было дѣйствовать иначе. Между тѣмъ и Екатерина, подъ вліяніемъ тѣхъ же впечатлѣній, еще усиливаемыхъ просьбами эмигрантовъ, прибѣгавшихъ подъ ея защиту, рѣшилась принять энергическія мѣры къ возстановленію королевской власти во Франціи. Тотчасъ по заключеніи мира съ Швеціей, дружеская переписка между ею и Густавомъ возобновилась. Уже 6-го августа, т. е. черезъ два дня послѣ подписанія трактата, получено отъ короля собственноручное письмо, въ ко-

торомъ онъ, оправдываясь тѣмъ, что ихъ поссорили, просилъ, по связи крови, возвратить ему дружбу (разсказывая это со словъ императрицы, Храповицкій приписываетъ въ скобкахъ и ея замѣчаніе: *je n'en avais jamais*, я никогда такой дружбы и не имѣла), просилъ забыть эту войну, какъ мимолетную бурю. Въ отвѣтъ своемъ Екатерина ему замѣтила, что не надо слушать сплетень. «Полвѣка живу, 29 лѣтъ царствую и по опыту знаю, что лучший оплотъ отъ всякихъ интригъ — правдивость и правота»¹. Есть извѣстіе, что при заключеніи мира въ Вереле Екатерина секретнымъ пунктомъ обязалась выплатить королю два милліона рублей на покрытіе его частныхъ долговъ. Справедливъ ли этотъ слухъ, или нѣтъ, но то вѣрно, что вслѣдъ за тѣмъ шла переписка о выдачѣ Густаву субсидій на войну съ Франціей, и въ іюнѣ 1791 г., при отправленіи къ королю письма, замѣчено, что ему даютъ 500,000. Всего любопытнѣе однакожъ, что около того же времени, именно въ концѣ апрѣля, ходили слухи о возобновленіи войны съ Швеціей, по интригамъ Англіи, и что вслѣдствіе того Суворовъ былъ посланъ для осмотра шведской границы. Еще и позднѣе, въ іюлѣ, императрица жаловалась, что Густавъ хочетъ и денегъ и половины Финляндіи, и прибавляла: «дайте мнѣ кончить съ турками, и тогда я съ шведскимъ королемъ раздѣлаюсь. Я рада, что на время могла его занять французскими дѣлами»². Эта тревога однакожъ вскорѣ миновалась, и 1-го октября въ императорскомъ совѣтѣ разсуждаемо было объ уплатѣ шведскому королю, въ продолженіе восьми лѣтъ, 300,000 р., на что и самъ онъ изъявилъ согласіе. За два дня передъ тѣмъ Екатерина II отправила въ Стокгольмъ слѣдующее любопытное письмо³.

¹ Дневникъ Храповицкаго, 1790, августа 6-го и 14-го.

² Тамъ же, по изд. г. Барсукова, стр. 362, 369 и 376.

³ Это письмо, такъ же какъ и другое, ниже помѣщаемое, въ первый разъ было сообщено г. Германомъ въ *Historisches Taschenbuch* Фр. Раумера на 1857 г. См. ниже приложение VII.

С.-Петербургъ, 29-го сентября 1791.

«Государь мой, братецъ! Съ удовольствіемъ вижу, дорогой братъ, по тону, который вы опять приняли въ своемъ письмѣ отъ 17-го сентября, что вы снова питаете ко мнѣ совершенно тѣ же чувства, какія вы нѣкогда выражали и на которыя я всегда буду готова отвѣчать вамъ самымъ непритворнымъ чистосердечіемъ. Вы теперь знаете намѣренія мои относительно политическаго союза, которымъ я готова еще тѣснѣе укрѣпить соединяющія насъ узы родства. Эти намѣренія основываются на началахъ равенства и полнѣйшей взаимности, и мнѣ уже нечего бояться, чтобы они могли не привести насъ къ цѣли, какую мы себѣ предназначаемъ. Въ твердомъ на то упованіи я не усомнилась сообщить вамъ сокровеннѣйшія мысли мои о дѣлахъ Франціи. Письмо англійскаго короля, сообщенное мнѣ вашимъ величествомъ, есть лишь копія съ того, которое писалъ этотъ государь императору; оно неопредѣленно, и все, что можно изъ него вывести, заключается въ томъ, что на содѣйствіе его британскаго величества разсчитывать нечего. Но что всего прискорбнѣе кромѣ господствующаго повидимому недостатка усердія, обнаруживаемаго прочими государями, это несогласіе между французскою королевою и бѣжавшими въ Германію принцами. Будучи всѣ одинаково лишены всякой власти и всѣхъ прирожденныхъ преимуществъ, они, въ отношеніи къ пользованію этой властью и этими преимуществами, кажется, питаютъ другъ ко другу ту же мнительность и ту же зависть, какъ если бъ они снова ими обладали, вовсе не думая о томъ, что имъ никогда не удастся возвратить себѣ и тѣмъ оныхъ, развѣ они въ тѣснѣйшемъ союзѣ будутъ дѣйствовать откровенно и единодушно. Вы, любезный братъ, можете еще лучше знать эти печальныя обстоятельства и можетъ-быть найдете средства, тамъ гдѣ окажется полезнымъ, проповѣдывать миръ и доброе согласіе, столь необходимыя для общаго всѣхъ ихъ благоденствія; но какъ бы ни было, мои намѣренія и планы остаются безъ измѣненія, и я очень надѣюсь на вашу твердость и на успѣхъ предложеній и настоятельныхъ просьбъ, которыя возобновляю при вѣнскомъ и

берлинскомъ дворахъ, чтобы склонить ихъ къ образу дѣйствій, соотвѣтствующему нашимъ желаніямъ. Въ теченіе этой зимы мы узнаемъ, чего должны держаться, и я никакъ не отказываюсь отъ надежды, что наши человеколюбивыя, благородныя и столь же великія, какъ и великодушныя стремленія наконецъ достигнутъ цѣли. Это только усилитъ побужденія, внушающія мнѣ ту нѣжную и искреннюю дружбу, съ каковою пребываю, государь мой братецъ, вашего величества добрая сестра и кузина, другъ и со-сѣдка Екатерина».

Между тѣмъ въ Стокгольмѣ, для переговоровъ, находились уполномоченные Екатерины II графъ Штакельбергъ и генералъ Паленъ, и 8-го (19-го) октября, къ удивленію Европы, между враждовавшими издавна сѣверными державами состоялся въ Дротнинггольмѣ союзъ на восемь лѣтъ, главныя условія котораго заключались въ томъ, что въ случаѣ нападенія оба государства помогаютъ другъ другу и выставляютъ: Швеція 8,000 пѣхоты и 2,000 конницы, 6 линейныхъ кораблей и 2 фрегата; а Россія — 12,000 пѣхоты, 4,000 конницы, 9 линейныхъ кораблей и 3 фрегата; въ случаѣ же надобности — и болѣе, по взаимному соглашенію. Кромѣ того, Россія обязалась платить Швеціи субсидіи. За шесть мѣсяцевъ до истеченія восьмилѣтняго срока возбуждается вопросъ о продленіи его. Тотчасъ по ратификаціи договора приступаютъ къ заключенію торговаго трактата, а весною 1792 г. должна произойти повѣрка финляндской границы¹.

Теперь предстояла задача — побудить и другихъ государей присоединиться къ этому союзу, но что это было дѣломъ нелегкимъ, доказываетъ письмо Екатерины, писанное вскорѣ послѣ полученія изъ Швеціи состоявшагося договора. Вотъ оно:

С.-Петербургъ, 6-го декабря 1791.

«Государь мой, братецъ! Согласно съ письмомъ, которое я отправила къ вашему величеству съ курьеромъ, доставившимъ

¹ Posselt, Geschichte Gustaf's III. Karlsruhe, 1792, стр. 492.

ратификаціи недавно заключеннаго между ними союзнаго трактата, должна я вамъ сообщить отвѣтъ, полученный мною отъ императора на новыя посланныя ему мною соображенія относительно французскихъ дѣлъ. Ваше величество найдете приложенный при семъ списокъ этого отвѣта, который только подтвердитъ вамъ уже извѣстныя вамъ отрицательныя намѣренія императора, безъ объясненія мотивовъ его. Эти послѣдніе изложены въ весьма длинной депешѣ, изъ которой я посылаю извлеченія графу Штакельбергу, съ повелѣніемъ сообщить его вашему величеству подъ печатью тайны. Вы изъ него усмотрите, что вѣнскій дворъ считаетъ переменною къ лучшему то, что въ сущности не что иное какъ осуществленіе того, что самъ онъ хотѣлъ отвратить, предложивъ, какъ и въ минувшемъ іюлѣ мѣсяцѣ, соглашеніе между державами. Дѣлаемое имъ предложеніе признавать это соглашеніе постоянно продолжающимся служить лишь новымъ доказательствомъ, какъ бесплодны были мѣры или лучше сказать послѣдствія, имъ вызванныя, и какъ мало пользы можно ожидать отъ этого соглашения въ будущемъ, такъ какъ при этомъ не представлено къ обсужденію никакого плана дѣйствій или определенныхъ для того средствъ. Какъ ни прискорбенъ образъ мыслей, недавно обнаруженный этимъ дворомъ въ отношеніи къ настоящимъ обстоятельствамъ, я не перестану стараться измѣнить его расположеніе, и я еще не теряю надежды, что мнѣ удастся разувѣрить его въ мысли, которую онъ приводитъ какъ причину своего бездѣйствія, — будто планы и распоряженія французскихъ принцевъ несогласны съ тѣми, которые приняты въ руководство и которымъ хотятъ слѣдовать въ тюильрійскомъ дворцѣ. Дѣйствительно, всѣ собранныя мною свѣдѣнія и данныя доказываютъ, что между французскимъ королемъ и королевою, съ одной стороны, и бѣжавшими въ Германію принцами, съ другой, господствуетъ полнѣйшее согласіе. Графъ Штакельбергъ сообщитъ вашему величеству также копію съ письма, доставленнаго мнѣ барономъ Бретелемъ, которому, какъ полагаютъ, государь его преимущественно повѣряетъ свои тайны. Это письмо подтверждаетъ

мой замѣчанія, ибо хотя оно и не прямо высказываетъ то же самое, но таковъ все-таки смыслъ благодарности, которую баронъ Бретель изъявляетъ мнѣ отъ имени короля за показанное мною участіе въ его дѣлѣ и въ дѣлѣ всей Франціи. Онъ раздѣляетъ признательность, какую мнѣ выразило французское дворянство, и какъ будто хочетъ своимъ письмомъ загладить отсутствіе своей подписи на присланномъ мнѣ письмѣ этого дворянства. Можетъ быть, когда я объясню всю правду императору, то мнѣ удастся поколебать его нынѣшнія намѣренія и расположить его въ пользу плановъ, которые занимаютъ ваше величество и меня. Сознаюсь между тѣмъ, что я болѣе желаю, нежели могла бы надѣяться достигнуть этого результата, если бъ предусматриваемыя во Франціи событія не представляли мнѣ цѣлаго ряда фактовъ, болѣе убѣдительныхъ, чѣмъ всѣ разсужденія, и вслѣдствіе которыхъ вѣнскій дворъ рано или поздно вынужденъ будетъ дѣйствовать. Можетъ-быть французская королева сама почувствуетъ необходимость прибѣгнуть къ помощи своего брата. Вашему величеству конечно лучше нежели мнѣ извѣстно, можно ли безъ большого труда склонить ее къ тому. Чѣмъ болѣе дѣло, за которое мы взялись, достойно нашихъ заботъ, тѣмъ болѣе мы обязаны ничего не упускать, чтобъ обезпечить успѣхъ его и упрочить за собою, любезный братецъ, въ глазахъ современниковъ и потомства ту заслугу, что мы не покинули столь прекраснаго предпріятія, а употребили всевозможныя усилія для побѣды надъ встрѣчающимися намъ затрудненіями.

«Съ чувствами искреннѣйшей дружбы и совершеннаго почтенія пребываю, государь мой братецъ, вашего величества добрая сестра, кузина, другъ, союзница и сосѣдка Екатерина».

При полученіи этого письма Густавъ III былъ занятъ приготовленіями къ созванію новаго сейма, необходимаго для принятія мѣръ къ покрытію значительнаго долга и поправленія финансовъ Швеціи. Собрать чины въ Стокгольмѣ, гдѣ начала французской революціи нашли не мало приверженцевъ, казалось опаснымъ, и мѣстомъ сейма на этотъ разъ избранъ былъ лежащій довольно близко отъ столицы, при ботническомъ заливѣ, городокъ

Гевле (Gefle). На пути изъ Стокгольма разставлены были воинскіе отряды для охраненія общественнаго спокойствія; тѣмъ не менѣе, король особенно налегалъ на то довѣріе къ своимъ подданнымъ, съ какимъ онъ смѣло собираетъ ихъ въ такое время, когда всѣ правители болѣе или менѣе избѣгаютъ столпленія массъ.

Тайнымъ намѣреніемъ его было сперва воспользоваться этимъ сеймомъ, чтобы лишить дворянство послѣдняго участія въ дѣлахъ и захватить всю правительственную власть въ свои руки; но вскорѣ, убѣдившись какъ сильно волненіе умовъ и какъ трудно будетъ провести эти замыслы, онъ послушался предостереженій одного изъ своихъ министровъ и затѣмъ распустилъ сеймъ. Этимъ партія недовольныхъ однакожъ не успокоилась: заговорщики рѣшились дѣйствовать; 15-го марта король, вопреки полученному предостереженію, отправился на маскарадъ въ оперный театръ, и былъ смертельно раненъ позорнымъ выстрѣломъ Анкарстрема, а 29-го того же мѣсяца не стало Густава. Негодованіе противъ убійцы было общее; ничто не могло такъ возстановить короля въ мнѣніи націи, какъ это злодѣяніе; всѣ почувствовали искреннее сожалѣніе, во всѣхъ пробудилось сознаніе добрыхъ сторонъ короля и уваженіе къ его памяти... Для Екатерины II кончина его не могла не быть чувствительнымъ ударомъ, отдаляя осуществленіе сильно занимавшихъ ее плановъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ эта смерть должна была произвести на нее умиленное впечатлѣніе, окончательно примирить ее съ бывшимъ ея противникомъ, съ человекомъ, который во всю свою жизнь былъ судимъ ею строго, къ которому она постоянно питала то открытую вражду, то тайное недовѣріе, не смотря на видимую дружбу...

Нельзя не пожалѣть, что Храповицкій былъ боленъ въ то время, когда пришло извѣстіе о кончинѣ Густава, и не могъ отмѣтить въ своемъ Дневникѣ, какъ оно было принято Екатериною. Замѣчательно, какъ въ концѣ 18-го столѣтія главные дѣятели его одинъ за другимъ сходятъ со сцены: въ 1786 году умеръ Фридрихъ II, въ 1790 Іосифъ II, въ 1791 Потемкинъ, въ 1792 Густавъ III, въ 1793 Людвигъ XVI. Екатерина II могла сказать:

«И мнится очередь за мною»...

Дѣйствительно, не прошло четырехъ лѣтъ, и ея также не стало; вслѣдъ за этими властителями, въ грозныхъ тучахъ, посреди потоковъ крови, заходилъ и самый вѣкъ, ознаменованный ихъ дѣлами. Мрачна была вечерняя заря наканунѣ новаго столѣтія. Заставивъ Екатерину и Густава забыть свою взаимную вражду, она однакожъ набросила густую тѣнь на послѣдніе годы ихъ жизни.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

„ГОРЕ-БОГАТЫРЬ“ ЕКАТЕРИНЫ II.

Извѣстно, что Екатерина II, оскорбленная внезапнымъ нападеніемъ и тщеславными замыслами своего сосѣда Густава III, вздумала, вскорѣ послѣ того какъ онъ открылъ военныя дѣйствія, употребить противъ него и оружіе насмѣшки: она захотѣла представить его въ карикатурѣ на сценѣ и написала оперу «Горе-богатырь». Въ статьѣ А. Г. Брикнера объ этомъ сочиненіи¹ очень хорошо сопоставлены нѣкоторыя черты пьесы съ хвастливыми выходками и неудачами шведскаго короля. Цѣль и значеніе этой оперы, ясно вытекающія изъ ея содержанія, подтверждаются и свидѣтельствомъ современниковъ. Сегюръ, бывшій въ ту самую эпоху французскимъ посланникомъ при дворѣ Екатерины, пользовался особеннымъ ея довѣріемъ. Видѣвъ представленіе «Горе-богатыря» на эрмитажномъ театрѣ, онъ въ запискахъ своихъ положительно называетъ Густава III какъ героя пьесы, и поэтому поводу замѣчаетъ: «Если шведскій король своими угрозами, своимъ хвастовствомъ и торжествами, обѣщанными прежде побѣды, нарушалъ приличіе, то и государыня не много ему уступала и не сохранила того уваженія, которымъ взаимно

¹ «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1870, декабрь.

обязаны коронованныя лица»¹. Другое свидѣтельство о томъ же мы находимъ у Державина. Въ своихъ примѣчаніяхъ къ одѣ «На счастье» онъ такъ объясняетъ стихъ «Безъ латъ я Горе-богатырь»: «Императрица въ оперѣ своей разумѣла шведскаго короля, который хотя внезапно возсталъ войною, но не имѣлъ успѣха. Князь Потемкинъ отсовѣтовалъ представлять на театрѣ сію оперу, сказавъ что, пошутя публично на счетъ своего брата, дать поводъ къ какимъ-нибудь оскорбительнымъ сочиненіямъ, и тогда непріятнѣе будетъ переносить оныя, и потому сія опера играна не была. Стихи въ ней сочинялъ А. В. Храповицкій, бывший при императрицѣ статсъ-секретаремъ».

Не смотря на такія несомнѣнныя свидѣтельства, П. А. Безсоновъ, въ 10-мъ выпускѣ «Пѣсенъ собранныхъ Кирѣевскимъ»², развиваетъ съ большою подробностью убѣжденіе, что эту оперу Екатерина написала вовсе не на Густава III, а на Потемкина, которымъ она будто была недовольна за медленность его дѣйствій подъ Очаковомъ, и что подъ «нѣкоторою крѣпостью» она разумѣла именно этотъ городъ, а никакъ не Фридригсгамъ или Нейшлотъ, подъ неудачами же на морѣ — неудачи на сухомъ пути.

Отдавая полную справедливость почтенному труду г. Безсонова, заслужившему премію на послѣднемъ уваровскомъ конкурсѣ, я долженъ сознаться, что никакъ не могу согласиться съ этимъ смѣлымъ предположеніемъ ученаго комментатора нашихъ историческихъ пѣсенъ, и нахожу нужнымъ разобрать главные доводы его.

1. Г. Безсоновъ допускаетъ, что пьеса «Кославъ», которую Екатерина II начала писать около 29-го іюля 1788 года, во время нашихъ неудачныхъ дѣйствій противъ шведовъ и изъ которой впослѣдствіи развилась опера «Горе-богатырь», — дѣйствительно была направлена противъ Густава III, но утверждаетъ,

¹ «Записки графа Сегюра», переводъ съ французскаго. Спб. 1865. Стр. 302.

² Этотъ выпускъ напечатанъ въ Москвѣ, въ 1874 году, съ присоединеніемъ особаго заглавія: «Нашъ вѣкъ въ русскихъ историческихъ пѣсняхъ». (См. тамъ стр. 240 и ссылку).

что когда война позднѣе приняла благоприятный для русскихъ оборотъ, то императрицѣ не зачѣмъ уже было осмѣивать короля, и она начала писать другую пьесу, именно «Горе-богатырь», съ новою цѣлью и на новое лицо, при чемъ однако жъ включила въ составъ новой пьесы прежнюю, предпринятую съ мыслію осмѣять Густава. Противъ этого можно сдѣлать два главныя возраженія, благодаря богатому источнику, какой мы имѣемъ въ дневникѣ Храповицкаго. Ни одна часть этого дневника не представляетъ такой полноты свѣдѣній, такихъ обильныхъ и интересныхъ замѣтокъ, какъ именно та, которая ведена въ продолженіе шведской войны. Императрица была въ сильной тревогѣ, въ постоянномъ волненіи, которое, какъ сама она сознавалась, безпрестанно возростало. Естественно, что въ такомъ расположеніи духа она была особенно сообщительна и откровенна съ Храповицкимъ, а онъ, понимая цѣну такой словоохотливости, спѣшилъ все слышанное отъ государыни записать въ свою тетрадь, такъ что за это время мы имѣемъ возможность самымъ подробнымъ образомъ прослѣдить исторію ощущеній и дѣйствій Екатерины. Изъ записокъ Храповицкаго мы узнаемъ, что уже при первоначальной работѣ государыни надъ «Кославомъ» Густавъ потерпѣлъ нѣсколько неудачъ¹: рѣзкаго перелома въ ходѣ военныхъ дѣйствій не было. Притомъ благоприятный для насъ оборотъ войны не могъ тотчасъ же примирить Екатерину съ Густавомъ, который все-таки оставался ея непріателемъ и могъ не сегодня-завтра изъ побѣжденнаго сдѣлаться побѣдителемъ. Ея выходки противъ него не прекращались. 11-го сентября она приказала «отыскать» Сказку о Фуфлыгѣ-богатырѣ, «чтобъ, прибавя къ ней l'histoire du temps, сдѣлать оперу». 21-го октября Храповицкій поднесъ ей сочиненія Тредьяковскаго и Ломоносова, какъ пособіе «для составленія оперы о Фуфлыгѣ», и въ тотъ же день записаны ея слова: «Со всѣми помирюсь, но никогда не

¹ См. «Дневникъ» Храповицкаго, изданный Н. Барсуковымъ. Спб. 1874. Замѣтки отъ 10, 13 и 14 іюля 1788 года.

прощу королямъ шведскому и прусскому». На Потемкина она въ эту пору не могла гнѣваться, потому что за недѣлю передъ тѣмъ было получено благоприятное извѣстіе, что «Очаковъ на ниткѣ виситъ». 27-го октября рукопись «Фуфлыги» была уже въ рукахъ императрицы; во время волосочесанія она ее читала и много смѣялась. 22-го ноября у Екатерины уже готово начало оперы «Фуфлыга», которое она и читаетъ Храповицкому, но не довольна названіемъ: «надобно другое имя». Придумать его поручено Мамонову, а стихи для арій будетъ сочинять Храповицкій. На другой день, 23-го, онъ записываетъ: «по вчерашнимъ словамъ для имени героя подаль нѣсколько анаграммъ изъ Гус. и арію, начинающуюся: *Геройствомъ надуваюсь*. Она похвалена, и я поцѣловалъ руку». Въ слѣдующіе дни императрицу очень занимаетъ приготовляемая ею сказка одного съ оперой содержанія, которая должна быть напечатана впереди драматическаго сочиненія. Наконецъ, 4-го декабря Храповицкій получилъ для переписки первый актъ оперы *Горе-богатыря Косометовича*. Изъ всего этого, кажется, уже довольно ясно, кто въ мысляхъ императрицы былъ «Горе-богатырь». Если, какъ думаетъ г. Безсоновъ, успѣхи русскаго оружія должны были примирить Екатерину съ Густавомъ, то не болѣе ли еще извѣстія, получаемыя съ это самое время отъ Потемкина, должны были обезоружить ее въ отношеніи къ любимцу? 28-го октября записано: «Сегодня только сданы графу Безбородкѣ рапорты кн. П. Т — го, снизу мною внесенные и при мнѣ вынуты своеручныя его письма»? 19-го ноября приготовленъ ему рескриптъ; 26-го выражена надежда, что онъ не захочетъ уронить своей чести. Въ тотъ же день, вечеромъ, Екатерина, получивъ отъ него рапорты, плакала. Можетъ-быть, ее огорчало замедленіе въ взятіи Очакова; но слѣзы и ѣдкая иронія — два проявленія духа, которыя одно съ другимъ не вяжутся.

2. Г. Безсоновъ опирается на слова Екатерины, переданныя Храповицкимъ (30-го января 1789 года) о томъ, что Кобенцель, вмѣстѣ съ Сегюромъ присутствовавшій наканунѣ при предста-

вленіи «Горе-богатыря», «заводитъ къ разнымъ уподобленіямъ». Въ этомъ выраженіи г. Безсоновъ видитъ намекъ на примѣненіе выходовъ пьесы къ Потемкину. Замѣтимъ однакожь: во 1-хъ, что такое заключеніе трудно вывести изъ замѣчанія Екатерины: смыслъ словъ «разныя уподобленія» чрезвычайно широкъ, и вовсе нѣтъ повода подразумѣвать въ нихъ намекъ на Потемкина; притомъ не вѣроятно, чтобы Кобенцель, зная благосклонность императрицы къ этому вельможѣ, сталъ сближать значеніе оперы съ его недостатками. Но если бъ даже германскій посолъ и позволилъ себѣ выразить такую смѣлую мысль, значило ли бы это, что осмѣяніе Потемкина было цѣлью автора пьесы? Наконецъ, всякое сомнѣніе на этотъ счетъ разсѣется, когда мы обратимъ вниманіе на отвѣтъ Сегюра, спрошеннаго Екатериной при этомъ же представленіи: «Qui se sent morveux, se mouche», сказалъ онъ, «et que c'est bien délicat de répondre par des plaisanteries à des manifestes et déclarations impertinentes» (то-есть: у кого носъ полонъ, тотъ сморкается. Какая деликатность — отвѣчать шутками на дерзкіе манифесты и деклараціи). Не совершенно ли ясно изъ этихъ словъ, что Сегюръ открыто примѣняетъ пьесу къ шведскому королю, и государыня не возражаетъ на это.

3. Шведскій посолъ Стедингъ, послѣ заключенія мира, выражалъ желаніе ознакомиться съ *комедіей* на Густава; а такъ какъ «Горе-богатырь» — *опера*, то, значитъ, по мнѣнію г. Безсонова, что этотъ дипломатъ разумѣлъ какую-то другую пьесу. Но извѣстно, что названіе *комедія* часто употребляется въ самомъ обширномъ смыслѣ театральнаго сочиненія вообще, а притомъ Стедингъ могъ и просто не знать, къ какому именно виду драматической литературы принадлежало надѣлавшее столько шуму произведеніе Екатерины II.

По самому смыслу какъ цѣлаго, такъ и частей и каждой черты своей, оно не могло относиться ни къ кому иному, кромѣ Густава. Что въ карикатурѣ Горе-богатыря, отъ начала до конца пьесы, рисуется одно и то же лицо, это еще болѣе бросается въ глаза, когда обратимъ вниманіе на то, что императрица писала

о немъ Потемкину вскорѣ послѣ начала войны съ Швеціей. Вотъ отрывокъ изъ письма ея отъ 3-го іюля 1788 года:

«Король шведскій себѣ сковалъ латы, кирассу, броссары (наручи), и квиссары (набедренники) и шипакъ съ преужасными перьями. Выѣхавши изъ Штокгольма говорилъ дамамъ, что онъ надѣется имъ дать завтракъ въ Петербургѣ (читай: въ Петергофѣ), а сядясь на галеры, сказалъ: *qu'il s'embarque dans un ras scabreux* (что дѣлаетъ опасный шагъ). Своимъ войскамъ въ Финляндіи и шведамъ велѣлъ сказать, что онъ намѣренъ превосходить дѣлами и помрачить Густава Адольфа и окончить предпріятіе Карла XII (послѣднее сбыться можетъ, понеже сей началъ разореніе Швеціи); также увѣрялъ онъ шведовъ, что меня принудитъ сложить корону. Сего вѣроломнаго государя поступки похожи на сумасшествіе. Съ симъ курьеромъ получишь манифестъ мой — объявленіе войны; оскорбленія наши многочисленны; мы отъ роду не слыхали жалобы отъ него, а теперь невѣдомо за что разозлился: теперь Богъ будетъ между нами судьей. Буде намъ Богъ поможетъ, то его намѣреніе есть уѣхать въ Римъ, принять римскій законъ и жить, какъ жила королева Христина»¹.

Начерченный здѣсь рукою раздраженной Императрицы образъ короля Густава III не перестаетъ во все продолженіе оперы являться подъ перомъ ея.

Въ «Дневникѣ» Храповицкаго замѣтки о неожиданныхъ вооруженіяхъ Густава начинаются уже съ 4 мая 1788 года, а желчныя противъ него выходки Екатерины — съ 28 того же мѣсяца. Почти дня не проходитъ безъ разговоровъ о немъ. Въ нихъ видно величайшее раздраженіе: государыня выставляетъ его смѣшнымъ, называетъ сумасшедшимъ (*fou*), говоритъ о его «дурачествахъ» и безстыдствѣ, выражаетъ желаніе «дабы на всякомъ пунктѣ онъ разбилъ себѣ лобъ», сравниваетъ его то съ Пугачевымъ, то съ героемъ Ламаншскимъ, словомъ, всѣ мысли и

¹ Напечатано въ брошюрѣ покойнаго Лебедева: «Графы Н. и П. Панины», 1863, стр. 307.

вся дѣятельность Екатерины занята новымъ врагомъ ея, направлены къ нанесенію ему вреда всѣми возможными средствами. Въ то же время, съ театра турецкой войны получаютъ извѣстія объ успѣхахъ, хотя и не блестящихъ, но все-таки успокоительныхъ, о сраженіяхъ, выигранныхъ на Лиманѣ, о вылазкахъ, объ отраженіи непріятеля отъ Кинбурна, о ходѣ осады Хотина, окончившейся взятіемъ его. О Потемкинѣ императрица отзывается то съ благоволеніемъ, то по крайней мѣрѣ безъ негодованія¹. При томъ во все это время она не перестаетъ вести съ нимъ по прежнему дружескую, откровенную переписку и ни однимъ словомъ не выражаетъ ему и тѣни неудовольствія.

Послѣ всего этого, есть ли малѣйшее вѣроятіе, чтобы Екатерина обратила противъ своего любимца ѣдкія насмѣшки, внушенныя ей поступками Густава, и примѣнила къ Потемкину продолженіе пьесы, о которой Храповицкій въ первый разъ такъ выразился 29-го іюля, то-есть недѣли черезъ 3—4 послѣ письма, откуда мы привели отрывокъ): «Читали начало комической оперы *Кославъ*. Тутъ представляется приготовленіе на войну короля шведскаго. Не знаю какъ кончу; вчера только начала, чтобъ разбить мысли».

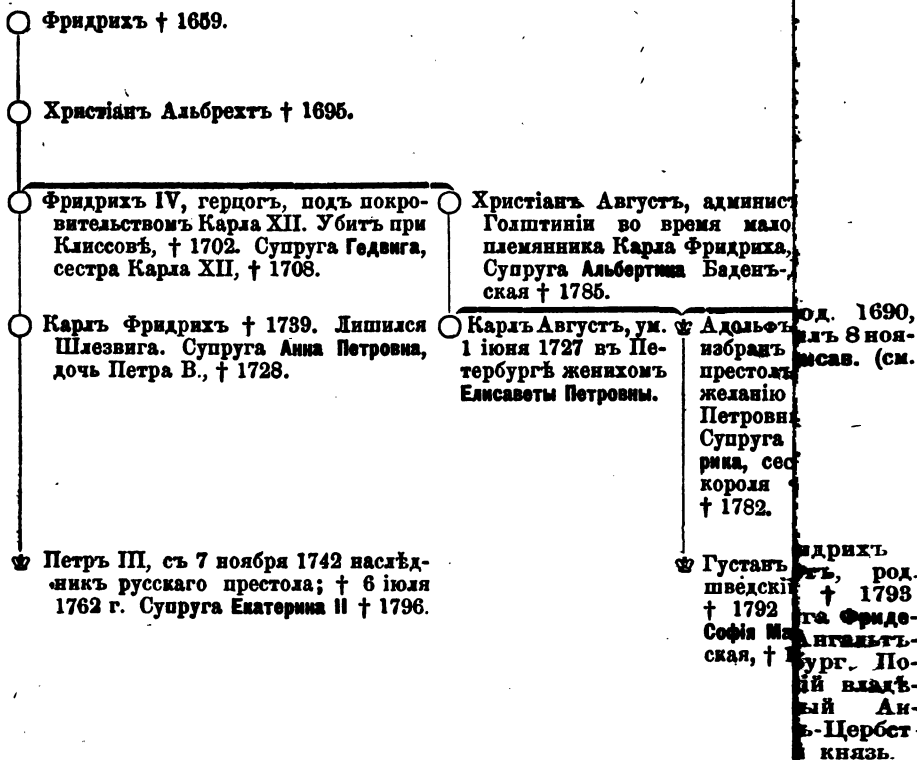
Очевидно, что «Горе-богатырь», по духу и содержанію, былъ въ тѣсной и неразрывной связи съ «Кославомъ»; измѣнено было только заглавіе комической оперы, получившей новое развитіе послѣ того какъ императрица провѣдала о «Фуфлыгѣ-богатырѣ» и ознакомилась съ этою сказкой.

Но главный доводъ, которымъ опрокидывается догадка г. Безсонова — нравственнаго или психологическаго свойства. Какъ допустить мысль, чтобы Екатерина, поручивъ Потемкину веденіе военныхъ дѣйствій противъ турокъ, позволила себѣ, въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ, осмѣивать его на эрмитажномъ театрѣ, въ присутствіи представителей иностранныхъ дворовъ? Для кого и для чего она стала бы это дѣлать? Она могла доставить

¹ См. «Дневникъ» Храповицкаго, 1788 года іюня 23 и 26, іюля 11 и 13 (награда Потемкину, 4-я побѣда на Лиманѣ), 17 и 26; августа 31 (реляція о вылазкѣ); сентября 5 (занятіе Яссы) и проч.

себѣ удовольствіе потѣшиться, въ обществѣ довѣренныхъ лицъ, надъ государственнымъ и личнымъ врагомъ, но почти публично издѣваться надъ главнымъ сотрудникомъ своимъ, которому ею же самою поручена судьба войны, — это было бы, прежде всего, въ высшей степени несогласно съ тою мудростью, которая отличала всѣ поступки Екатерины. Если бъ она была серіозно недовольна распоряженіями Потемкина, какъ полководца, то конечно выразила бы это не бесплоднымъ пасквилемъ въ его отсутствіи, а отозваніемъ его съ театра войны и порученіемъ дѣла другому.

ГОЛШТИНСКИЙ ДОМЪ.

III.

Journal du voyage du Roi à St.-Pétersbourg en 1777 ¹.

Ayant trouvé les circonstances favorables d'exécuter le dessein que j'avois il y a si longtems de m'aboucher avec l'Impératrice pour écarter d'elle toutes les mauvaises impressions défavorables que les ennemis de mon état ont tâché de lui donner contre moi et pour effacer entièrement de son esprit l'aigreur que la journée mémorable du 19 août 1772 lui avait inspirée, je pris à Ulriksdal le 10 d'août le parti de faire cette année même² le voyage de Pétersbourg. Il était essentiel de cacher ce dessein et d'en dérober l'exécution j'usqu'au moment où les choses parleraient d'elles-mêmes; c'est pourquoi je convins avec le général Troll, qui devait partir pour la Finlande: 1-o, de faire équiper à Sveaborg un turoma sous prétexte d'exercer les officiers; 2-do, de proposer par un mémoire (que je ferais remettre au Conseil) d'envoyer une galère en Finlande pour faire manoeuvrer la partie des officiers de la flotte de l'armée qui ne s'étoit point exercée sur un pareil vaisseau, tandis que les officiers de l'amirauté qui venoient

¹ Чтобы дать читателю понятие о правописании Густава III, выписываю со всею точностью нѣсколько строкъ второй страницы подлинной рукописи этого дорожнаго журнала: «Mon dessin ettoit de me servir du Tourromma (vaisseaux plus commodde et agreable qu'une Galleire) j'usqu'a Sveaborg ou je monterois sur La Galleire qui devoitt me porter jusqu'a Pétersbourg».

² Т. е. въ 1777 году, когда это писано.

d'être incorporés à la flotte de l'armée, manoeuvreroient sur le turoma qui viendrait à Stockholm; 3-o, de se rendre lui-même, à bord du turoma, à Stockholm assez à tems pour que j'en puisse partir entre le 8 et le 10 juin.

Mon dessein étoit de me servir du turoma (vaisseau plus commode et agréable qu'une galère) jusqu'à Sveaborg où je monteroie sur la galère qui devoit me porter jusqu'à Pétersbourg. Je fis en même tems écrire au comte de Creutz, mon ambassadeur à Paris, pour lui ordonner d'acheter des diamans, des boîtes et des portraits enrichis de pierreries pour les présens nécessaires à un pareil voyage, et je fixai une somme de 20 m. écus de banque pour cet usage. Je fis écrire en même tems au baron de Nolken, mon envoyé extraordinaire à Pétersbourg, d'annoncer mon arrivée à l'Impératrice, de lui en demander le secret et de savoir si le tems que j'avois choisi pour venir la voir lui seroit agréable. Il devoit ensuite régler avec le c. Panine tout ce qui regardoit le salut que la citadelle de Kronsloft, devant laquelle ma galère devoit passer, devoit lui donner. Comme cet article est très délicat, nos plénipotentiaires n'ayant jamais, pendant deux congrès, pu parvenir à le régler, pour éviter toutes les dissensions qui auroient pu amener des explications désagréables de part et d'autre et si éloignées du but d'un voyage entrepris pour cimenter la paix et l'union, je fis proposer que comme je comptois garder un incognito parfait à l'instar de celui de l'Empereur et que le pavillon de la galère ne seroit que celui de l'officier qui la commanderoit, je souhaitois qu'on ne tirât aucun coup de canon ni de la galère, ni du château. Le même jour je fis écrire à mon ambassadeur à Paris pour lui ordonner de faire part au ministère¹, sous le sceau du secret, de mon voyage. Toutes ces choses étant faites, je m'occupai des arrangemens nécessaires pour mon départ, que je dérobaux yeux de la cour et du public par les préparatifs du tournoi qu'on devoit tenir à

¹ Неразобранное слово.

la fin du mois de Mai à Stockholm. Cependant la galère le Séraphim s'armoit dans l'arsenal de la marine à Stockholm et on achevoit de la dorer et de la repeindre à neuf, tandis que le turoma s'appareilloit dans le port de Sveaborg, sans que personne ne se doutât ni fit attention. Le secret dura ainsi jusqu'au 15 de Mai, quatre jours avant le départ de la galère, qui partit le 19. La poste de Finlande apporta des lettres de Pétersbourg où on parloit de mon voyage, et les esprits étant réveillés par ce bruit donnèrent plus d'attention à la beauté du bâtiment et à la magnificence qui ne paroissoit point cadrer avec sa destination. L'arrivée de M. de Troll avec le turoma le 27 de Mai au soir confirma le public et les assura de la vérité de leurs soupçons, et le secret n'eut plus besoin d'être gardé. Lorsque la réponse de Russie arriva le 27 Mai au matin, les diamans commandés de France étant arrivés la veille, tout étant prêt, je me rendis le 30 Mai au sénat pour lui faire part de mon voyage et lui dire que je laissois mon frère à Stockholm pour y commander pendant mon absence. Le soir même tout Stockholm sut mon départ, que je fixai entre le 7 et le 9. Je nommai pour m'accompagner à Pétersbourg:

Les Sénateurs:

Comte Ulric Scheffer.

Comte Maurice Posse.

Mes deux chambellans.

Le comte de Stenbock.

Le comte Nils Posse.

Mon 1-^r page de la chambre.

Gentilhomme ordinaire de la cour, M. de Cederfelt.

Mes deux pages de ma chambre et de l'Ecurie.

Comte Clas de Löwenhaupt et baron Nils de Koskul.

Mon premier médecin le sieur Dahlberg.

Mon 1-^r valet de chambre le sieur Helman.

Mes deux garçons de la chambre Purspillon et Griberg.

Сборн. II Отд. II. А. Н.

6

2 coureurs.

2 valets de pied.

Le comte d'Hamilton, lieutenant de mes gardes du corps de quartier, avec quatre gardes du corps, devoit m'accompagner jusque sur la frontière de Suède, où je prendrois l'incognito. Les quatres gardes étoient:

M. le baron d'Uggla,

M. d'Uggla,

M. de Hierta et

Le sieur Peyron.

Samedi, 7 Juin.

Je me suis embarqué à 5 heures du soir devant le château de Stockholm; je descendis accompagné de mon frère, des sénateurs comtes d'Höpken, Fersen, Horn, Schwerin, baron de Sparre, comte d'Hessenstein, de mes chambellans, baron d'Ernsvärd, baron Bengt Sparre, du lieutenant-général comte Casimir Lewenhaupt, capit: des gardes du corps, du b. Charles Ernsvärd, commandant les chevaux légers de la garde, du chancelier de la cour b. Fr. Sparre, de mes deux écuyers ordinaires Monsieur de Munk et baron d'Essen, du général Stakelberg, du comte Gyllenstolpe, du baron Fr. Hamilton, du baron Sébastian Löwenhaupt, capit: des gardes, qui avoit la garde ce jour-là, du jeune comte Axel Fersen, qui avoit la garde pour les chevaux légers de la Garde, de mon 1-r page de la chambre Wricht, de plusieurs de mes pages et autres officiers de ma maison. Mon frère étoit accompagné du général Mörner, son 1-r écuyer, du comte Adam Löwenhaupt, du baron Wachtmeister et du baron de Rammel. Tout le pont étoit bordé d'une foule de noblesse et d'un peuple immense. Après avoir attendu un moment dans la chaloupe, ma belle-soeur arriva accompagnée de ses deux filles d'honneur, mesdemoiselles de Strockirch et Koskul, de M. de Torvigg, son

1-^r écuyer, des comtesses Löwenhaupt et Clas Horn, et suivie des comtesses Axel Fersen, Meyerfelt, Ribbing, Lantingshausen et le Cte Scheffer. La reine vint un moment après, accompagnée de la comtesse de Fersen, sa gouvernante, et de la comtesse de Cederhielm, des baronnes de Wrangel, Örnskiöld, ses dames du palais, du sénateur de Bielke, son grand maître, du comte Charles Piper, son grand chambellan, et de M. M. Stedingk, ses chambellans baron Bror Cederström, baron Anton de Geer et du baron Rålamb, son écuyer de la cour.

Tout le monde étant embarqué, nous partîmes dans plusieurs chaloupes et abordâmes un moment après le turoma Biörn Jernsida, qui devoit me conduire en Finlande. Le général-major commandeur de l'ordre du cap. de Troll me reçut en pied de l'escalier; il commandoit le vaisseau pour mon passage. M. d'Ankarsvärd, lieut. colonel, les majors de Stedingk et baron de Rehbindér étoient les officiers de l'état-major qui avoient sous lui le commandement. Le turoma étoit escorté de deux barcasses armées, qui portoient les provisions, et d'un yacht. On mena la reine, la duchesse et les dames dans la chambre de poupe, et pendant qu'on servoit aux dames une collation, nous levâmes l'ancre et partîmes au bruit des canons et aux cris de tout le peuple qui bordoit le port. La reine, mon frère, ma belle-soeur et leur suite me quittèrent à Blockhusudd, où ils se mirent dans les mêmes chaloupes qui nous avoient conduits au vaisseau; on salua la reine de tous les canons. A 8 heures $\frac{3}{4}$ nous étions déjà à Vaxholmen et nous avions, avant le souper, passé Furusund.

Dimanche, 8 Juin.

A mon réveil à 9 heures on m'apprend que j'ai passé la mer d'Åland, et à 2 heures après-midi nous jetons l'ancre de l'autre côté de Korpoström à Wilhelmsund. Le vent est devenu contraire pendant le trajet de cette nuit. Le vent a été si gros qu'un bâti-

ment de Finlande (en finnskute) a perdu son mât à côté de mon vaisseau. J'ai écrit à mon frère un billet qu'un bateau de Finlande est allé porter à Åbo pour aller par la poste à Stockholm, et j'ai écrit un mot à Munk, dont la séparation m'a beaucoup coûté. Nous avons laissé derrière nous les barcasses et même le bâtiment finnois où on avoit embarqué les voitures pour Pétersbourg; mais pendant le vent contraire ils nous ont rejoints, ainsi que le yacht qui étoit resté deux heures après nous à Stockholm pour prendre les livrées qui ne furent achevées qu'un moment après notre départ. Le vent étant devenu favorable, nous avons levé l'ancre à 10 heures et trois quarts ce soir, et nous sommes en pleine navigation; à l'heure de mon coucher à minuit et demi le vent est bon, mais petit. J'ai tenu cabinet et j'ai donné les charges que mon départ avoit fait différer.

Lundi, 9 Juin.

En me réveillant ce matin à neuf heures on m'annonce que nous avons fait 10 lieues. Le vent est très petit. Nous découvrons à 11 heures et demie le feu d'Hangöudd. Les barcasses, ainsi que le yacht, nous suivent, et le bâtiment qui porte nos voitures nous précède d'une demi-lieue. A midi et demi nous doublons le cap d'Hangö-udd et nous découvrons la côte de la Finlande. Le vent est devenu fort bon. A 6 heures nous passons par Bare-sund. Le vent ayant continué d'être bon, nous serions arrivés avant minuit à Sveaborg, si un brouillard épais ne s'étoit élevé; il nous força à jeter l'ancre à 10 heures et demie à Porkala; mais comme le vent continue à être favorable, dès qu'il fera jour, on levra l'ancre et nous pourrons être pourtant avant 6 heures demain matin à Sveaborg. Pendant le trajet d'aujourd'hui j'ai tenu conseil avec les deux sénateurs qui m'accompagnent, et j'ai terminé plusieurs affaires courantes qui n'avoient pu, avant mon départ de Stockhohm, être terminées plus tôt, ainsi que les protocoles d'aujourd'hui en font foi.

Mardi, 10 Juin.

A une heure et demie du matin nous levâmes l'ancre, et on vint à 5 heures m'éveiller pour m'apprendre que nous décrivions Sveaborg; on ne nous attendoit pas sitôt, et nous n'étions encore qu'à un quart de lieue, quand on avertit le commandant, le comte de Sparre, de ce que la sentinelle de Gustafsvård voyoit approcher un vaisseau qui portoit un pavillon particulier. Le comte de Sparre, sur cet avis, monta sur la plate-forme de la maison, et aperçut avec un grand étonnement mon vaisseau, qui n'étoit qu'à une portée de canon et qu'il reconnut d'abord au pavillon royal qui flottait au haut du grand mât. Il fit dans l'instant arborer le pavillon sur le grand bastion de Gustafsvård et battre la caisse, mais nous entrions déjà dans le port, où il vint dans sa chaloupe me recevoir; nous jetâmes l'ancre à 6 heures et demie, n'ayant mis que soixante heures entre Stockholm et Sveaborg, en comptant même tout le tems que nous avons été à l'ancre les deux dernières journées. Un moment après mon arrivée je passai sur la galère Le Séraphim, de 22 paires de rames, où je fis tout préparer pour mon embarquement, qui doit se faire à 5 heures ce soir, et je revins dîner à bord du turoma, d'où je dépêchai un de mes gardes du corps (le jeune Peyron) à Pétersbourg pour donner avis au baron de Nolken de ma prochaine arrivée, ayant appris, en arrivant, que le courrier du cabinet, Leckberg, qui portoit une lettre pour l'Impératrice et qui étoit parti de Stockholm le dimanche 1 Juin, n'avoit passé par Helsingfors que samedi dernier. Peyron portoit ordre au baron de Nolken de venir, le plus loin qu'il lui fût possible en mer, à ma rencontre pour me donner le tems de prendre de lui les éclaircissemens nécessaires sur les dispositions de la cour de Pétersbourg. Le général baron de Stackelberg, qui commande en Finlande, et le général-major comte Jean de Sparre, commandant de Sveaborg, vinrent à bord dîner avec moi; après le dîner je me mis avec eux dans une chaloupe,

accompagné du sénateur comte de Posse, du comte de Stenbock, de mon lieutenant des gardes du corps le comte d'Hamilton, de Cederfelt, du jeune baron Koskul et de deux gardes du corps, pour aller voir le camp Nylandois, infanterie, qui campoit à Helsingmalm à une lieue de Helsingfors. Nous débarquâmes auprès du moulin de Gamla Staden, et je fis le reste du chemin à pied, qui étoit d'un quart de lieue et demie de Suède. Le vieux M. de Stackelberg resta à m'attendre dans la chaloupe, son âge et sa taille énorme ne lui permettant pas de me suivre, ni à pied ni en voiture. Le comte de Posse prit une petite chaise qu'il trouva en tournant derrière une maisonnette, et nous autres fîmes le chemin à pied, comme des pèlerins; nous arrivâmes par le grand chemin qui va d'Helsingfors à Borgo, sur l'aile gauche du camp. Personne ne m'attendoit, et le colonel Armfelt (qui dans sa place de lieutenant-colonel commandoit le régiment en l'absence du général Troll) venoit dans le moment même d'apprendre mon arrivée en Finlande, fut si étonné de me voir dans sa tente qu'il me regarda longtems sans pouvoir proférer un mot, ce qui m'amusa beaucoup. Après en avoir ri avec lui, je lui ordonnai de faire prendre les armes au régiment et le faire manoeuvrer pour moi, sans qu'ils se donnassent la peine de se mettre en gala, ce qui n'eût fait que faire perdre le tems. Le régiment prit les armes, et je fus plus content des soldats que des officiers; les hommes sont beaux et grands, ont un air militaire et robuste qui est particulier aux troupes suédoises. Après la manoeuvre je me mis à cheval sur un petit bidet qu'on m'amena, et m'étant remis dans la chaloupe au même endroit où je l'avois quittée, je retournai dans l'intention de faire une visite au comte de Sparre à Sveaborg, si ma galère n'étoit pas prête; mais en passant devant la galère le général Troll me cria par le porte-voix que tout étoit prêt pour le départ, ce qui m'engagea de monter sur la galère, et après avoir pris congé du général Stackelberg et du comte Sparre, nous levâmes l'ancre dans un calme parfait à 6 heures et trois quarts du soir. En arrivant dans la galère,

le comte de Scheffer me montra une lettre du b. de Nolken, qu'il avoit reçue par un exprès, datée de Pétersbourg du trois de Juin, par laquelle ils nous apprend que l'Imp: a ordonné à son aide-de-camp général le comte de Bruce d'aller au-devant de moi avec trois yachts de l'Impér. jusqu'à un passage difficile nommé Biörkön et qu'elle souhaitoit de savoir si je voulois débarquer à Péterhof ou à Pétersbourg.

Mercredi, 11 Juin.

Le vent étant devenu totalement contraire, il fallut jeter l'ancre à 5 heures du matin; nous n'avons fait que deux lieues depuis les 6 heures et demie hier au soir. Le vent continua à être contraire toute cette journée, et le tems fut très gros; il fallut rester tranquille. J'employai ce tems à écrire au baron de Nolken. Il m'avait paru, par sa lettre au comte de Scheffer, qu'il n'avait pas bien saisi le sens de l'incognito que je voulois garder; je tâchai dans la dépêche de ce jour de lui détailler plus clairement mes intentions, et combien il étoit nécessaire de ne rien permettre qui pût contraster avec le nom que j'avois pris et la conduite que je comptois tenir. Je lui détaillai la manière que l'empereur avoit été en France et comme on avoit respecté son incognito, et que c'étoit à son instar que je souhaitois de régler ma manière d'être; nous envoyâmes cette lettre et une dépêche du comte de Scheffer qui l'accompagnait, par un yacht à Sveaborg pour être portées par une extra-poste à Pétersbourg.

Jeudi, 12 Juin.

Une brouillard épais nous empêche encore aujourd'hui de continuer notre route, quoique le vent est devenu favorable. Le brouillard s'étant dissipé un peu, nous avons levé l'ancre à une heure et un quart, et nous allons à la voile, mais à 4 heures et demie

il l'a fallu faire tomber de nouveau. Une demi-heure après on l'a levé, et quoique le brouillard continue, on a mis à la voile.

M. de Bruce, gouverneur de Tavasthus et le lieutenant-colonel Piper se sont rendus à bord ce matin; ils sont venus de Sveaborg sur un yacht, sur la représentation du gouverneur; je lui ai donné un ordre pour le comte de Sparre de suspendre la revue de commissaire du régiment de Nyland, infanterie, jusqu'à l'année prochaine. Malgré le brouillard nous continuons notre route et nous passons Pellingén entre onze heures et minuit.

Vendredi, 13 Juin.

Entre six et sept heures ce matin nous avons passé la frontière, et dans ce moment même j'ai fait ôter le pavillon royal qui flotloit sur le grand mât, et on va substituer un simple pavillon d'officier. J'ai pris en même tems l'incognito sous le nom du comte de Gothland, sous lequel j'ai déjà voyagé en 1771; j'ai quitté aussi tous mes ordres et je n'en porte plus. A 2 heures et demie nous découvrons Fredrikshamn, et après avoir tiré plusieurs coups de canon pour appeler les *lots* ou pilotes, on a envoyé la chaloupe à terre, et comme elle s'est longtems fait attendre, il a fallu jeter l'ancre à 4 heures et un quart. La chaloupe est revenue à 5 heures et trois quarts avec un pilote. On a levé l'ancre de nouveau avec un vent favorable. Un calme parfait nous ayant surpris vers les huit heures, il fallut quitter les voiles et aller à la rame; il fait le plus beau tems du monde, et nous avons enfin l'espérance d'arriver demain à Pétersbourg.

Samedi, 14 Juin.

Le beau tems et le calme a continué pendant la nuit, mais vers le matin un petit vent s'est élevé, qui malheureusement a été contraire: il a fallu à dix heures et demie ce matin jeter l'ancre à côté d'une petite île nommée Pirssön, où on a fait descendre

l'équipage pour le faire reposer et rafraichir. Nous avons dîné à terre, et je me suis promené dans l'île, ce qui étoit assez agréable; nous avons trouvé des paysans Livoniens qui y venoient pêcher le strömling. Leurs femmes étoient affreuses; ils payoient pour chaque bateau chargé à la ville de Fredrikshamn, à qui l'île appartient, un rouble, ce qui fait 140 deniers en notre monnaie. Je leur fis donner du brandevin et je donnai à leurs femmes trois petits écus ($\frac{1}{8}$ riksdaler) et un écu de banque de ma nouvelle monnaie, sur lequel est mon buste, pour le porter au collet comme un ornement. Il vint aussi des paysans Finnois russes, qui me donnèrent du poisson et que nous régâlâmes de brandevin et de deux écus de banque. Nous leur dîmes de boire à la santé de l'Imp., mais ils ne le voulurent jamais, et ils dirent qu'ils vouloient plutôt boire à la santé du Roi de Suède, à qui ils avoient appartenu autrefois. Le brandevin qu'on leur avoit donné les avoit tellement enchantés que ces pauvres gens dirent qu'il falloit que le Roi de Suède fût bien plus riche que leur Impératrice, puisqu'il avoit une si bonne eau-de-vie. Après avoir dîné, nous remontâmes sur la galère et levâmes l'ancre à 3 heures et demie. L'officier le capit. Fren, qu'on avoit envoyé hier à Fredrikshamn, nous apprit que l'Imp. avoit commandé 2500 cavaliers pour m'escorter depuis la frontière et que les troupes avoient reçu ordre de parader, les forteresses de tirer 280 coups de canon, que 300 chevaux avoient été commandés pour moi à chaque relai, mais que depuis 8 jours tous ces ordres avoient été contremandés, puisqu'on avoit appris que je comptois venir par mer. A 7 heures le vent s'étant élevé et devenant contraire, nous fûmes obligés de jeter l'ancre près de Pelis-pass; je me fis mettre à terre pour voir un village qu'on découvroit confusément de la galère. Ce village étoit bâti comme les nôtres en Finlande; aussi n'y avoit-il que des Finnois russes qui l'habitoient, mais nous y trouvâmes une vingtaine de paysans moscovites qui travailloient à une carrière de pierre à une demi-lieue de là et qui se baignoient dans un bain chaud de vapeur. Ils y étoient hommes et femmes pêle-

mêle, tout nus; je les vis par une petite ouverture à la muraille, qui servoit de fenêtre. A ce taudis il faisoit une chaleur affreuse et une vapeur terrible; ils se lavoient le corps en se jetant dans un grand baquet d'eau et en se frottant avec des bouquets de feuilles si violemment que leurs corps étoient tout cramoisis; ils sortirent de là tout nus et allèrent se jeter dans l'eau froide du lac où ils plongèrent et nagèrent; ensuite ils rentrèrent dans leur bain et recommencèrent plusieurs fois le même train; leurs femmes ne voulurent point cependant aller se baigner dans le lac par modestie pour les étrangers. J'entrai ensuite dans une des maisons du village qui étoit très propre, mais où il y avoit une puanteur très désagréable et qui est particulière aux Russes. Nous retournâmes ensuite pour souper et coucher sur la galère.

Dimanche, 15 Juin.

Le vent étant assez fort, mais contraire, je pris le parti de quitter la galère, qui pouvoit peut-être encore être obligée de rester dans le même endroit plusieurs jours, pour m'embarquer sur le yacht qui avoit servi d'avant-garde pendant tout le voyage — le bâtiment léger pouvant convoyer et aller même à la rame avec assez de facilité, et comme il ne nous restoit que onze lieues à faire pour arriver à Pétersbourg, je préfèrai le bâtiment qui avec certitude pouvoit me conduire au plus tard (le vent devenant même toujours contraire) demain au soir à Pétersbourg, à celui qui pourroit encore me retarder de deux à trois jours. J'ordonnai donc à M. de Troll de faire transporter les choses les plus nécessaires sur le yacht. Je m'y embarquai à neuf heures et demie avec le général Troll, le comte de Stenbock, M. de Cederfelt, mes deux pages, le comte de Löwenhaupt et le baron de Koskul, et je ne pris pour domestiques que deux garçons de la chambre, un valet de pied et un coureur. Le lieutenant colonel Ankarsvård, qui avoit déjà commandé le turoma de Stockholm à Sveaborg, conduisit ce yacht. Les deux sénateurs prirent un autre

yacht nommé Gå på, et nous laissâmes le gros du bagage sur la galère avec ordre de jeter l'ancre à Cronstadt et d'envoyer les affaires à terre par des chaloupes. Le vent fut très petit jusque vers les mêmes heures qu'il commença à s'élever, et devint vers les trois heures fort et très bon; nous allâmes ainsi jusque vers les 5 heures et demie, qu'il fallut jeter de nouveau l'ancre pour attendre un pilote (lots); on mit la chaloupe en mer, et je me mis dedans pour aller voir une petite église que nous vîmes au bord de l'eau et que nous prîmes pour une église grecque. M. de Troll, le comte de Stenbock, le comte de Löwenhaupt et M. de Cederfelt me suivirent; nous trouvâmes beaucoup de paysans finnois fort bien mis, que nous envoyâmes chercher un pilote. L'église étoit luthérienne et les deux prêtres parloient très bon Suédois: ils avoient deux soldats russes chez eux pour les défendre des voleurs qui avoient, il y avoit 10 ans, pillé et brûlé le village. Après avoir vu l'église, nous partîmes et allâmes faire une visite aux sénateurs sur leur yacht, et après être remontés sur le mien, le pilote étant arrivé, nous levâmes l'ancre par un vent très favorable à neuf heures et un quart du soir.

Lundi, 16.

A deux heures et demie du matin on vint m'éveiller pour m'apprendre qu'on découvroit Cronstadt et Oranienbaum. Le vaisseau de garde avoit donné un signal, il avoit levé l'ancre au moment qu'il nous avoit découverts. Une demi-heure après nous vîmes une petite chaloupe qui portoit un officier avec l'uniforme suédois; nous lui fîmes signe avec des mouchoirs de s'approcher de nous. Lorsqu'il fut à la portée de la voix, il demanda si le comte de Gothland étoit à bord du yacht ou de la galère. Je lui répondis moi-même qu'il étoit à bord du yacht; il monta d'abord et me présenta des dépêches du baron de Nolken, qui étoit déjà depuis le jeudi à m'attendre à Cronstadt. Un moment après il arriva dans une chaloupe de l'amiral Greigh; nous jetâmes

l'ancre devant Cronstadt à 5 heures et trois quarts du matin. Il me présenta une lettre de l'Impératrice en réponse à celle que je lui avois écrite du 1-r de ce mois, remplie des choses les plus honnêtes et les plus polies; il me dit qu'il avoit été le jeudi à Tsarsko-Sélo où il avoit vu l'Imp., et tout ce qu'il me dit m'a promis une réception agréable. Elle avoit compté venir à Péterhof pour m'y recevoir, mais des réparations faites au château n'ayant pas été achevées, elle étoit restée à Tsarsko-Sélo; d'ailleurs on ne m'avoit attendu que vers le 19 de ce mois, et la surprise avoit été fort agréable. Le b. de Nolken me dit que si je voulois éviter l'affluence du peuple qui à la vue de la galère s'assembleroit sur le port, il falloit débarquer à Oranienbaum où il avoit fait venir des voitures pour me transporter par terre à Pétersbourg. Je pris ce parti et ordonnai au général Troll de conduire son escadre à Pétersbourg; après m'être habillé, je me mis dans la chaloupe qui avoit amené le baron de Nolken avec le comte de Stenbock, M. de Cederfelt, le comte de Löwenhaupt, et nous allâmes descendre dans les jardins de Cronstadt par un beau canal qui va du pied du château jusque dans la mer. Le soleil se levait dans ce moment, et le beau temps, joint à la superbe vue de Cronstadt de la grande mer chargée d'une forêt de vaisseaux, l'entrée du port de Pétersbourg, la côte de la Finlande, de Strelna et de Péterhof formoient le plus beau coup d'oeil qu'on pouvoit voir. Je ne fis que traverser le château et la cour d'Oranienbaum pour me mettre dans les voitures qui m'attendoient dans la seconde cour. Je montai dans le carrosse de Nolken; le comte Stenbock, M. de Cederfelt et le jeune comte Löwenhaupt montèrent dans une autre voiture, et nous en laissâmes deux pour les sénateurs et le comte Nils Posse. Quoiqu'Oranienbaum est distant de Pétersbourg de 40 verstes, ce qui fait 4 lieues de Suède, nous fîmes ce chemin en trois heures et arrivâmes à neuf heures et trois quarts à Pétersbourg sans changer de chevaux, tant leurs isvochiques sont bons; ils ont un air particulier avec leur grande barbe et leurs habits à la Russe; mais ce sont

les meilleurs cochers qu'on peut avoir, et l'usage le plus commode, surtout pour les étrangers. Arrivé à dix heures moins un quart à Pétersbourg, je descendis à l'hôtel du b. de Nolken et je lui fis sur-le-champ écrire un billet au comte de Panine (qui logeoit dans la même rue que lui) pour lui demander une heure pour moi. Un petit quart d'heure après il reçut réponse du comte de Panine, qui venoit de se lever. Il fit dire au b. de Nolken qu'il étoit bienvenu et qu'il l'attendoit. Le c. Panine ne sachant pas mon arrivée ajouta qu'il lui feroit plaisir de lui faire savoir des nouvelles des voyageurs; je fis répondre pour le baron de Nolken, qui étoit monté pour voir sa femme, qu'il auroit l'honneur de les lui porter lui-même. Je dis à Nolken de me mener, et nous allâmes ensemble dans sa voiture chez le comte Panine. Nous traversâmes plusieurs pièces où il y avoit une quantité d'officiers de la maison qui me regardoient avec étonnement; j'avois mon habit bleu à la Charles XII et le mouchoir blanc autour du bras gauche sans aucune marque qui pût déceler ma dignité; j'avois dès la frontière quitté mes droits, et comme je marchois après le baron de Nolken, mais d'un air assez libre, il ne se doutèrent pas avec certitude qui j'étois. Nous entrâmes ainsi jusque dans un cabinet où le c. Panine s'habilloit; il venoit de mettre sa chemise qu'il étoit occupé à fourrer dans ses culottes. En apercevant Nolken, il lui dit: «Ah! mon cher baron, soyez le bienvenu! Eh bien, quelles nouvelles venez-vous m'apporter?» Dans ce moment il m'aperçut; je m'avançai, et je vis à ses regards son étonnement, qui augmenta lorsque Nolken pour toute réponse lui présenta M. le comte de Gothland. Je ne puis peindre son embarras et son étonnement: il vouloit ôter son bonnet de nuit qu'il avoit encore sur la tête, et il n'osoit lâcher ses culottes qu'il tenoit encore; au reste d'une main il me fit un compliment. Au milieu de tout cet embarras où je ne compris rien, et certainement il n'y comprenoit rien lui-même, et se tournant vers Nolken, il lui dit: «Mon cher baron, quel tour m'avez-vous joué?» Nolken lui dit: «Je m'attendois bien à la surprise de V. Ex., mais il y a des étran-

gers auxquels je n'ose rien refuser». Je pris la parole et lui dis que comme mon seul but dans le voyage que j'avois entrepris étoit de voir l'Imp., mon empressement étoit extrême de lui être présenté et que je n'avois pas voulu perdre un moment pour venir cher lui le prier de me procurer une prompte audience, m'indiquer le moment où je pourrois être présenté à l'Imp.; qu'ayant depuis 20 ans le plaisir de le connoître, j'avois cru pouvoir le traiter en ancienne connoissance et que, quoique j'étois bien changé depuis que je ne l'avois vu, j'avois eu tant de preuves de ses sentimens pour ma patrie que je n'avois cru mieux le reconnoître qu'en venant familièrement chez lui. Pendant tout ce discours il avoit eu le tems de remettre ses culottes et sa chemise; il s'étoit un peu remis aussi de sa surprise et me répondit par un compliment très respectueux et très poli, mais à sa manière, qui est un langage particulier, fort diffus, plein de mots de répétition et pourtant exempt de choses superflues; il ajouta beaucoup de protestations de la part de l'Imp. et finit par se confondre en excuses sur la manière qu'il me recevoit. Le b. de Nolken lui dit en riant que le comte de Falkenstein avoit été encore plus mal reçu par M. de Maurepas, car on l'avoit fait attendre dans l'antichambre. Je me mis à rire et lui dis qu'on n'avoit pas pu mieux venir que moi, que j'avois voulu le surprendre et que je croyois que je l'avois fait, mais j'ajoutai: «Il faut vous laisser achever votre toilette; je m'en vais examiner votre maison avec le b. de Nolken, et comme je suis grand amateur de meubles, je vous en donnerai mes avis». Je pris ce prétexte pour le mettre à son aise, et je sortis avec le baron de Nolken, et je parcourus effectivement la maison, qui est très belle et superbement meublée, mais singulièrement distribuée comme presque toutes les maisons de Pétersbourg. Il y a un meuble de velours cramoisi et fait à Moscou fort beau, mais triste; les bronzes et les tables et les cheminées sont d'un travail précieux et d'une recherche infinie; tout ces meubles sont arrivés de Paris l'année passée et du plus grand goût. Les poiles me plurent beaucoup; ils ne ressemblent pas à

de grandes armoires comme les nôtres, mais ils font le même service; ce sont des espèces d'autel à l'antique placé dans un coin de la chambre, sur lequel est une statue de l'Amour et au bas duquel est une petite porte pour y faire entrer le bois, qui, quand elle est fermée, représente une plaque de cuivre faite pour mettre une inscription. Le c. Panine arriva un moment après, tout habillé; il commença par me faire des excuses sur la manière qu'il m'avoit reçu et me mena dans son cabinet; je m'assis entre lui et le baron de Nolken¹...

¹ Здѣсь дневникъ внезапно прерывается. Въ подлинной рукописи къ описанію печи въ комнатѣ графа Панина приложенъ рисунокъ, сдѣланный рукою короля, съ его же подписью: «Plan de la cheminée du cabinet du c. Panine à Pétersbourg».

IV.

Изъ переписки Екатерины II съ Густавомъ III въ первое время послѣ его путешествія въ Петербургъ.

1. Изъ письма Екатерины II къ Густаву (безъ числа).
... Tout ce qui regarde V. M. m'intéressant infiniment, il m'est venu à l'esprit que Sa santé précieuse pourrait courir quelque risque en mer du temps froid et humide qu'il fait: pour y obvier autant qu'il dépend de moi, j'ai chargé mon aide-de-camp le colonel Zoritch de porter à V. M. une fourrure de renard noir, la meilleure que notre climat nous fournit. Il aura en même temps l'honneur de vous présenter les marques de l'ordre de l'Épée qu'il a plu à V. M. de me donner pour en décorer qui je voudrais. M. mon frère, je me fais une conscience d'en revêtir quelqu'un, ne connaissant point les instituts de cet ordre militaire: je La prie de vouloir bien en revêtir tel de mes sujets qu'Elle en jugera digne et d'être assuré que c'est avec la plus haute considération etc.

2. Madame ma Soeur et Cousine. Je pars pénétré de l'amitié et de la tendresse que V. M. m'a témoignées pendant tout mon séjour auprès d'Elle. Je compterai toujours pour les plus heureux momens de ma vie ces jours qui se sont si vite écoulés et que j'ai passés auprès d'Elle, et je compterai pour les plus beaux momens de ma vie ceux où je pourrai, Madame, vous donner des preuves des sentimens par lesquels je vous suis attaché. Votre aide-de-camp le colonel Zoritch m'a remis de votre part les

marques de mon ordre de l'Epée que j'avois mises en vos mains. Puisque V. M. elle-même n'a pas voulu en disposer, je crus ne pouvoir mieux en disposer qu'en le donnant à un homme qui dans la carrière militaire a déjà donné pour votre service des preuves du courage et de la valeur qui donnent des titres à mériter cet ordre, et à une personne qu'il m'a paru que vous honoriez de votre estime et de vos bontés. Je ne doute pas qu'il honore autant cet ordre un jour par les grandes actions qu'il fera à la tête de vos armées qu'il m'a paru flatté de le recevoir. A mon retour à Helsingfors j'aurai l'honneur de vous envoyer la grande croix de l'ordre; j'ose vous prier de vouloir la lui donner comme chevalier des Séraphins: en la recevant de vos mains, vous lui donnerez un nouveau prix aux yeux d'un sujet qui vous paraît bien attaché. Si à cette grâce V. M. voudrait l'élever au grade d'officier général, vous le mettez d'égal avec les grandes croix de l'ordre dont il va devenir un frère. C'est l'amitié et la confiance que vous m'avez inspirées qui me fait hasarder aussi librement cette demande. V. M. sait l'art d'ajouter un nouveau prix à ce qu'Elle donne, et la pelisse superbe qu'Elle m'a envoyée sera pour moi un talisman qui me préservera de tous les maux possibles. C'est avec les sentimens de la plus tendre amitié et de la considération la plus haute que je suis,

Madame ma Soeur et Cousine,
de V. M. I.

le bon frère, cousin et voisin

Gustave.

Oranienbaum
le 4e/₁₂ juillet 1777
à minuit.

3. Изъ письма Густава къ Екатерины II, помѣченнаго: Свеаборгъ, 21e/₁₀ іюля 1777.

Послѣ похвалъ и разсужденій о величїи дѣлъ ея царствованія, онъ продолжаетъ:

...Vous devez sentir combien il a dû en coûter à mon coeur de me séparer de vous et combien il m'en coûte enco-

Сборникъ II Отд. II. А. Н.

7

re lorsque je pense que peut-être c'est une séparation éternelle et que j'ai quitté pour toujours celle qui était la plus faite pour le bonheur de mon coeur. Pardonnez-moi, Madame, un mot qui peut paraître aussi avantageux en faveur du sentiment qui le dicte et que je ne peux vous exprimer plus énergiquement. Vous me permettrez pourtant de me flatter de vous revoir un jour à Fredrikshamn; c'est peut-être une illusion que je me forme, mais l'espérance est le consolateur des maux de l'humanité. J'ai l'honneur d'envoyer à V. M. I. la grande Croix de mon ordre de l'Épée que M. de Zoritch ne pouvait d'abord recevoir, mais que je prie V. M. de vouloir bien lui donner, ayant eu le premier grade de Commandeur déjà quelques jours.

4. Изъ отвѣта Екатерины II на предыдущее письмо:

...Je m'en vais construire à Fredrikshamn un bâtiment pour nos rendez-vous futurs: le comte Bruce est chargé de choisir l'emplacement. J'ai remis au colonel Zoritch l'étoile qu'il tient encore des bontés de V. M. Si en cette occasion Elle a fait des envieux, je suis garante qu'Elle n'a point fait un ingrat.

5. Изъ письма Густава III отъ 17 августа 1777, изъ Дротингольма (посланнаго чрезъ кн. Бѣлосельскаго, котораго король особенно рекомендуетъ и проситъ наградить за энтузіазмъ, съ какимъ онъ говорилъ объ императрицѣ, и проч.):

J'ai été charmé de voir par la lettre que V. M. m'a écrite par M. de Borgenstjerna qu'Elle a déjà donné ses ordres pour la maison de Fredrikshamn. Le pr. Beloselski a été témoin des sentimens que mon coeur a éprouvés par l'espérance de vous revoir un jour.

6. Изъ письма Густава III отъ 5 сентября 1777 изъ Дротингольма.

...V. M. me permettra de Lui dire qu'il (le comte de Gothland) a grande envie de quitter avec Elle ce ton cérémon-

nieux et tout le protocole usité pour ne La traiter que de Sestra en vous priant de le traiter de votre Brat. Ce nom lui fut donné par vous le premier jour de son arrivée et ces momens lui sont si chers que tout ce qui les lui rappelle le transporte de joie.

7. Письмо Густава III отъ 13/24 октября 1777.

J'ai appris avec bien de la peine le désastre causé par la mer et par la tempête à Pétersbourg; l'empressement que le peuple m'a témoigné et l'amitié que vous m'avez marquée, Madame, pendant mon séjour me fait regarder la Russie pour une seconde patrie.

J'ai plaint les malheureux qui ont souffert, mais je vous ai plain (*sic*) encore plus qui souffrez pour eux et qui (du caractère que je vous connais) ressentiez plus leurs maux qu'eux-mêmes. Jē sais que vous avez veillé toute la nuit pour leur faire porter du secours et que vos mains bienfaisantes ont trouvé une nouvelle occasion de se satisfaire en répandant des bienfaits sur les malheureux: cela a fait éprouver à mon coeur un sentiment bien doux. Vous voyez combien je suis exactement instruit de ce qui vous regarde, Madame, et je vous avoue que dans la carrière où je suis cette instruction est une chose très nécessaire, vos moindres actions étant des leçons pour nous autres.

Mon frère le duc d'Ostrogothie est de retour ici depuis une quinzaine de jours; il a couru le monde, comme la princesse de Babylone, pour oublier ses amours; nous ne savons pas au sûr s'il y a réussi, mais il s'est beaucoup formé pendant son voyage. Il a vu plusieurs de vos sujets en Italie, entr'autres un prince Isoupoff, frère de la duchesse de Courlande, et un prince Beloselski dont il m'a dit beaucoup de bien. Si ce dernier est aussi aimable que son frère qui a été en Suède, c'est faire son éloge, car je n'ai guère vu d'étranger chez moi qui me l'a paru plus que lui; peut-être que le plaisir que j'avois de m'entretenir de vous, Madame, a beaucoup augmenté sellui (*sic*) que j'ai trouvé dans sa conversation. Nos femmes se l'arrachoient, tant il avoit le talent de leur

plaire, et il marquoit pour vous un attachement si franc que cela seul m'eût plu et intéressé. Il disait souvent: Oh, c'est une charmante femme que j'aime de tout mon coeur, c'est dommage qu'elle soit Impératrice.

Je faisais chorus avec lui, comme vous le croyez bien, en retranchant par esprit de corps la dernière phrase, quoiqu'au fond j'aurais eu grande envie de la dire, car si vous n'étiez pas Impératrice, on pourroit se flatter de vous voir à Stockholm et de vous voir souvent, et maintenant il faut chercher les circonstances et attendre les conjonctures pour jouir de ce bonheur en allant dans une petite ville de Finlande vous voir deux ou trois jours. Mon frère a vu l'Empereur à Lyon; ils ont logé dans la même auberge, et l'Empereur est entré sans qu'on l'attendît dans la chambre de mon frère, qui ne l'a reconnu qu'au portrait que j'ai de lui. Ils ont eu une assez longue conversation ensemble. Mon frère est enchanté de lui: il doit être très poli et très aimable; il lui a parlé beaucoup de mon voyage et de son admiration pour vous: il a dit que vous étiez la seule qui aviez fait de grandes choses depuis 20 ans. Cette phrase qui est bien vraie m'a paru digne de vous être rendue, venant d'un prince qui commence à jouir d'une réputation distinguée en Europe et qui y jouera probablement un grand rôle.

Cependant je vous prie, Madame, de ne point laisser entrevoir que c'est moi qui vous ai fait parvenir ces paroles, puisqu'elles ont été dites en confidence à mon frère. J'espère que nous aurons bientôt d'agréables nouvelles de chez vous et que la naissance d'un prince ajoutera un nouveau lustre aux prospérités de votre règne. Personne ne s'y intéresse plus que celui dont j'espère que vous ne doutez pas de la tendre amitié.

Gripsholm, le 13—24 d'Octobre 1777.

8. Письмо Густава III отъ 28 ноября 1777.

M. de Munk est revenu pénétré des sentimens de la plus vive et de la plus respectueuse reconnoissance pour toutes les bontés dont

vous l'avez comblé. Pour moi, je n'avois pas besoin de ces nouvelles marques de votre amitié, Madame, pour être pénétré des sentimens que vous êtes si faite d'inspirer, mais je vous avoue ingénument que mon cœur en est d'autant plus flatté que ces t'émoignages me sont de nouveaux garans de vos sentimens et de votre souvenir. Je me souviens du tems où je les ambitionnois comme des marques flatteuses de l'estime d'une grande princesse qui illustroit son siècle. Je ne vous connoissois pas personnellement alors: jugez combien ces sentimens doivent être accrus depuis que j'ai reconnu dans la plus grande femme la plus aimable de son siècle, celle la plus faite en tout pour obtenir les sentimens d'un cœur à qui aucune femme n'en avait encore pu inspirer de bien vifs et qui eût été trop dangereuse si elle eût été une particulière. Je vous demande pardon si j'ose vous dire des vérités aussi crûment, mais je sens une si grande satisfaction à les exprimer, et l'éloignement des lieux m'enhardissant vous ne devez me vouloir de mal si je ne peux me refuser cette satisfaction. Pour revenir à Munk, je puis assurer ma chère Soeur qu'il n'y a pas un petit recoin de votre château ou de vos appartemens où il a été, que je n'aie pas passé et repassé avec lui, et il a été pendant trois jours comme mis sur la sellette par mes interrogations. Pour moi, j'ai cru être un moment près de vous: il m'a semblé vous voir encore dans l'Hermitage debout devant le grand canapé, le prince Repnine assis et causant avec vous, enfin telle que vous étiez, Madame, quand j'y suis entré avec le pr. Potemkine. Tout cela se peint encore dans mon imagination avec la même vivacité comme si je le voyois. Je suis charmé que mes petits chevaux vous ont plu; s'ils pourroient contribuer à votre amusement, je serois au comble de mes vœux; j'ose m'offrir pour votre maquignon, et lorsqu'il vous en manquera dans votre attelage, j'aurai l'honneur de vous en fournir: j'ai exprès défendu qu'on en vendit plus pour être seul le maître de toute cette race.

J'ai annoncé lundi passé au chapitre des ordres la nomination de M. de Zoritch au cordon jaune de la gr. croix de l'ordre de

l'Epée avec les nouveaux titres dont vous l'avez décoré. Il m'a annoncé lui-même la grâce que chère Soeur lui avoit faite et dont j'ai été bien aise; je crois que vous ne pouvez rien faire de mieux pour votre service que d'honorer un homme qui me semble rempli de toute sorte de bonnes qualités et qui n'attend que l'occasion de vous rendre de grands services. J'ai donné dans le même chapitre la grande croix de l'Epée au général Troll. Les bontés que vous lui avez témoignées ont été pour moi la principale raison de lui faire ce cadeau. C'est en qualité de chevalier des Séraphins que je prends la liberté de vous entretenir de tout cela, et comme nous sommes sur le chapitre des ordres, je prends la liberté de consulter ma chère Sestra sur une petite affaire qui y a rapport. Elle connoît M. d'Eck et la complaisance qu'il a eue et veut bien encore avoir de favoriser notre correspondance: il n'y en a pas qui me fasse plus de plaisir, et comme je ne sais rien de si vilain que d'être ingrat, j'ai longtems songé à ce que je pourrois faire pour lui marquer ma gratitude, surtout depuis que ma chère Sestra m'a fait faire la réflexion des suites qu'une pareille correspondance a eues pour le chevalier d'Eck et le Cte de Broglio. J'ai donc imaginé de lui envoyer la petite croix de l'ordre de l'Etoile polaire, mais comme tout cela ne peut se faire qu'avec le consentement et surtout le bon gré de l'Impératrice de Russie, je prie ma chère Sestra de vouloir bien la sonder là-dessus, et si vous croyez que cela lui fasse plaisir, je vous prie de remettre la croix ci-jointe à l'Impératrice; mais si vous croyez que cela lui fasse de la peine, je vous prie, ma chère Sestra, de me renvoyer la croix en bonne parente, sans en parler davantage. Vous voilà donc mon ministre auprès de l'Imp. Voilà un cholli (*sic*) petit emploi, en vérité. Mais si votre coeur est vraiment persuadé des sentimens du mien pour elle, je ne puis trouver un meilleur interprète, ni un plus sûr garant de mes sentimens.

Stockholm, ce 28 novembre 1777.

9. Отъ Екатерины II къ Густаву III есть письмо, писанное изъ Фридрихсгама 18 іюня 1783 г., изъ чего видно, что она туда приѣхала прежде него. Вотъ отрывокъ изъ этого письма: *Quelque contentement que je ressente, mon cher Frère, de l'espérance de vous revoir dans peu, je vous avoue que je ne suis point sans de fortes inquiétudes sur l'état de votre bras; je ne puis que prier instamment V. M. de préférer Sa commodité à tout autre sentiment: diminuer vos souffrances, en honneur, seroit mon unique désir en ce moment; je meurs de peur que cette route si rude ne l'augmente; j'ai ordonné au Cte de Bruce et à tout le monde de faire ce qu'ils pourront pour la rendre moins dure; mais le moyen d'y parvenir dans une contrée qui n'est que roc!* (Потомъ выражена благодарность графу Поссе и Таубе за доставленіе извѣстій о королѣ)...

V.

Письмо Екатерины II къ Густаву III въ Венецію.

à Pétersb. le 17 Mars 1784.

Monsieur mon Frère et Cousin. J'ai eu l'honneur de recevoir la lettre que V. M. a bien voulu m'écrire de Naples, par laquelle Elle m'apprend combien peu on Lui a laissé de loisir dans ses courses diverses. Si mes ministres ont été de quelque utilité à V. M., je n'ai pas lieu de regretter les ordres que je leur ai donnés; en quoi je n'ai eu d'autres vues que celle de donner à V. M. une preuve de mon amitié et attention.

N'ayant point reçu de lettre de S. M. l'Empereur depuis son voyage d'Italie, je ne saurois satisfaire la curiosité de V. M. sur l'opinion que ce Monarque aura pris du c-te de Haga. Ce que je sais de certain, c'est que le mérite n'échappe point à la perspicacité d'un génie solide toujours occupé d'objets utiles et que les frivolités n'occupent qu'en observateur réfléchi et profond.

V. M. partant pour Rome, Venise, Parme, Milan, Turin et la France, je La prie d'être persuadée que mes vœux l'accompagnent partout. Si cependant V. M. souhaitoit de savoir des nouvelles de nos contrées, Elle apprendroit qu'on s'y plaint beaucoup de la disette des grains, de la rareté des espèces, des difficultés du tems présent; les vieilles gens donnent des éloges au passé, et les jeunes sautent et dansent. Nous sommes encore riches en projets; on débite que V. M. fait sourdement des préparatifs pour s'emparer de la Norvège: je n'en crois pas un mot de

plus que du bruit qui me menaçoit de l'invasion de vos troupes en Finlande, où V. M. prétendoit, à ce qu'on disoit, faire main basse sur mes faibles garnisons et aller tout droit à Pétersbourg, apparemment pour y souper. Comme je ne fais aucun cas ordinairement des propos de conversation, dans lesquels, pour embellir la diction, il y entre plus souvent des élans d'imagination que de vérité et de possibilité, je dis et fais dire à qui veut bien l'entendre, tout simplement, que je suis caution que de l'un, pas plus que de l'autre, il n'en est ni ne sera rien. V. M. voit que, quoique dans le Nord il n'y ait point de ruines de Pompeïa et autres lieux pour réchauffer l'imagination, que cependant nous n'en manquons pas. V. M. n'ayant pas vu les tumeurs du volcan Vésuve, Elle s'est amusée à la conversation du petit volcan Galiani, que je ne connais que de réputation. Je n'ai point encore son livre sur le droit des neutres: on me l'a toujours promis, mais je dois un remerciement à V. M. de la bonne recommandation qu'Elle m'a donnée près de l'abbé Galiani et de ce qu'Elle me dit d'agréable à ce sujet.

C'est avec plaisir que j'ai appris les progrès que fait journellement le prince royal et que mes petits-fils y aient contribué. Je rends grâces à V. M. de ce qu'en ami et bon parent Elle veut bien prendre part à la terminaison heureuse de mes différens avec la Porte; je la prie d'être persuadée de celle que je prends à tout ce qui La regarde, étant toujours avec une très haute considération et une amitié particulière, Monsieur mon Frère et Cousin,

de Votre Majesté

la bonne soeur, cousine, amie et voisine

Catherine.

VI.

Письма Густава III о Голштинскомъ наследствѣ.

1. Madame ma Soeur et Cousine. Accoutumé depuis longtems de vous ouvrir mon coeur, Madame, je regarde comme une douce obligation de vous parler avec franchise et de faire part à V. M. I. de mes inquiétudes sur ce qui me regarde en particulier et ma famille en général. La mort de notre oncle commun (l'évêque de Lübeck) en me causant la douleur que la perte d'un parent chéri (et du seul père de mon père qui me restait) devait faire sentir à mon coeur, me met dans la nécessité de faire des réclamations que l'intérêt de mon fils rend encore plus nécessaires aujourd'hui et que je ne crois point pouvoir obmettre sans blesser ma gloire et ce que je dois à moi-même, à mes frères et à ma postérité. V. M. se rappelle que dans le tems où le Grand-Duc disposa des souverainetés qu'il avait échangées contre le Duché de Holstein (l'ancien patrimoine de nos ancêtres) en faveur de feu mon Oncle, je fis part à V. M. des réservations de mes droits héréditaires tant près de l'Empereur des Romains que près de la diète de l'Empire. V. M. ne désapprouva pas ma démarche, et je la ménageais autant qu'il le fallait pour ne pas perdre entièrement mes droits: de justes égards pour mon vieux oncle me dictaient ces ménagements, surtout au moment qu'un mariage allait unir sa fille à mon frère et que je me voyais sans enfans. Les choses sont bien changées aujourd'hui: le ciel a béni mon mariage, et cet enfant, mon héritier, à qui V. M. a souvent té-

moigné prendre de l'intérêt, est une nouvelle obligation pour moi de ne rien négliger des droits que je lui ai transmis par le sang. Mon oncle est mort en laissant un fils qu'on peut regarder comme mort civilement; cependant j'apprends par la lettre que mon cousin l'évêque de Lübeck m'écrit, que ce fils a été proclamé comme héritier de l'Oldenbourg et du Delmenhorst et qu'à son défaut le nouvel évêque de Lübeck et ses enfans doivent lui succéder. Je vois ces souverainetés (que je ne croyais être qu'une cession usufruitère) passer comme héréditaires aux branches cadettes de la mienne, et ma famille exclue à jamais de l'héritage de nos pères, héritage garanti et confirmé par toutes les lois de l'Empire germanique, par la paix de Westphalie, et confirmé par l'Empereur Joseph premier dans celui d'Altranstadt. Dans de pareilles circonstances je me vois forcé par ma propre gloire de réclamer le chef de l'Empire, la diète et mon cogarant du traité de Westphalie. V. M. ne m'estimerait pas si je n'agissais ainsi; Sa grande âme connoît trop les devoirs et les lois de l'honneur pour ne pas approuver que chacun défende ses droits; mais lorsque je satisfais ainsi à ce que je me dois à moi-même, à mon fils, à ma famille, je ne puis voir qu'avec peine l'incertitude où je jette les enfans du prince évêque, mon cousin, et comme je ne suis point porté aux démarches que je fais ni par une ambition inquiète, ni par aucun ressentiment, mais uniquement par ce que je crois que mon honneur et mon devoir envers ma postérité exigent, je m'en ouvre franchement à V. M. pour La prier de trouver quelque moyen de me dédommager et de réunir sur une base solide les coeurs et les intérêts d'une famille qui est la Sienna et que je me flatte qu'elle aime également. Vous et votre fils, Madame, avez montré avec générosité votre amitié pour le prince, mon cousin; vous ne voudrez pas laisser sa postérité dans une incertitude fâcheuse, ni une pomme de discorde entre des parens qui ne souhaitent pas mieux que d'être unis. C'est à vous, Madame, à trouver dans votre amitié pour nous des moyens de nous contenter tous, et je puis assurer V. M. que dès qu'Elle

m'en proposera qui pourront être conformes à mon honneur, qui exige le contentement de ma famille, je serai infiniment aise d'établir sur une base solide les intérêts communs de notre maison. C'est avec les sentimens de l'amitié la plus vraie et de la plus haute considération que je suis,

Madame ma Soeur et Cousine,
de V. M. I.

le bon frère, cousin, voisin et ami

Gustave.

Drottningholm, le 18 août 1785.

Pour ne rien laisser ignorer à V. M. de mes demandes, et Lui montrer une confiance entière, je joins ici la copie de ma lettre à l'Empereur.

2. Madame ma Soeur et Cousine. Je ne puis cacher à V. M. I. la surprise que m'a causée la lettre que vous m'avez écrite en réponse à la mienne du 18 août. Je vois par son contenu qu'on a voulu surprendre la religion de V. M. et qu'on Lui a donné une notice fausse des engagemens contractés par le feu Roi mon Père. V. M. verra par l'article du traité même de 1750, conclu entre mon père et mon beau-père le roi Frédéric V de Danemark, que mon père n'a jamais renoncé aux droits héréditaires de sa maison, mais qu'en échangeant éventuellement l'Oldenbourg et le Delmenhorst pour l'Holstein, il se reservoit tous ses droits sur ces deux premières souverainetés qu'il promettoit de recevoir en échange pour le Holstein lorsque la succession lui en seroit ouverte ¹. Les Suédois ont de tout tems eu trop d'élévation pour

¹ Къ писъму было приложено:

Extrait du Traité définitif entre le Roi Frédéric V de Danemark et le Prince Successeur au trône de Suède Adolphe Frédéric, conclu le 25 Avril 1750.

Art. IV. Comme un équivalent à cette cession et translation éventuelle, faite à S. M. le Roi de Danemark et à ses héritiers et descendans mâles, Sa dite M. cède de son côté pour Elle, ses héritiers et descendans mâles, à S. Alt. Royale le

avoir voulu dépouiller de son patrimoine le prince auquel leur choix défera la couronne; et je puis assurer V. M. qu'il n'a jamais été question de renoncer à des droits transmis par nos ancêtres, et V. M. a l'esprit trop juste pour ne pas sentir qu'il y a une bien grande distance entre ne pas se contenter des états que la Providence nous a confiés ou de soutenir avec fermeté, mais modération, des droits légitimes et incontestables dont on veut nous priver. Vous jugerez donc bien, Madame (j'ose m'en flatter), que les démarches que j'ai faites déjà en 1775 et que je vous renouvelle, sont fondées sur le bon droit, sur la justice et les lois de l'Empire Germanique, et lorsque je m'offre à me prêter à des arrangemens qui puissent nous contenter tous, je vous donne une nouvelle preuve des sentimens de confiance et d'amitié, ainsi que de la haute considération avec laquelle je suis,

Madame ma Soeur et Cousine,

de V. M. I.

bon frère, cousin, ami et voisin

Gustave.

Drottningholm, ce 19 Novembre 1785.

3. Письмо Густава III къ В. К. Павлу Петровичу отъ 18 августа 1785.

Monsieur mon Frère et Cousin. Les sentimens qui m'unissent à V. Altesse I., bien plus encore que les liens du sang, m'engagent à m'ouvrir cordialement envers vous, mon cher cousin, sur les arrangemens que vous avez faits relativement à vos possessions allemandes, dont j'ai ignoré jusqu'ici toute l'étendue. J'ai cru que vous aviez laissé à feu mon Oncle, l'évêque de Lübeck, l'usufruit de l'Oldenbourg et du Delmenhorst, et bien

prince successeur au trône de Suède, ses héritiers et descendans mâles, les deux comtés d'Oldenbourg et de Delmenhorst. (Cet art. est mot à mot inséré et ultérieurement confirmé dans le Traité de cession du 15 mai de la même année, ainsi que dans la confirmation de l'Empereur François I du 2 janvier 1764).

loin de vouloir en rien déroger à vos droits souverains, je n'ai fait que me réserver mes droits au moment que feu mon Oncle en demandoit l'investiture à l'Empereur. Mais j'apprends aujourd'hui que les peuples de ces souverainetés ont prêté serment à son fils comme héritier, et, à son défaut, au nouvel évêque de Lübeck et à sa postérité. Vous me permettrez de vous observer qu'un pareil arrangement prive toute ma branche de ses droits héréditaires et du droit de primogéniture que nous avons, étant issus du frère aîné des deux princes dont les descendans sont appelés à la succession à notre préjudice, que cette forme de succession est directement contraire aux lois de l'Empire germanique, aux pactes de notre maison, les premières garanties par le traité d'Altranstadt confirmé par l'Empereur Joseph I et que V. A. I. peut bien disposer de l'usufruit de ses domaines, mais non en priver ses enfans et ses légitimes héritiers, qu'un pareil acte alarmera indubitablement tous les princes de l'Empire, qui craindront de voir établir un exemple qui pourroit mener à la destruction et à l'incertitude de toutes leurs possessions. Vous êtes trop juste, vous avez des principes d'une équité trop sévère pour en vouloir déroger vis-à-vis de vos parents, je dis plus, vis-à-vis de vos enfans, car c'est leur cause que je plaide. C'est cette même raison éclairée, c'est cette même probité (qui fait la plus belle base de votre réputation) à qui j'en appelle et qui m'assurent que vous trouverez naturel que je réclame les lois auxquelles tous nous sommes soumis comme princes de l'Empire et dont la sainteté m'est encore plus précieuse en qualité de garant du traité de Westphalie. C'est aussi conformément à ces principes que j'ai fait réclamer mes droits près de l'Empereur comme chef de l'Empire, à la diète de l'Empire, et que mon cogarant le roi de France a été également réclamé. Je crois devoir vous faire part de ces démarches comme au chef de ma maison: je les ai faites parce que je les ai crues conformes à mon devoir de père et de frère et qu'il eût été contre ma gloire et mon honneur de ne pas veiller au soutien de mes justes droits. Je vous prie de croire que c'est

avec une vraie peine que je me vois forcé de jeter une incertitude fâcheuse sur le sort des enfans que j'aime véritablement et que je me ferais un vrai plaisir d'en tendre à des dédommagemens qui, en assurant l'union de notre maison, seraient conformes à mon honneur et au contentement de ma famille. C'est à V. A. I. à achever son ouvrage en l'assurant par l'union de toute la famille dont Elle est le chef, et je vous puis assurer que vous m'y trouverez très porté. C'est avec les sentimens les plus distingués d'estime et de l'amitié la plus tendre que je suis, Monsieur mon Frère et Cousin,

de V. A. I. bon frère, cousin et ami

Gustave.

Drottningholm, ce 18 Août 1785.

VII.

Два письма Екатерины II, писанныя по заключеніи союза съ Густавомъ III.

1. Je suis charmée, mon cher Frère, de voir par le ton que vous avez pris dans votre lettre du 17 Septembre que vous êtes revenu entièrement aux anciens sentimens dont vous avez fait profession autrefois à mon égard et auxquels V. M. me trouvera toujours prête à répondre avec la cordialité la plus parfaite. Vous savez à l'heure qu'il est quelles sont mes dispositions à l'égard des liens d'alliance politique par lesquels je suis prête à resserrer ceux du sang qui nous unissent. Ces dispositions ont pour base les principes d'égalité et de réciprocité entière, et dès lors je ne dois pas craindre qu'elles puissent ne pas nous conduire au but que nous nous proposons. C'est dans cette confiance que je n'ai pas balancé de vous faire part de mes sentimens les plus secrets à l'égard des affaires de France. La lettre du roi d'Angleterre que V. M. m'a communiquée n'est qu'une copie de celle que ce prince a écrite à l'Empereur; elle est vague et le moins que l'on puisse en conclure est qu'il n'y a point de fond à faire sur le concours de S. M. britannique. Mais ce qu'il y a de plus fâcheux dans cette affaire, indépendamment du défaut de chaleur que montrent les autres souverains, c'est de voir la mésintelligence qui paraît régner entre la reine de France

et les princes réfugiés en Allemagne. Egalemeut dépouillés de toute autorité et de toute prérogative, ils semblent manifester pour la jouissance de cette autorité et de cette prérogative les mêmes ombrages et la même jalousie comme s'ils en étaient déjà en possession, sans songer qu'ils ne parviendront jamais à en rétablir l'ombre, à moins d'une union intime et d'une opération sincère et parfaite. Vous pouvez, mon cher Frère, avoir sur ce triste sujet des notions encore plus amples que les miennes, et peut-être aussi ne manquez-vous pas non plus des moyens de prêcher, là où il appartient, la paix et la bonne intelligence si nécessaires pour le bien commun d'eux tous. Quoi qu'il en soit, mes intentions et mes résolutions sont les mêmes, et je compte beaucoup sur la constance des vôtres et sur les démarches et instances que je renouvelle auprès des cours de Vienne et de Berlin, afin de les déterminer à agir dans le sens favorable à nos vœux. Dans le cour de cet hiver nous saurons à quoi nous en tenir, et je ne perds pas du tout l'espoir que nos intentions bien-faisantes, nobles et aussi grandes que généreuses ne prévaillent à la fin. Ce sera un titre de plus que j'ajouterai à tous ceux que me dicte pour vous l'amitié tendre et sincère avec laquelle je suis,

Monsieur mon Frère, de votre Majesté
la bonne soeur et cousine, amie et voisine

Catherine.

St.-Pétersbourg, 29 Septembre 1791.

2. Monsieur mon Frère et Cousin, En conformité de la lettre que j'ai adressée à Votre Majesté par le courrier, porteur des ratifications du traité d'alliance nouvellement conclu entre nous, je Lui dois communication de la réponse que j'ai reçue de l'Empereur sur les nouvelles ouvertures que je lui ai faites au sujet des affaires de France. Votre Majesté trouvera ci-joint copie de cette réponse, qui ne servira qu'à Lui confirmer ce qu'Elle sait

déjà sur les intentions négatives de l'Empereur, sans Lui en expliquer les motifs. Ceux-ci se trouvent consignés dans une dépêche très longue dont j'ai fait faire un extrait que je fais passer au comte de Stackelberg, avec ordre de la communiquer sous le sceau du secret à Votre Majesté. Elle y verra que la cour de Vienne considère comme un changement en mieux, ce qui dans le fond n'est que la consommation de ce qu'elle voulait elle-même prévenir et empêcher, en proposant, comme elle l'a fait au mois de juillet dernier, un concert entre les puissances. La proposition qu'elle fait de tenir ce concert toujours ouvert et toujours existant n'est qu'une preuve de plus de la stérilité des mesures ou plutôt des effets qu'il a produits jusqu'ici et du peu d'espérance qu'il présente pour l'avenir, puisqu'elle ne présente aucun plan d'opération ni de moyens fixes à combiner. Quelques décourageantes que soient les dispositions que cette cour a montrées récemment sur l'objet en question, je ne me rebute point dans mes efforts pour l'en faire changer, et je mets encore quelque espoir dans ceux que j'emploierai à la désabuser principalement de l'idée où elle est et qu'elle allègue pour raison de son inaction; que les plans et les démarches des princes ne s'accordent pas avec ceux qu'on a adoptés et qu'on veut suivre aux Tuileries. En effet, toutes mes notions et toutes mes données se réunissent à constater le plus parfait accord qui règne entre le roi, la reine de France d'un côté, et les princes réfugiés en Allemagne de l'autre. La lettre que le baron de Breteuil, qu'on croit principalement chargé du secret de son maître, m'a fait parvenir et dont le comte de Stackelberg montrera également la copie à Votre Majesté, vient à l'appui de cette vérité, car si elle n'en contient pas l'aveu, elle en porte l'esprit dans les remerciements qu'il me fait au nom du roi, de l'intérêt que j'ai marqué pour sa cause et celle de la France entière. Il partage la reconnaissance que m'a témoignée la noblesse française, et semble en quelque façon suppléer par la lettre au défaut de sa signature dans celle que cette noblesse m'a adressée. En éclairant l'Empe-

reur sur cette vérité, peut-être parviendrai-je à ébranler ses résolutions actuelles et à les rendre plus favorables aux intentions qui nous animent, Votre Majesté et moi. J'avoue que je désire ce succès bien plus que je ne l'espérerais si le chapitre des événements à prévoir en France ne me fournissoit une riche attente de faits plus persuasifs que les axiomes et qui obligeront la cour de Vienne tôt ou tard d'agir. Peut-être la reine de France sera-t-elle elle-même dans la nécessité de réclamer l'assistance de son frère. Votre Majesté doit savoir mieux que moi s'il est bien difficile de l'y porter. Plus la cause que nous plaidons est digne de nos soins, plus nous devons ne rien négliger pour la faire triompher, et nous aurons, mon cher Frère, auprès de nos contemporains et de la postérité le mérite de ne pas nous être désistés d'une si belle entreprise sans avoir fait tous les efforts possibles pour surmonter les difficultés que nous avons rencontrées. C'est avec les sentimens de la plus sincère amitié et de la plus parfaite considération que je suis,

Monsieur mon Frère et Cousin, de Votre Majesté
la bonne soeur, cousine, amie, alliée et voisine

Catherine.

St.-Petersbourg, 6 Décembre 1791.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

DEC 18 '65 H

846-019

